

*To be or not to be?
That is the question!*

курить *или* ? не курить!

Вот в чём вопрос!

Издательский Дом
«Русская Арктика»
2021

УДК 613.6.01
ББК 51.1(2)5

*Сия книга издана
благословением Преосвященного Иакова,
епископа Нарьян-Марского
и Мезенского.*

2021 год от Р. Х.

ISBN 978-5-98797-228-1

© ИД «Русская Арктика», 2021

От издателя

Рукопись сия была обнаружена мною в ящике стола в каюте, где во время высокоширотной экспедиции (08.09.2012 – 08.10.2012) я находился, будучи включён в состав экипажа атомного ледокола «Россия». В жизни случается много неожиданного. И листы писчей бумаги, найденные при водворении в каюту главного врача, – из числа таких удивительных происшествий. Содержание статьи показалось заслуживающим того, чтобы размышления автора, кто бы он ни был, стали достоянием многих.

Дальние странствия дарят неожиданные встречи, удивительные находки. И это полярное обретение, думаю, столь же закономерно, что и толстенный том Освальда Шпенглера «Закат Европы» в домике дизелиста закрывавшейся станции «СП-39» – посреди бескрайних льдов суровой Арктики. «Закат (Шпенглеровской) Европы» достался по наследству героям-полярникам юбилейного дрейфа «СП-40», а рукопись неизвестного автора передана по назначению – в Издательский Дом «Русская Арктика».

В данном случае в отсутствие имени логично указать координаты обнаружения трактата «о вреде курения и пользе здравого смысла», ибо ничего другого нам, любезный читатель, не остаётся.

Северный Ледовитый океан

85° 20' N

142° 53' W

епископ самой северной епархии России

Знамение времён

В современном мире курение давным-давно стало повсеместным явлением. Курят на всех континентах, люди всех национальностей и самых различных возрастов, профессий и убеждений; врачи и их пациенты; подростки, дети и старики, стоящие уже одной ногой в могиле; здоровые и безнадежно больные. И все доводы медицинской науки, которая действительно давным-давно доказала, что курение наносит исключительный вред здоровью человека, при всей своей неоспоримости не очень-то останавливают людей. По крайней мере, дело обстоит именно так у нас, в России. На рационалистическом Западе всё как будто иначе: но суть даже не в том, что здравый рассудок подсказывает курильщику, устрешённому ужасающими картинками на сигаретных пачках, весьма наглядно иллюстрирующими тему заживо разлагающихся лёгких: остановись! Западный человек, ставший экономической и финансовой составляющей экономической и финансо-

вой системы государства, уже приучен оценивать и планировать своё бытие именно с рациональной точки зрения. Страховка страховкой, однако лечение стоит дорого, а болезнь — это прежде всего лишение самой возможности комфортабельного биологического существования.

Нетрудно понять, что не курить гораздо выгоднее во всех отношениях, чем курить. В итоге Запад массово бросает курить. Впрочем, есть ещё один важный аспект: Запад уже прошёл этап табачной обработки, он уже шагнул намного дальше — и от «разумно употребляемых» доз наркотиков западная цивилизация вовсе не думает отказываться. В России же проблема курения как была, так и остаётся — несмотря ни на какие законы, запрещающие курение в общественных местах. В России проблема курения по-прежнему актуальна.

Настоящая книга написана не с той целью, чтобы содействовать умножению и так огромного числа публикаций, авторы которых убедительно показали и показывают, что курение приносит вред. Безусловно, такие статьи будут появляться, и это хорошо; более того — они необходимы, поскольку люди всех сословий и во все времена учились, учатся и будут учиться исключительно на своём собственном опыте. Притом не следует забывать, что каждое поколение нуждается в наставлении, исходящем от современников, то есть

вразумлении и живых свидетелях в общем-то прописных истин.

Такие нравоучительные примеры нам предоставляют те, кто может сообщить авторитетное суждение на данную тему. Как, к слову, бросил курить известный актёр Василий Лановой? Очень просто. Вот его краткий рассказ.

«Как почти все мои сверстники, в молодости я курил и совершенно не задумывался о том, чтобы избавиться от папиросы. В конце концов, в актёрской среде это один из эффектных штрихов образа, который создаёт человек моей профессии. Шли съёмки фильма "Коллеги" — истории врачей, их судеб. Чтобы войти в роль, надо понять её суть — через жизнь. Именно поэтому я пришёл в больницу и оказался "участником" операции на лёгких курильщика со стажем. Трое людей в белоснежных халатах склонились над операционным столом. Кратчайшие реплики — словно кодограмма, воплощавшаяся в приказах хирурга ассистенту и медсестре. Лёгкие, чуть слышные звуки соприкосновения хирургических инструментов. Операционная, когда в ней разворачивается мистерия, в которой встречаются жизнь и смерть, а на грани между ними — человек, и люди, которым дана власть и силы помочь, — завораживает.

Скальпель хирурга вскрыл поражённый курением орган — лёгкие... Чёрная, зловонная, разлага-

ющая материя — человеческая плоть... Не могу в полной мере передать впечатление от ужасающего смрада, распространившегося по операционной. Пытаться описать словом этот кошмар — тяжёлый, зловонный, проникающий внутрь тебя и делающий невозможным дыхание, — безнадежное дело. Самое подходящее и, пожалуй, единственно верное определение того, что наполнило воздух операционной и источником которого были больные лёгкие курильщика, — ад. Именно так, я несколько не преувеличиваю. Вынести, вытерпеть, перебороть отвращение, смешанное с ужасом, я не смог.

В нашей кино-театральной жизни всё слишком прочно связано с профессией: во всех обстоятельствах мы обретаем опыт, который потом в своё время воплощается — на сцене, в кадре. Профессиональный актёр, достигший мастерства в своём ремесле работы с мыслями и чувствами, меня поймёт. Если актёр не выдерживает испытания, значит, отступает перед тем, что составляет суть его профессии — и жизни; значит, опыт действительно за гранью его сил. Произошедшее в тот день со мной в операционной стало катарсисом. И слава Богу, что так; что это случилось: с того самого дня я не курю. Больше в моей жизни не было ни одной сигареты».

Справедливости ради следует дополнить рассказ известного актёра по очень простой причине:

услышанное всегда нужно сверять с реальностью. Ради научного интереса я посмотрел фильм «Коллеги» — благо, что в наше время для этого совсем не нужно обращаться в Госфильмофонд и ехать в Белые Столбы. Особенно парадоксален — после услышанного из уст Ланового — финал фильма. Суть эпизода, завершающего картину, такова: молодые хирурги спасают своего товарища — делают сложную операцию. Операция закончена, медики в изнеможении, выйдя из операционной, опускаются на лавку. Вытирают пот со лба и, увыв... просят закурить. Естественно, им радостно (!) протягивают папиросы (в то время в СССР для простых смертных сигарет просто не существовало). Оба закуривают, глубоко затягиваясь; киноактёры (Лановой и Анофриев) изображают состояние героизма и счастья. И апофеоз киноленты. Под балконом приёмного покоя толпа переживающих за жизнь раненого. Уборщица больницы, характерный типаж — толстая, добрая, сердобольная женщина в тёмном халате — распахивает стеклянные двери и дрожащим от волнения голосом (на глазах слёзы) произносит: «Закурить просят... (о врачах)». Множество рук — с папиросами — протягиваются (от земли к небесам, то бишь балкону) к принесшей добрую весть и просившей для врачей «закурить». Последний план, после которого пойдут титры: счастливые советские медики, спасшие сценически зарезанного

у заснеженного барака интеллигента в очках (это Василий Ливанов), блаженно курят. Занавес. Конец фильма.

Впрочем, что могли сделать актёры? Только послушно и талантливо исполнять замысел режиссёра. Что мы и видим. Кстати, Ливанов, как говорится, догнал и даже перегнал своих киношных товарищей — его трубка «Шерлока Холмса» служила очень серьёзной экспрессивной деталью для создания образа великого сыщика, что Ливанов с великим удовольствием, пуская клубы густого дыма и наслаждаясь процессом, потом и делал. Так часто — и очень часто — бывает в жизни. Человек понимает неправильность своих действий (или, как в случае с Лановым, роли), но что делать? Искусство, режиссёр, обстоятельства «требуют жертв». И очередной эпизод становится выразительной иллюстрацией в данном случае нашей темы курения. Впрочем, для Василия Ланового такое режиссёрское решение окончания фильма пошло на пользу — он бросил курить окончательно и бесповоротно.

Медицинские и нравоучительные издания на тему «о вреде курения» будут и должны вразумлять, во всяком случае, до тех пор, пока курительный табак существует в жизни *homo sapiens*. Увы, «человек разумный» со времён грехопадения бесконечное число раз демонстрировал и демонстри-

рует примеры пагубного неблагоприятия. Ясно, что бóльшая часть населения планеты Земля будет участвовать в этом процессе и впредь, как говорится, до скончания века... Эта брошюра призвана рассказать не о том, что курение вредно (уже изъяснено многажды), но о том, что курение есть зло.

Я долго размышлял о том, почему курение есть грех, то есть зло. Общие рассуждения при всей бесспорности аргументации, сводящейся к приговору: «вредно», всё равно не удовлетворяли. Пытливый человеческий ум не успокоится, пока не найдёт правильный ответ, правильный по существу, а не по общим понятиям категорий здоровья и болезни. По правде сказать, мысли о курении как феномене религиозной жизни человека, где слова «благо» и «грех» имеют отнюдь не абстрактно-морализаторское звучание, стали появляться вскоре после того, как я стал христианином. Кроме того, приходилось — и довольно часто — в разговорах с курильщиками слышать вопросы, побуждавшие к размышлению именно на эту тему.

Общение с молодыми людьми, студентами духовной семинарии и академии, подтвердили мои опасения: их ответы признать основательными я не мог. Тем не менее дальнейшее изучение вопроса убедило, что именно в области духовных знаний обретается ответ. А тот факт, что люди, которые, казалось бы, уже в силу своей принад-

лежности церковному сословию должны были исчерпывающе и правильно объяснить, в чём же, собственно, заключается греховность пресловутого курения, оказались бессильны помочь совопро-
снику века сего, означал, скорее всего, следующее: в советские времена стремительного приближе-
ния населения нашей многострадальной Родины к «светлому будущему» Церковь просто выживала в безвоздушном пространстве всеобщего и «на-
учного» атеизма, а её лучшие умы были заняты более насущными проблемами современности, нежели курение граждан Страны Советов. При этом необходимо учитывать тот факт, что в нашей стране курильщики в абсолютном своём большин-
стве не принадлежали к церковной пастве и, как правило, чрезвычайно редко посещали храмы Бо-
жии. Чаще всего они переступали порог церкви, будучи формально приглашёнными на крестины, или пересекали границу между двумя мирами уже окончив свой жизненный путь, то есть в качестве покойников.

Иными словами, лучшие умы Русской Церкви в эпоху семидесятилетнего пленения находились в ситуации, напоминающей известную историю, почти анекдот, произошедшую с прославленным Иваном Петровичем Павловым, как известно, первым российским учёным, получившим Нобелев-
скую премию (1905 г.). Грянула великая и ужасная

революция, превратившая Ивана Петровича Павлова в советского гражданина и советского академика. Однажды Павлов, проходя возле православного храма (учёный оставался привержен укладу жизни прежней, истово верующей Руси, несмотря на ожесточённую борьбу Советского государства с религией), как обычно, неспешно перекрестился, надел шляпу, и тут проходивший мимо молодой красноармеец с чувством сожаления и в то же время внутреннего превосходства произнёс, обращаясь к незнакомому старику: «Эх, темнота... Подучиться бы тебе немножко, дедушка!» — и довольный собой посмотрел вслед «дедушке», лишь пожавшему плечами в ответ на сочувствие красноармейца. Нобелевский лауреат, церковный староста Санкт-Петербургского Знаменского собора пошёл своим путём — к настоящему светлому будущему, а гегемон остался ожидать трамвай.

Было бы несправедливым считать, что до того, как наступило — всерьёз и надолго — это самое светлое будущее с безбожными пятилетками и самым настоящим богоборчеством, никто не пытался разобраться с курением, в равной степени захватившим и революционные низы, то есть пролетариат, и контрреволюционные верхи, то есть аристократию — родовую и финансовую. О курении написана брошюра самим Павлом Флоренским — увы, столь же невразумительная, сколь и наукообразная, как и аб-

солютное большинство его философско-религиозных опусов. По крайней мере, пытаться найти ответ о сути курения в витиеватых глубокомысленных эзерсисах Флоренского — дело бесполезное. Самое ценное, что есть в размышлениях Флоренского о курении, это исторический документ — текст Указа царя Алексея Михайловича*. Указ запрещал подданным русского государя употреблять «дьявольское зелье». Уже одно то обстоятельство, что самодержец был столь озабочен распространением «душепагубного» обычая на Руси, говорит о многом. Причём речь в Указе идёт именно и исключительно о том, что употребление табака есть смертный грех, о вреде здоровью ничего не сказано. И это тоже заставляет задуматься: что же видели благочестивые русские люди, жившие в XVII веке, в таба-

* Указ подтверждал прещения, содержащиеся в Соборном Уложении 1649 года, а именно: «А которые стрельцы и гулящие и всякие люди будут в приводе (за курение, употребление и хранение табака. — *Изд.*) дважды или трижды, и тех людей пытать и не одинова, и бити кнутом на козле, или по торгом, а за многие приводы у таких людей пороти ноздри и носы резати, а после пыток и наказанья ссылати в дальние городы, где государь укажет, чтоб на то смотря иным так неповадно было делать» (Уложение Соборное 1649 г. Глава XXV). Так Алексей Михайлович продолжал дело своего венценосного родителя: в 1634 году Михаил Феодорович Романов своим царским Указом предписывал карать курильщиков кнутом и вырыванием ноздрей; продавцов «дьявольского зелья» казнили.

кокурении, пришедшем к нам из Западной Европы? Документ, изъявляющий строжайшее царское прещение приверженцам «дьявольского курева», очень интересен. Обратимся к его содержанию и процитируем важнейшие пункты Указа.

*«Божиею милостию Мы,
Государь и Царь Алексей Михайлович*

УКАЗ

Во всенародное известие объявляем и наказуем православных христиан о проклятом табаке, да во известие вам буди. Усмотрено архимандритом Геннадием, что в православных христианах имеется проклятый табак не только в мужеском полу, но и в женском, ввязавшийся в грех смертный... Имеется в православных христианах проклятый табак и в малых сосудех и его — держаще при себе, и нюхающе в ноздри, и кладуще за губу в рот, оскверняюще уста своя, а иные взявши трубку и накладше полную табаку и взявшие в рот и сосав в себе, испуская шедый изорту огонь, аки диавол испускавши искры из себя...

Государь Царь Алексей Михайлович приказал объявить во всенародное известие о проклятом табаке, и о грехе смертном, как народ падает во грех смертный и приказал своему синклиту подозрение иметь, откуда взялся оный проклятый табак... Табаку ону привезли поляки...

Наипаче подтверждаю и молю вас, христиане, да не отлучимся вечных благ. Великий Государь Алексей Михайлович и весь священнический чин молит вас, чтобы не было в вас проклятого табаку.

Царь и Государь Алексей Михайлович.

Архиерей присутствующий

Евстафий Вологодский,

клирик Симеон Яковлев.

1650 года, апреля 2 дня».

Павел Флоренский, приведший этот интереснейший исторический документ, заключает: «Такова старая оценка мистической ядовитости табака нашими предками. Новейшие воззрения на табак, на его полную несовместимость со святыней, на его беспривлекательную способность, в силу утери связи человека с реальностью и, следовательно, вследствие духовного одиночества, подтверждают древние о нём суждения. В беседе с одним отшельником пришлось говорить раз о степени авторитетности некоего лица, носившего наибольший сан Православной Церкви. Отшельник решительно утверждал: "Он здесь ничего не может понимать". Но почему же не просто "не понимает", а именно "не может" понимать? "Он ведь курит", — был ответ. Далее последовало разъяснение о несовместимости духовного опыта с курением табаку. Хо-

дят многочисленные рассказы о несовместимости табаку и святыни. Нет оснований сомневаться в исторической подлинности основы этих рассказов». К сожалению, Павел Флоренский далее таких наблюдений пойти не смог, обратившись к философствованию на тему курения с позиций критики кантианства.

В воспоминаниях о святом праведном Иоанне Кронштадтском есть описание эпизода, относящегося к нашей теме. Однажды некий купец спросил отца Иоанна, почему курение — дело греховное? И получил ответ — простой и очень действенный. Всероссийский пастырь так объяснил своему собеседнику суть его проблемы (купец был курильщик): «Вот вы, дорогой мой, как и всякий христианин, приступая к какому-либо делу, предваряете его молитвой. И перед вкушением пищи мы молимся, и отходя ко сну. А попробуйте-ка сотворить молитву — прочтите "Отче наш" перед тем, как закурить папиросу». Купец задумался, видимо, в уме своём представляя, как это: помолвившись Отцу Небесному и предавая себя в Его святую волю, закурить... Покряхтев, он произнёс: «Нет, не идёт. Как-то несообразно получается. Нет, решительно не могу! Увольте!»

В своё время Афонским Русским Пантелеимоновым монастырём была издана брошюра «Какой вред приносит человеку табак?» При всей простоте

изложения она весьма убедительна; и назидательность увещания о добром не потеряла своего достоинства и в наш век «научно-технического прогресса». Автор брошюры пишет: «Присмотритесь внимательно к своей жизни: сколько там фальшивых и пустых привычек и обычаев, которые приносят неисчислимый вред человечеству, потому что не встречаются со стороны его никакого отпора и даже считаются необходимостью!

Об одной, чуть ли не самой глупейшей из таких привычек и в то же время самой распространённой, мы и намерены повести настоящую беседу, чтоб хоть сколько-нибудь показать, как иногда человек за ничтожное удовольствие может платить лучшим своим состоянием — здоровьем тела и свежестью ума. Мы говорим, конечно, о вредной привычке курить и нюхать табак. В самом деле, видя, как в настоящее время кругом тебя курят и стар, и млад, невольно даёшься диву: что же это за забава такая, что всё больше и больше одолевает она человека, и не в редкость уже встретить даже женщину, с довольным видом попыхивающую папироской, а то и трубочкой, чего прежде никогда не бывало. Да и теперь во многих сёлах и деревнях, где сохранились ещё добрые нравы, с ужасом посмотрят на женщину, которая осмелилась бы побаловаться "чёртовым зельем", как справедливо называют табак...

Словом сказать, курить-то охотников много, а поразмыслить да подумать: подлинно ли это удовольствие невинно и не платится ли за него своим здоровьем тот, кто им пользуется, — об этом хоть и не спрашивай: из сотни едва один сумеет объяснить это, да и то как? Стыдно, господа курящие, быть в таком неведении относительно вашего любимого развлечения! Давно пора обратиться к сведущим людям науки и послушать, что они скажут об этом предмете, и мало того, что послушать, но принять сказанное к руководству, так как слова их есть свет, проливаемый наукой, и грешить против правды не могут».

Действительно, наука может сказать о курении очень много, тем более в наш, столь просвещённый век. Наверное, грешно сетовать на то, что академическая церковная наука в период тотального и всеобщего воинствующего атеизма на просторах даже не $\frac{1}{6}$ части суши планеты Земля, а всего социалистического лагеря занималась не тем, чтобы отвечать на вопросы, подобные интересующему нас сегодня, — о вреде курения. В тех обстоятельствах богословы, как и вся полнота Русской Церкви, молились, чтобы Господь сохранил верных, то есть они занимались своим непосредственным делом. Сейчас другие времена, потому и возможно, и должно, не оставляя главного, отвечать вопрошающим о столь, на первый

взгляд, незначительном феномене, каковым является пресловутое курение.

В мемуарах Ильи Репина отображено первое, косвенное, знакомство знаменитого русского художника с курением, получавшим всё большее распространение в самых различных сословиях российского общества того времени. Эти заметки имеют самое непосредственное отношение к нашей теме.

«— Пойдём отцовскую кибитку посмотрим, — сказала нам маменька, и мы пошли за ней.

— Да что там смотреть? — сказал в раздумье батенька и остался на крыльце стоять, скучный-скучный.

...Маменька стала открывать все ящики; сколько разных, задвинутых ловко, никто не найдёт...

— А это что?

Маменька вытащила великолепную трубку, отделанную серебром...

— Дайте посмотреть! — лезу я к трубке.

— Поди, дурак, что тут смотреть эту гадость?!

Трубка сильно воняла табаком и пачкала руки коричневой липкостью. Маменька подняла трубку и показывает её батеньке.

— А? Посмотри, бессовестный, — и стала очень сердита. — Пойдём же, — сказала она мне, — бросим её в печку: бессовестный, не может отстать — греха набирается: курит эту гадость, и как ему не стыдно!

Батенька тихо стоял на крыльце, повернувшись несколько в сторону, он смотрел куда-то вдаль и ни слова не говорил... Маменька шла прямо в кухню. В глубине русской печки жарко горели дрова. Маменька быстро бросила трубку...

— Маменька! Зачем? Дайте лучше мне! — вскричал я и готов был заплакать.

— Что ты?! Что ты, курить гадючий табачище будешь?! Хорош курильщик! Посмотрите на него, люди добрые!..

...Скоро Егуньевна с маменькой усаживались в сторону и заводили свой таинственный разговор.

— Что ты! Что ты, Таня! Так он в солдатах развратился?! Табачищу курит!.. — Егуньевна в большом непритворном ужасе всплеснула руками, открыла всегда опущенное, закутанное в белую косынку лицо; показались огромные светлые глаза на бледном лице, и даже сверкнули слёзы на глазах. — Ай-ай-ай, страсть-то какая! Уж ли он о своей душе не жалеет?

Всё это говорилось таинственно и так выразительно, что и у маменьки капали слёзы, и я едва держался, чтобы не заплакать...

— Ты знаешь, Таня, что за эту мерзость ему будет на том свете? С кем он осудится!..

Маменька только тяжело вздыхала.

— А что будет, бабушка? — невольно спросил я.

— Ну, поди, мальчик, ты ещё мал, чтобы это знать, после узнаешь. Молись за твоего отца, чтобы

Бог избавил его от этого греха, чтобы он свою трубочку бросил курить»^{*}.

К сожалению, Репин не внял вразумлениям своей родительницы. Художник, довольно необычный образ жизни которого неизменно отмечали его современники (что стоит одно только его вегетарианство — «суп из сена»), уже будучи 80-летним стариком «продолжает работать, курит крепчайшие сигары и даже купается в море». Так писала о нём известная в то время шведская журналистка Сигрид Шауман.

Что касается Ильи Репина, то следует упомянуть ещё об одном довольно интересном факте, который служит весьма эффектной иллюстрацией настоящей темы — курения в жизни человека. Репин дружил с Корнеем Чуковским, их дачи в Куоккале стояли рядом. Художник часто навещал писателя. В то время Репин был нездоров, у него немела правая рука — и врачи запрещали художнику, который был правша, работать. В доме же Чуковского возникла и прочно укрепились традиции — на даче писателя и гости, и сам хозяин рисовали дружеские шаржи. Зная о недуге Репина, Чуковский убрал из «открытого доступа» в своём доме кисти. Но Илья Репин не растерялся: он всё-таки писал на даче

^{*} *Репин И. Е.* Далёкое близкое. // Москва-Берлин, 2018. — С. 37, 38, 52, 53.

Чуковского портреты-эскизы и портреты-шаржи... окурками, коих было на даче писателя в Куоккале в избытке. Как это ни парадоксально, но и табачные «кисти», и неподражаемо экстравагантный творческий метод очень соответствовали абсолютному большинству служивших моделями.

В 1982 году внук К. И. Чуковского Дмитрий Чуковский снял о своём знаменитом предке фильм, назвавopus «Огневой вы человек». Так наименовал Чуковского Репин. Художник не ошибся в данном определении. И дело заключается совсем не в том, что «лучший друг всех советских детей» регулярно устраивал в окрестностях Чукоккалы огромные пионерские костры... Историки советской культуры, конечно же, понимают о чём речь: совсем не случайно под кровом той дачи собирались Горький, Мейерхольд, Леонид Андреев, Виктор Шкловский, Велимир Хлебников, Мандельштам и прочие «огневые люди»...

К сожалению, таков был и остаётся наш век, исполненный соблазнов... Век приближающихся времён апостасии, одним из очевидных признаков которой служило и служит курение.

Америка?

«**К**то ищет, тот всегда найдёт» — непреложная истина. Вопрос, занимавший меня последние лет десять, разрешён — с Божией, конечно же, помощью. Как и всегда в подобных случаях, ответ оказался очень прост. Нужно только знать, что искать и где искать. И ответ будет обрётён. Узнать, в чём порочность курения, не так уж и сложно: надо лишь задаться целью и начать поиск. Если отнестись к делу с должным усердием и постараться беспристрастно, объективно исследовать этот довольно странный с точки зрения здравого рассудка феномен, труд не останется напрасным и непременно увенчается обретением знаний, приносящих понимание сути данного явления.

Итак, почему же всё-таки курение есть грех и зло? Начнём по порядку. Каждый курильщик помнит, когда и как он сделал первую затяжку. Обычно это имело место в детстве, когда человек стремится к самоутверждению. Было плохо, очень плохо: слёзы текли из глаз, тошнота комком под-

ступала к горлу, отвратительное ощущение мутило сознание, отзываясь во всём теле болезненной слабостью. Слюна делалась тягучей и противной... Лев Николаевич Толстой в своём Дневнике со знанием дела описал общий для всех начинающих курильщиков опыт: «Меня тянуло рвать, и текли слюны, а я глотал их и делал вид, что мне приятно». И ради всего этого нужно было закурить?

Каждый курильщик, прикурив первую сигарету или папиросу где-то за углом, или пусть не за углом, а демонстративно и на виду у всех, испытывал стыд. Когда же подросток решился преступить заповедь совести и, поправ её обличение, преступил — тогда душа омрачается гордостью. И уже на виду у всех, бравируя перед сверстниками, юный экспериментатор (над самим собой) ощущает — с помощью того, кто соблазняет и толкает всякого человека на грех, — исполненное надмения и тщеславной гордыни чувство свободы от совести, вступает в область, «где так вольно дышит человек», помысливший себя абсолютно самовластным, — пусть сначала только в этом, кому-то могущим показаться малозначащем проступке.

Ощущение, что ты делаешь что-то плохое, — вот, что изначально присуще первой затяжке — как совершению чего-то запретного, недолжного, одним словом, греховного, если говорить в категориях религиозных. Подобное человек переживает, когда

решается на что-либо дурное — и делает, преступая обличения совести. Во всех таких случаях обличитель — внутри нас, и это совесть. Совесть впервые сказала юному курильщику, что он творит грех.

В советском атеистическом государстве совесть существовала, однако исключительно как абстрактная нравственная категория, не как глас Божий, доставляющий человеческой душе (которой тоже не было места в системе атеистической идеологии) верную весть о том, что́ эта душа, этот человек совершает: хорошее или плохое. Родители, конечно же, ругали, взывая к совести, если замечали попытки отпрыска закурить, но неумение объяснить причины порока часто оставляло родительские увещания тщетными. И только отцовский ремень как последний и самый действенный довод мог, но отнюдь не всегда, отвратить сына от попыток стать курильщиком.

Почему совесть подсказывала, что курение — это плохо? Почему совесть обличает?

Ответ, конечно же, есть, но чтобы разобраться, почему курение — грех, потребуется совершить некоторый экскурс в область богословских наук, то есть религиозных знаний. Обретение определённых сведений из области богословских дисциплин приводит к пониманию того, почему те или иные реалии современной человеческой жизни безусловно соотносятся с понятиями добра и зла. Знания не са-

моцель, но знания могут содействовать обретению человеком той силы, которая всегда присуща истине. В данном случае эти знания помогают взглянуть на феномен курения с объективной точки зрения, именно как на религиозное явление. Благодаря верному осмыслению мы становимся способны дать верную оценку тому или иному факту. Точно так обстоит дело и с курением, поработившим очень многих. В один прекрасный момент исследователь приходит к пониманию, с проявлением каких сил человек имеет дело в курении — с медицинской точки зрения якобы всего лишь вредной привычкой.

«В будущем все курильщики должны перейти на альтернативную продукцию», — это утверждает Андре Калантзопулос, на 2018 год главный исполнительный директор *Philip Morris International*, топ-менеджер крупнейшего производителя сигарет, выпускающего продукцию под марками *Marlboro*, *Parlament*, *L&M*, *Chesterfield* и *Bond Street*. Что имеет ввиду г-н Калантзопулос? Это «бездымные никотиносодержащие продукты». В данной области ФМИ (*Philip Morris International*) является пионером и лидером; в 2014 году корпорация выпустила на рынок систему *IQOS*. Сейчас заведения с вывеской, где фигурирует такая аббревиатура, можно увидеть во многих магазинах Москвы: в столице салонов для употребления «бездымных никотиносодержащих» уже великое множество —

от Сретенки до Внуково. На сегодня устройства, предназначение которых производить «продукт, который мог бы максимально снизить риски для здоровья и при этом приемлем для совершеннолетних курильщиков», продаются в 40 странах мира. Согласно данным ФМИ, после начала продаж *IQOS* уже более 6 млн курильщиков перешли на использование устройств *IQOS*.

Особую популярность системы нагревания табака получили в Японии и Южной Корее — странах, население которых весьма восприимчиво к техническим инновациям во всех сторонах человеческой жизни, какими бы экстравагантными или даже шокирующими они не являлись для приверженцев христианской цивилизации. В России устройства нагревания табака появились в декабре 2015 года.

Процесс, что называется, пошёл: *British American Tobacco*, равно как и другие ведущие мировые компании, стремясь не отстать от *Philip Morris International*, вкладывают деньги в «курение с минимальными (так они утверждают. — *Изд.*) рисками для физического здоровья». Старший вице-президент *Philip Morris International* по коммуникациям Мариан Зельцман определяет стратегию своей компании: «Технологии помогут снизить для курильщиков риск заболеваний, но при этом оставить им то же удовольствие». XXI век сделал это возможным. Статистика Всемирной организации здраво-

охранения: курение убивает до половины приверженцев сей пагубной привычки. Сегодня в мире около 1,1 млрд совершеннолетних курильщиков. В России, согласно исследованиям Министерства здравоохранения, к 2022 году курильщики будут составлять примерно 25% от общего числа взрослого населения, то есть около 30 млн человек.

Сигаретный дым — это более 6 тыс. различных химических веществ, появляющихся в процессе сгорания табака в температурном диапазоне от 900 °С (кончик сигареты) до 600 °С (ближе к участку фильтра). Итак, налицо коллизия: сигареты и сигары — это гигантские деньги, и от них отказываться никто не собирается. Но курение — это смертельная опасность для здоровья. Что же делать?

А вот что: электронные сигареты и приборы *IQOS!*

Ключевая технологическая инновация таковых устройств — заменить принцип горения на принцип нагревания. Табак не сгорает, но нагревается. «Под контролем электроники устройство нагревает табак до температуры не более 350 °С. Этого хватает для образования аэрозоля, который вдыхает курильщик и получает свою долю никотина. Безопасная технология позволяет никотину выделяться, практически исключая при этом образование большей части канцерогенов и других вредных веществ. Получаемый аэрозоль содержит в среднем на 90% меньше вредных веществ, чем обнаружено в дыме эталон-

ной (обычной) сигареты. При этом такие продукты по вкусу почти идентичны традиционным сигаретам, у них похожие на сигаретные чувственные восприятия и ритуал, который так дорог курильщикам». Это официальная и пропагандируемая позиция корпорации ФМИ.

Пространные «объяснения» специалистов, так сказать, научно агитирующих за «удовольствие без вреда», лукавы. Метод обмана банален и прост. Самый надёжный способ шулерства: спрятать секрет на поверхности. Кунштюк, фокус «безвредного» курения очень, предельно прост. И незаметен! Фактически чистый никотин через лёгкие попадает прямо в кровь, дозы небольшие... И результат: стремительный процесс привыкания, ведь исключены негативные симптомы, присущие начальному этапу курения обычных сигарет: тошнота, головокружение и т. д. Привычка — вторая натура. А с природой, пусть даже в статусе «второй природы», бороться трудно. Итак? Итак, счастливая армия медицински защищённых курильщиков радостно несёт денежки табачным компаниям, обновившим продукцию — якобы исключительно из подлинного человеколюбия. Ларчик «альтернативной табачной продукции» открывается просто... Курение — это деньги, а деньги в системе ценностей цивилизации Нового времени — это святое, «божество», золотой телец, которому поклоняются и служат люди...

С 2008 года ФМИ (штат научных сотрудников 430 человек) инвестировала в разработку табачных продуктов с пониженным риском 5 млрд долларов; компания зарегистрировала 3,4 тыс. патентов, и ещё 5 тыс. находятся в процессе регистрации. Всё поставлено на широкую ногу. Ещё бы, ведь речь идёт о колоссальных деньгах. А суть? Суть остаётся, в принципе, неизменной: от удовольствия отказываться никто не предлагает. Смысл в другом: сделать удовольствие безопасным. Иными словами, все эти новшества в табакокурении похожи на то, как если бы кто-либо озаботился о публичных домах: снабдил таковые учреждения необходимым медперсоналом, обеспечил «цивилизованные» методы и поставил дело в медицинском смысле на максимально безопасную основу. И что? Порок бы исчез? Таковы и усилия табачных компаний: зло не упраздняется, оно получает видимость безопасного удовольствия. В главном ничего не меняется: так сказать, улучшаются и совершенствуются условия доставки курильщика на конечную станцию прибытия, то есть, если вспомнить пиктоглифы первых курильщиков — майя, в царство Кецалькоатля, преисподнюю.

Есть ещё один аспект новых технологий курения: электронные устройства могут служить идеальным средством манипулирования сознанием курильщика. И если определённые структуры США

давным-давно осуществляют над своим населением управленческие эксперименты, подобные *MK-ultra*, и если по всему миру в небе фиксируются химиотрассы, то что мешает воспользоваться миллионами безобидных приборов, доставляющих курильщикам удовольствие? Ничто. Проекты, подобные *MK-ultra*, как и высотное распыление химических веществ, ставшее регулярным после 11 сентября 2001 года, имеют глобальные масштабы. Но есть точечная и в то же самое время универсальная методология: *IQOS* устройства и электронные сигареты при огромной численности армии курильщиков идеальны для воздействия на человека — и его сознание. Выводы напрашиваются сами собой.

Природа человека неизменна, это мы видим на всём протяжении исторического бытия цивилизации, поэтому при всех технологических новшествах неизменны принципы воздействия на людей. Всё дело заключается в том, на службу чего (или кого) поставлены методы, обращённые через тело к человеческой душе. Именно в связи с этим необходимо упомянуть об электронных сигаретах. Конечно, ничего хорошего в них нет: принцип курения оставлен неизменным, более того, появляется реальная возможность «электронного» воздействия на человеческое естество: тело, мозг, душу. Перспективы ужасающие.

Курение — это очень серьёзно. И если медицина как наука авторитетно говорит, что курение угро-

жает физической жизни человека, то существуют и другие свидетельства, не менее определённые и достоверные, чем медицинский диагноз и освидетельствование патологоанатома. Богословские знания, именно они дают ключ к пониманию того, чем является курение. У прп. Исихия пресвитера Иерусалимского есть замечательное высказывание: «Знание естественно предшествует вере»*. Исаак Сирий говорит: «Рассудительность Бог вложил в разумную природу; при помощи же науки она получает приращение и пополнение»**. Святые отцы правы: в истинности их слов непременно убеждается всякий человек, руководствующийся опытом и здравым смыслом.

Изучение религиозных воззрений и верований позволят добросовестному учёному получить очень интересные данные: оказывается, все люциферианские культуры имеют в своих практиках некую общую типологическую особенность. И это курение, курение как религиозный ритуал.

Начнем с шаманизма — безусловно, люциферианской религии. Достаточно иметь даже самое общее представление о шаманских культах, чтобы

* *Исихий пресвитер Иерусалимский*. Слово к Феодолу душеполезное и душеспасительное о трезвении и молитве. // Добротолюбие в 5 т. Т. 2. — М., 1985. — С. 170.

** Исаак Сирий. Подвижнические наставления. // Там же. С. 744.

это утверждение предстало констатацией неоспоримых фактов. В любом этнографическом музее Севера, в экспозициях, посвящённых верованиям «коренных народов», есть (по крайней мере, должен быть) очень важный экспонат — это не что иное, как трубка шамана. И то, что путешественники в своих записках отмечали как обыденность, черту бытописания народа, на самом деле является религиозной экспонентой.

В этом отношении весьма характерны наблюдения Н. М. Пржевальского: «Из инородческих племён, обитающих в Уссурийском крае, первое место по численности принадлежит китайцам, или манзам, как они сами себя называют...

На самой высшей точке перевала Сихотэ-Алинь стоит китайская капличка с изображением размазанного божества. Такие каплички ставятся манзами на всех перевалах, даже через небольшие возвышенности... Хотя на имеющихся картах подобные каплички обозначаются громогласным названием кумирни, но они в сущности ничего более, как квадратные деревянные клетки вышиною около аршина. Бока их делаются глухими, и только с одной стороны находится отверстие, перед которым на противоположной стороне наклеено изображение бога в образе китайца. Перед таким изображением стоит иногда чугунный горшок и лежат различные приношения в виде мелких монет, ленточек, полотенец,

кусочков красной материи... Всякий проходящий мимо такой каплички манза непременно сядет возле неё, покурит трубку и выбьет пепел в чугунный горшок, делая таким образом приношение...» («Путешествия в Центральной Азии»).

В своих путевых заметках мичман Давыдов, проехавший Россию от Петербурга до Охотска, сообщает: «Каждый якут имеет мелкую трубочку, в которую табака входит не более одной щепотки. Трубка вставляется в деревянный чубук, состоящий из двух желобков, обвитых ремнём, развивши который, чубук раскладывается надвое и удобно вычищается. Сторевший в трубке табак и нечистоту, от дыма насевшую, они не бросают, но снова мешают со стружками и опять курят всегда смешанными со стружками. Якуты глотают дым, отчего иногда так закуриваются, что с ног падают» («Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова», писаное сим последним. Ч. 2. СПб, 1812 г.).

Прежде чем шаман начнёт камлание, он ударит в бубен, призывая духов, чтобы отправиться с их помощью в потустороннее странствие, целью которого является (согласно доктрине этой религии) сущностное изменение природы человека. Прежде чем шаман возможет достичь мёртвой, а потом живой реки, вступит в область смерти (ритуально умрёт через мистерию расчленения) и будет воссоздан в ритуале, якобы изменяющем

его естество для общения с падшими духами, он выкуривает трубку. Несколько предваряя ход рассказа, заметим, что и шаманский бубен обретает силу магического орудия в ритуале, связанном с огнём: бубен шамана проносят, сопровождая заклинаниями, над пламенем, тогда он становится — так верят язычники — магической лодкой, на которой шаман достигает зловещих мест общения с духами-демонами.

Зачем шаман выкуривает трубку? Не для того ведь, чтобы взбодриться перед «дальней» (на тот свет) дорогой в потусторонний мир духов? Конечно, нет. Шаман совершает ритуал и, надо сказать, очень важный, несмотря на кажущуюся обыденность такого действия. Что происходит со жрецом-шаманом, выкуривающим трубку перед тем, как приступить к служению дьяволу? Чтобы лучше понять это, вспомним эффектный эпизод, неизменно присутствующий в фильмах «про индейцев». Когда-то эти приключенческие киноленты служили культурным связующим звеном между лагерем Социализма и ужасным миром загнивающего Капитализма. Поскольку форпостом Запада была страна жёлтого дьявола (то есть США) и поскольку без зрелищ не обходилась в истории человечества ни одна формация (в том числе и СССР), фильмы про самоотверженных, свободолюбивых, благородных индейцев, которых безжалостно от-

правляли на тот свет американские ковбои, вторгшиеся в мир честных туземцев, в Стране Советов были более чем популярны. Эти кино обличали американскую мечту в самих методах её устройства на благословенной американской земле и во время оно служили великолепным идеологическим оружием в сражении с нашим злейшим врагом — «дя-дей Сэмом».

Как это ни странно, однако именно приключенческим кинолентам а-ля Фенимор Купер мы во многом обязаны возможности понять ритуал курения. Да, да, речь пойдёт о трубке мира, которую, сделав затяжку полной грудью, с глубокой сосредоточенностью передают друг другу краснокожие герои. Вожди племён в фильмах про мужественного красавца Гойко Митича, то бишь Чингачгука, совершают ритуал, призывая настоящего Чингачгука («Большого Змея»), дабы тот своей силой, как владыка Неба и Земли, пришёл, вселился в них, исполнил их души и сердца неодолимой отвагой и помог одолеть коварных бледнолицых, скальпы которых дети прерий и лесов Нового Света потом принесут Чингачгуку как самую удобную жертву Большому Змею.

Здесь требуется сделать некоторые уточнения, объясняющие смысл ритуала курения трубки мира. В пантеоне божеств, которым поклонялись индейцы Северной Америки, главенствующее место зани-

мал Чингачгук, на языке делаваров: Большой Змей. Он был верховным божеством — огнедышащий крылатый Великий Змей, владыка мира, тварей, людей и стихий.

Согласно религиозным мифам, представлявшим своего рода летопись сакральной истории бытия человеческого рода, североамериканские индейцы свято верили в могущество и божественное достоинство Змия, который некогда, сойдя с небес, якобы научил их всему — искусствам, охоте и ремёслам, войне и служению ему, могущественному Чингачгуку — Великому Змею. Он научил людей совершать ритуал, открывающий мудрейшему из всех зверей (Быт. 3,1) путь в их сердца. В этом ритуале фигурировала трубка мира. Поскольку индейцы действовали на экранах в системе координат, заданной осями «*US vs SU*» (Соединённые Штаты против Советского Союза), краснокожие оказывались почти что «нашими» в сравнении с законченными негодяями — бледнолицыми. Совсем уж нашими, то есть почти своими для родины интернационализма, им мешало стать даже не то обстоятельство, что СССР ещё не существовал в эпоху фронтиров, а печальный факт, что в конечном итоге благородные индейцы всё же терпели поражение на исторической арене, где великолепными декорациями эпохальной драмы захвата континента служили бескрайние прерии, стада бизонов, впечатляющие

ландшафты и неповторимые красоты Великого Каньона благословенной Америки.

Плохие бледнолицые курили сигары, хорошие индейцы курили трубку мира. В культуре племён североамериканских индейцев ритуалом призвания Великого Змея является курение трубки (мира, войны, торговли, заключения брака и т. д.). На первый взгляд, странное занятие в качестве ритуала-молитвы. Однако это всего лишь на первый взгляд. Главный инструмент — магическая трубка. Словосочетание «трубка мира» вошло в речь современного человека с XIX века благодаря моде на Америку: ковбоев, индейцев, приключений на бескрайних просторах прерий.

К сожалению, новая орфография не помогает современному человеку понять суть процесса, скорее наоборот. В мифологии коммунистического Интернационала притесняемые индейцы, конечно же, мирные люди. Их обижают злые бледнолицые. Вывод напрашивается будто бы сам собой: индейцы курят «трубку мира». Однако такой вывод не отражает сути дела и приводит к ошибке, хотя формально индейская «трубка мира» служила в том числе и инструментом в ритуале прекращения вражды (курение как религиозный мистический ритуал вообще совершали во всех важнейших обстоятельствах жизни индейцев, а не только при заключении мира). Исследователи отмечают, что «трубка

мира» — устоявшееся, но неверное название и, по сути, оно отражает смысл лишь одного типа трубок и одного из ритуалов, где они использовались. Существовали трубки для всего: войны и мира, охоты и торговли, принятия социальных и политических решений, заключения брака, — всего не перечесть. В дореволюционной орфографии всё было бы понятно по написанию. Если суммировать все предписанные ритуалом и религиозными потребностями индейцев случаи курения сакральных трубок, то становится совершенно понятно: герои-соратники Гойко Митича, подвизавшегося в образе вождя-Чингачгука, выкуривают трубку, которая в религиозной доктрине этих верований является *трубкой мира*. Что это означает? Есть два слова, которые суть омонимы, звучат абсолютно одинаково, но имеют различные значения. «Мир» — это Вселенная; «мир» — благодатное, блаженное, ничем не нарушаемое состояние души.

Почему общепринятым термином и для Запада и для Востока стала «трубка мира» (*peace pipe*)? Очень просто: главные диалоги между переселенцами в благословенную Америку и индейцами велись на языке ружейных выстрелов и посвиста стрел. В этой реальности важнейшим инструментом устанавливаемых отношений служила «трубка мира». Все остальные трубки отошли далеко на второй план. Благодаря *peace pipe* из «Песни о Гайавате»

Генри Лонгфелло и чрезвычайной популярности индейской темы в XX веке мы получили такой историко-филологический прецедент, обретший силу правила.

Кто такой Чингачгук — Большой Змей? В религиозном мифе индейцев — это владыка Вселенной; он властвует над всем сотворённым: землёй, реками, горами и лесами; ему повинуются ветры и облака; он хозяин всех тварей и управитель стихий. Одним словом, Чингачгук, Большой Змей — князь мира сего (Ин. 12,31; 14,30; 16,11). Ясно, что такому князю приличествует трубка мира (заметим в связи с этим: «трубки мира» не может быть по определению). Почитатели Большого Змея совершают ритуал курения, в котором может быть используется иногда каменная трубка, иногда — выточенная из дерева. Причём материал, цвет, форма трубки всегда будут иметь символический смысл. И не всякий камень годен для изготовления этой особой трубки; её вырезают из скальной породы, которую берут в строго определённых сакральных местах. Почему? Потому что, согласно мифу, Великий Каньон есть не что иное, как след нисшедшего с небес Большого Змея. И там, где он был встречен людьми, совершившими поклонение ему как владыке мира — князю мира сего, на все последующие времена определено брать камень для ритуальных трубок мира, потому что сам камень получил освящение и служит свидетель-

ством заключения завета далёкими предками современных индейцев с Большим Змеем.

Поэтически ярко эту мифологему воспроизвёл Генри Лонгфелло в «Трубке мира» из «Песни о Гайавате»:

*На горах Большой Равнины,
На вершине Красных Камней,
Там стоял Владыка Жизни,
Гитчи Манито могучий,
И с вершины Красных Камней
Созывал к себе народы,
Созывал людей отовсюду.*

*От следов его струилась,
Трепетала в блеске утра
Речка, в пропасти срываясь,
Ишкудой, огнём, сверкая.
И перстом Владыка Жизни
Начертал ей по долине
Путь излучистый, сказавши:
«Вот твой путь отныне будет!»*

*От утёса взявши камень,
Он лепил из камня трубку
И на ней фигуры сделал.
Над рекою, у побережья,
На чубук тростинку вырвал,*

*Всю в зелёных, длинных листьях;
Трубку он набил корою,
Красной ивовой корою,
И дохнул на лес соседний,*

*От дыханья ветви шумно
Закачались и, столкнувшись,
Ярким пламенем зажглись;
И, на горных высях стоя,
Закурил Владыка Жизни
Трубку Мира, созывая
Все народы к совещанью...**

Последние строки этого стихотворения являются явной реминисценцией библейского повествования о созидании Вавилонской башни (Быт. 11,4): её строители определили цель, и она заключалась в богоборчестве. «Великое делание» противостоявших Творцу, как видим из событий Истории, не окончилось — и продолжается с особым усердием в Новейшее время.

Между прочим, подражателем Лонгфелло в сей теме стал Шарль Бодлер, известнейший сатанист,

* Поэтический опус Лонгфелло на тему *peace pipe* есть не что иное, как некая иллюстрация слов апостола Павла, без малого 2000 лет тому назад предупреждавшего верных: «Ибо когда будут говорить: "Мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фес. 5:3).

автор «Цветов зла», сочинивший собственное пере-
ложение «Трубки мира».

Если в «Песне о Гайавате» сюжет трубки
мира — ритуала курения представляет собой важ-
ный, но всё-таки эпизод в общей эпической кар-
тине мифологии и жизни североамериканских
индейцев, как это видел Лонгфелло, то Бодлер
предлагает свою «Трубку мира» уже в качестве
самостоятельной темы. Поэт раскрывает люци-
ферианскую концепцию своего мировоззрения:
в его отчётливых поэтических реминисценциях,
метафорах и образах явно присутствует *Serpens* —
«Змий, который был мудрейший всех зверей»
(Быт. 2,19). Это Люцифер, из светоносного ангела
ставший дымным «князем воздушным» (Еф. 2,2),
в гордыне своей низвергшийся пресмыкаться
в воздушной стихии.

У Бодлера читаем:

*Манилу, жизни Властелин,
Сошёл с заоблачных вершин...*

*Народы вкруг себя собрав
Несчётнее песков и трав.
Он глыбу камня опрокинул.
И там, где берега реки
Обняли чащей тростники,
Он стебель самый длинный вынул;*

*Источник всемогущих сил,
Корою трубку он набил
И как маяк для всей вселенной,
Он Трубку мира вдруг зажжёт,
И горд, и величав, и строг
Народам подал знак священный.*

*Клубясь струился в небо дым,
Вот он прошёл извивом тёмным...*

*Клубясь, о тяжкий небосвод
Разбился вдруг столбом огромным.*

*И говорит он (так ревёт
Чудовищный водоворот,
Где неземные слышны звуки)...*

Своё стихотворение Шарль Бодлер завершает яростным призывом:

Пусть каждый курит Трубку мира!

Здесь не совсем уместно делать полный филологический анализ произведения французского поэта, но и процитированного вполне достаточно для всякого человека, знакомого с учением Православной Церкви, чтобы понять богоборческий, бунтарский пафос воспевавшего Зло...

Впрочем, для пущей ясности всё же сделаем предельно краткое пояснение одной лишь метафоры «Трубки мира» Бодлера:

*Так говорит он (так ревёт
Чудовищный водоворот
Где неземные слышны звуки)...*

В 1971 году в Нью-Йорке вышла книга Роберта Аллена Монро *Journeys out of the body* («Путешествия вне тела»). Кстати, Роберт Монро — удачливый американский бизнесмен, президент Совета директоров компании *Mutual Broadcasting System*. По религиозным убеждениям агностик. Монро заинтересовался методами запоминания во сне... Опыты привели его к оккультным путешествиям сознания. Впечатления от «путешествий» составили книгу. Монро описывает свои встречи с «богом». По словам экспериментатора, это может произойти в любой точке потусторонних странствий и в любой момент. Раздаётся сигнал, чем-то похожий на звук фанфар. Все воспринимают его так: прекращают разговаривать и вообще заниматься каким-либо делом. Этот сигнал означает: «он» идёт по своему «царству». Повиновение полное и абсолютное. По сигналу всякое живое существо ложится, повернув голову набок, так, чтобы не видеть «его», когда «он» проходит. По-видимому, целью является образовать живой путь, по которому «он» может идти. «Во

время его прохождения, — сообщает Монро, — нет ни движения, не возникает даже помысл...»

Монро пишет: «За несколько раз, что я пережил это, я ложился вместе с другими. В это время сама мысль о том, чтобы поступить иначе, невозможна. Пока "он" идёт, раздаётся ревущая музыка и появляется ощущение лучистой непреодолимой живой силы, которая растёт над тобой и затухает вдали... Это событие столь же случайное, как и остановка у светофора на перекрёстке или ожидание у железнодорожного переезда, когда сигнал указывает на приближение поезда; вы равнодушны, а в то же время чувствуете невысказанное уважение перед мощью, заключённой в проходящем поезде. Это событие также безлично».

Автор книги *Journeys out of the body* предельно серьёзно (неверующий, агностик) задаётся вопросом: «Бог ли это? Или Его Сын? Или Его представители?» (pp. 122—123).

Ещё раз прочтём строки Бодлера:

*И говорит он (так ревёт
Чудовищный водоворот,
Где неземные слышны звуки)...*

Теперь Монро: «Пока "он" идёт, раздаётся ревущая музыка...» Типологию тождества отрицать невозможно.

Роберт Аллен Монро не был сумасшедшим; наоборот, этот прагматичный, предприимчивый человек, связанный с могущественной системой обработки мозгов американскими СМИ, очень хорошо понимал, как в благословенной Америке (и во всём мире) делают деньги, — и вполне преуспел в достижении американской мечты. Более того, Монро основал Институт, целью которого было исследование паранормальных явлений, подобных тем, которые составили его собственный «духовный» опыт. Понятно, что созданная Р. Монро научно-исследовательская структура в современных условиях утери большинством людей богооткровенной веры, Православного Христианства, вполне успешно действует и поныне.

Серафим Роуз, в своей книге «Жизнь после смерти» весьма тщательно проанализировавший подобного рода исследования (Моуди, Монро, Крукал, Глин и проч.), совершенно справедливо пишет, в частности, о признаниях Монро:

«Трудно было бы найти во всей оккультной литературе более ясное поклонение сатане в его собственном царстве безличных рабов».

Ещё раз обратимся к опыту совершавшего «путешествия» *out of space and out of time**. Монро сообщает своим читателям:

* *Out of space and out of time* («за пределами пространства и времени») на поэму Э. А. По.

«У меня создалось твёрдое убеждение, что я связан нерасторжимыми узами преданности с этой разумной силой, всегда был связан, и что здесь, на Земле, я должен выполнить работу... Этот безличный холодный разум, без всяких эмоций любви или сочувствия, которые мы так ценим... Я сел и заплакал, горько зарыдал, как никогда раньше, потому что я безоговорочно знал — без всякой надежды на изменение в будущем, — что Бог моего детства, церквей, веры теперь не был таким, которому мы поклонялись, и что до конца своих дней я буду переживать потерю...»

Роуз даёт объективную оценку «духовного» опыта Роберта Алана Монро: «Вряд ли можно вообразить более адекватное описание встречи с дьяволом, с которым сталкиваются сейчас многие наши ничего не подозревающие современники, не способные противостоять ему из-за своего отчуждения от истинного Христианства».

Какое отношение всё это имеет к курению? Самое непосредственное. Немного терпения — и «трубки мира» Логфелло и Бодлера, «странствия» Роберта Монро займут своё место в общей картине, раскрывающей суть феномена курения, ставшего неотъемлемой составляющей жизни миллионов людей.

Пионеры преисподней

Что курили совершители ритуала призывания Большого Змея, столь вдохновенно воспетого Лонгфелло* и Бодлером? Это тоже довольно важный аспект в осмыслении религиозных практик люциферианских культов. Современный человек с готовностью предположит, что в трубке мира сгорали травы-галлюциногены, однако это совсем не так. По крайней мере, в данном случае смысл заключался в другом, а именно в усвоении мистической силы тем или иным травам. При этом совсем не обязательно, чтобы растение содержа-

* Любопытные сведения о Генри Лонгфелло сообщает известный историк масонства О. Платонов: Лонгфелло запомнился помимо литературных трудов организацией и выработкой ритуала общества «Одд Феллоуз», основанного в Лондоне в 1788 году и запрещённого в Англии за откровенно мятежный характер. Лонгфелло деятельно изучал Каббалу вкупе с методиками чёрной магии для того, чтобы перенести ритуал поклонения сатане в практику братства (О. Платонов. Тайная история масонства. М., 1996. С. 167).

ло вещества-галлюциногены, оказывающие психотропное воздействие при его употреблении.

Здесь уместно напомнить о соме — сакральном напитке индуистов. Сома совершенно не воздействует на тех, кто не является участником мистерии, хотя в то же самое время служит для брахмана мощнейшим и главным средством обретения откровения (в индуистском понимании). Иными словами, воздействие сомы, как и воздействие дыма, вдыхаемого через трубку мира, многократно усиливается в случае духовной вовлечённости в культ, то есть нужна вера не как самовнушение, а как условие готовности человека быть ориентированным на определённые духовные реалии, подчиняться им и жить ими.

Несколько поясним сказанное. Для индейцев, веровавших в Большого Змея, было неважно, содержится ли какое-то психотропное вещество в растении, использовавшемся для курения трубки мира (здесь для краткости мы так терминологически определяем всю многообразную совокупность ритуалов курения). Важно было, что это растение в мифе о Большом Змее наделено мистической, оккультно-магической силой. Миф как неотъемлемый элемент религиозной языческой культуры просто определял — раз и навсегда — ритуальное растение и его функции. Причины избрания могли быть разные: форма листа, корня или соцветия; место произраста-

ния; иногда главным мотивом становился временной фактор развития растения. Так, например, для майя, о которых мы ещё будем говорить, одним из важнейших и неоспоримых свидетельств сакральной связи маиса с Кецалькоатлем — Пернатым Змеем служил тот факт, что зерно этого злака проросло на пятый день после сеяния. Но чаще всего определяющую роль играла совокупность особенностей, обретавших в религиозных представлениях язычников исключительную важность.

Индейцы Северной Америки курили призывную трубку мира Большого Змея, но курили они не марихуану и не сушёные мухоморы. В этом случае столь удобная для атеистически-научной концепции схема, увы, абсолютно бесперспективна. Для индейца важным и действенным было нечто совершенно иное, а именно растение не само по себе, а как неотъемлемая часть мифа, религиозной реальности, проецируемой на человека и Вселенную. Существенным и содержательным являлась не химическая формула, а магия восприятия и использования, магия натурфилософии, магия мифа и магия религиозного праксиса.

Справедливости ради следует сказать и о тех случаях, когда в религиозных практиках, целью которых было установление связи с миром духов, миром потусторонним, применялись травы, содержащие галлюциногены, то есть психотропные вещества. Конан Дойл написал на эту тему эффектную

новеллу «Дьяволова нога». Сюжет построен на использовании преступником ядовитого корня африканских колдунов — галлюциногена, дым которого лишает рассудка и убивает.

Необходимо заметить, что писатель был довольно сведущ в вопросе, если предложил читателям такую тему. Дойл состоял в оккультном обществе «Золотая заря» и являлся президентом Британской коллегии оккультных наук, Лондонского спиритического общества, президентом и председателем крупнейшего Международного спиритического конгресса (Париж, 1925 г.). Бесспорно, растения-галлюциногены занимали (и занимают) в магических ритуалах-мистериях важное место. Однако и в таких ритуалах химия играла второстепенную, точнее, вспомогательную роль.

Конан Дойл сочинил страшную, леденящую кровь историю. Что это? Художественный вымысел? Фантазии писателя на заданную экзотическую тему, где криминальный сюжет переплетён с магией африканского колдовского культа? В рассказе фигурирует *radix pedis diabolic*, который использует убийца, узнавший тайну дьявольского ритуала за годы жизни на чёрном континенте. Кстати, в природе такого растения — «корень дьяволова нога» — нет. Впрочем, Дойлу, в принципе, можно было и не выдумывать растение со зловещим названием, потому что известно множество ядовитых растений — от белладонны

до мескалиновых грибов. В конце концов, есть так хорошо известный современному человеку табак. Кстати, в каком-то смысле анекдотично, что главный положительный герой криминальных историй К. Дойла, принесший ему всемирную славу, — человек, не расстающийся с трубкой*... Хотя, как сказать: ведь «змей был мудрее всех зверей...» (Быт. 3,1). Тем более, что подобное познаётся подобным.

Здесь необходимо сделать одно, но довольно существенное замечание, отметить одну типологическую закономерность. Дело в том, что авторы, придумывавшие «гениальных сыщиков всех времён и народов», были в своей реальной жизни несколько странными людьми — и в убеждениях, и в пристрастиях. Не совсем, мягко говоря, нормальными. Эти факты довольно хорошо известны историкам литературы и не могут не наводить на размышления — как об источнике вдохновения сочинителей криминальных леденящих кровь историй, так и об избранном жанре... Их почему-то притягивало то, что обычно люди называют «злом».

* Заметим в связи с этим: литературные герои, легендарные сыщики (то есть люди, имеющие дело с проявлением *зла*, распутывающие сложнейшие преступления) непременно курят: Шерлок Холмс, комиссар Мегрэ, Пуаро, Нат Пинкертон, лейтенант Коломбо... В конце концов, не следует забывать и полковника Исаева (он же Штирлиц), которому в самые трудные моменты помогает не Центр, а сигарета.

Впрочем, мы несколько предварили ход нашего исследования. Не будем забегать вперёд. В своё время смысл ремарки станет понятен.

Весьма интересным в данном случае представляется опыт российского учёного-этнографа — Миклухо-Маклая. Это свидетельство имеет ценность документа. Миклухо-Маклай решил провести опыт над самим собой — и эксперимент был осуществлён, причём, с точки зрения науки весьма успешно. Итак, Н. Миклухо-Маклай, «Опыт курения опиума»:

«Во время моего пребывания в Гонконге в апреле 1873 г. я испробовал на себе действие курения опиума, и это действие по моему желанию наблюдалось компетентным лицом. Опыт был произведён в Китайском клубе, где всё удобно устроено для курения опиума. Доктор К. Клоус был настолько любезен, что согласился на моё предложение и записал свои наблюдения. Далее я сообщаю эти наблюдения наряду с некоторыми собственными замечаниями. Опыт был начат 10 апреля в 1 час 45 минут пополудни в небольшой комнате клуба, около маленького стола, снабжённого всеми известными принадлежностями, которые необходимы для курения опиума.

"1 час 45 мин. Господин Николай фон Маклай имеет возраст около 27 лет, средний рост (1 м 67 см), на вид несколько бледен и худ, но крепкого телосложения, впрочем, ослаблен за последние годы хронической лихорадкой, чувствует себя совершенно нор-

мально. Пульс 72, частота дыхания 24, температура 37,5 °С.

М. курит в течение 2 минут первую трубку, содержащую шарик опиума величиной с просыаное зерно.

1 час 47 мин. Вторая трубка. М. сообщает, что во время курения он ощущает довольно приятный вкус, тогда как во время перерыва вкус становится очень горьким. Дым переносится терпимо.

1 час 55 мин. Третья трубка. Испытывавшееся до этого чувство голода исчезло. Пульс 80.

Четвёртая и пятая трубки. Никакого изменения в физическом состоянии, только в перерывах тяжелеет голова и возникает лёгкий позыв ко сну, но ответы правильные. М. замечает, что он стал медленнее думать.

(«Я должен был долго обдумывать каждый вопрос, чтобы его правильно понять и найти ответ»).

Однако М. может ещё без посторонней помощи встать и пройтись по комнате.

2 часа 11 мин. Шестая трубка. Пульс 68. Сонливость. Ответы медленные, но правильные.

2 часа 15 мин. Седьмая трубка. Пульс 70, частота дыхания 28.

2 часа 20 мин. Восьмая трубка. Сонливость растёт, но М. узнаёт ещё время по своим часам. Пульс и дыхание без изменений.

2 часа 25 мин. Девятая трубка. Речь становится более затруднённой и менее внятной. М. замечает,

что у него распух язык. Пульс и дыхание без изменений. Жалуется после десятой трубки на горький вкус и головокружение. Ответы медленные, но правильные.

2 часа 33 мин. Одиннадцатая трубка. Походка становится нетвёрдой.

2 часа 37 мин. Двенадцатая трубка выкуривается медленно. М. говорит, что у него очень приятное самочувствие, но ему бы хотелось петь или слушать музыку. Пульс и дыхание без изменений.

После тринадцатой трубки, которую М. выкуривает очень жадно, он несколько раз громко смеётся, хотя находится в очень сонном состоянии.

(«Я хорошо помню, что не мог отдать себе отчёта в причине этого смеха»).

2 часа 45 мин. Пятнадцатая трубка. М. хочет послушать одно место из «Манфреда» Шумана.

2 часа 48 мин. Шестнадцатая трубка. М. жалуется на перерывы в курении, ему хотелось бы продолжать курить непрерывно. Белки глаз сильно покраснели. Веки тяжёлые, и глаза остаются в основном закрытыми, он слышит музыку вдали, обман чувств.

2 часа 50 мин. Семнадцатая трубка. Попытка пройтись по комнате не удаётся. Пульс 72, частота дыхания 28.

3 часа 7 мин. Восемнадцатая трубка. Большая сонливость, ответы очень замедленные, односложные, но правильные.

3 часа 20 мин. М. просит новую трубку.

3 часа 25 мин. Двадцать вторая трубка. М. лежит с закрытыми глазами, но замечает, что он чувствует себя как никогда до того, однако это своеобразное чувство не является ни приятным, ни неприятным. Склера очень сильно наполнена кровью, но пульс и частота дыхания без изменений.

3 часа 29 мин. Субъективное ощущение большого покоя, приятного самочувствия. О степени этого хорошего самочувствия М. высказывается, что оно приятнее, чем быть (совершать *coitus*) с красивой женщиной.

(«Я не могу припомнить этого высказывания, но вовсе не сомневаюсь в нём, так как его записал д-р Клоус. Это замечание не вызвало также, насколько я помню, никаких эротических образов. Моё сознание, как и память, страдали уже серьёзными пробелами»).

3 часа 37 мин. Субъективное ощущение удивительного покоя. М. говорит, что он **«ни к чему не стремится и ничего не хочет»**.

3 часа 40 мин. Двадцать пятая трубка. Очень большая сонливость. Лёгкий укол карандашом в область селезёнки заставляет его, однако, вздрагивать. М. всё чаще просит курить.

После двадцать шестой трубки, которую М. выкуривает с очевидным удовольствием, он как будто засыпает. Пульс 72, частота дыхания 26, дышит

очень равномерно. Очень громко заданные вопросы остаются без ответа. На вопрос, хочет ли М. ещё курить, он утвердительно отвечает кивком головы. Пульс 70, частота дыхания 24, дышит равномерно. Руки сильно потеют.

3 часа 58 мин. Вопросы больше не понимаются.

(«Я довольно отчётливо слышал вопросы, по меньшей мере некоторые, понимал их, но почти сразу же забывал; я не мог отвечать, потому что вышли из повиновения органы речи; я много раз пытался заговорить, но безуспешно»).

Но всё же М. знаками просит новую трубку.

4 часа 00 мин. Двадцать седьмая трубка. На вопросы М. отвечает: «Я плохо слышу», произносит несколько слов на иностранном языке, говорит также: «Я очень устал», — но всё же продолжает курить, сильно затягиваясь.

4 часа 10 мин. М. перестаёт курить, кажется спящим; никакого онемения мышц не наблюдается. Пульс 68, частота дыхания 24, температура 37,2 °С. Вопросы остаются совершенно без ответа. Руки сильно потеют, кожа холодная, цвет лица нормальный.

4 часа 40 мин. М. открывает глаза, но сразу же их закрывает; на вопрос: «Как Вы себя чувствуете?» отвечает: «Хорошо», «Я совершенно одурманен; мне хочется ещё курить; разве человека с трубкой уже нет?»

4 часа 55 мин. Медленное возвращение сознания".

Хотя я был одурманен и чувствовал головокружение, вспоминаю, что смог одеться, и знаю, что меня пришлось перенести на нижний этаж; мне помнится также, что, когда я в паланкине покидал клуб, на меня с любопытством взирала толпа людей, но я не помню, как меня доставили в дом.

Я проснулся около 3 часов следующего утра и, увидев поставленный на стол ужин, ощутил голод, так как я перед тем ничего не ел в течение 33 часов. Я поднялся с кровати и, качаясь, достиг стола, где с жадностью проглотил несколько кушаний... Я снова уснул, был разбужен слугой около 7 часов утра, так как я намеревался ехать в Кантон; попытался подняться, но упал обратно на подушки почти без сил, после чего снова уснул. Около 1 часа пополудни я встал с ощущением большой слабости в ногах и большой тяжести в голове. Не только вечером этого дня, но и вечером следующего у меня была лёгкая головная боль, и я испытывал также приступы головокружения при ходьбе. Я отметил легкую глухоту в первый день после опыта курения. В течение $2\frac{3}{4}$ часа, пока продолжалось курение, я употребил более 107 гранов* такого опиума, какой обычно курят китайцы.

* Поскольку опыт ставился в Гонконге, можно предполагать, что речь идёт об английском (тройском) гране, составляющем 64,799 мг.

В заключение я хочу ещё отметить: во-первых, надо непрерывно курить более часа, чтобы почувствовать настоящее действие опиума; во-вторых, сперва поражаются органы движения и только потом нервные центры; в-третьих, органы чувств (зрения и слуха) испытывают иллюзии. Деятельность мозга скорее угнетена, чем возбуждена; течение мыслей всё более замедляется и затрудняется. Память замирает, и в конце концов не думаешь ни о чём. Выкурив достаточную дозу опиума, приходишь в состояние глубокого покоя; это состояние чрезвычайно своеобразно, возникает ощущение, что не хочешь ничего, абсолютно ничего на свете. Так как совсем **ни о чём не помнишь, ни о чём не думаешь, ничего не хочешь, то оказываешься близок к полной потере своего "я"**. Это ощущение полного покоя и отсутствия желаний столь притягательно и приятно, что **хочется, чтобы тебя никогда не выводили из этого состояния**.

После этого опыта я вполне понимаю, почему тысячи людей, богатых и бедных, без различия общественного состояния и возраста, предаются курению опиума, главное действие и главное удовольствие которого состоит в потере на некоторое время своего "я". То, что в этом находят столь большую прелесть, ещё раз свидетельствует в пользу глубокой справедливости древнего наблюдения, которое коротко и точно выразил Байрон:

*And know, whatever thou hast been,
'Tis something better **not to be.***

*И знай: чем бы ты ни был
Всё ж лучше и вообще **не быть.***

Курение опиума дает предвкушение "небытия"...
Южно-Китайское море. Записано на борту имп.
российского клипера "Изумруд". 28 апреля 1873 г.»

Поскольку книжица сия не только, а может быть, и не столько о курении, следует определить, что же всё-таки служило для Николая Миклухи (Маклая) императивом в его научных экзерсисах. Будучи студентом Йенского университета (Германия) Николай Миклуха в качестве практиканта медицинского факультета по долгу своих обязанностей наблюдал за некоей пациенткой — девушкой. Случился больничный роман, окончившийся более чем странно. Состояние больной ухудшилось и, будучи на смертном одре, возлюбленная Н. Миклухи завещала ему... свой череп. Болезнь стремительно прогрессировала, и было ясно, что смерть возлюбленной Николая Миклухи неизбежна. Лаборант особенным образом провожал предмет своей любви в небытие: он бесстрастно фиксировал симптомы смертельного недуга, день за днём и час за часом приближавшего неизбежное. Девушка умерла в мучениях...

Каким образом Николай Миклуха смог получить в своё распоряжение её череп — об этом история умалчивает. Однако череп оказался у медика-лаборанта. И что же далее? Далее герой столь необычной сюжетной линии нашёл гениальное применение черепу умершей возлюбленной. Но прежде чем рассказать об этом, сделаем одну ремарку: чтобы получить череп, так сказать, готовый к употреблению, нужно было отделить голову от тела, трепанировать череп, извлечь мозг, затем хирургически отделить черепную коробку от мягких тканей и, наконец, совершенно очистить от плоти, то есть выварить. Да, да, именно выварить — и такой метод получения наглядных анатомических пособий — скелетов, костей и черепов — для студентов, изучающих медицину, неизменен до сегодняшнего дня.

Вряд ли Миклухо-Маклай мог доверить кому-либо провести все необходимые действия с головой любимой. Скорее всего, манипуляции с головой, а потом с черепом Миклуха проделывал сам. Стоит только представить это жутко-медицинское действие, чтобы нормальному человеку стало не по себе. Но Миклуха... сделал это. Судя по тому, что сей «лунный человек», медалью с портретом которого награждает в нынешние времена Русское Географическое общество своих выдающихся членов, проделал потом, уже обосновавшись на берегу

«своего* имени» — то бишь Маклая — с трупом верного и любившего его до благоговейного обожания слуги, всё так и было. Для справки: чернокожий мальчик — слуга Миклухо-Маклая оказался болен раком гортани и умер в мучениях. Путешественник, вспомнив, что в университете, где он обучался, отсутствует препарат гортани, поражённой раком, вырезал орган, представлявший собой одну огромную опухоль, и поместил в спиртовой раствор — так сказать, для Науки. Труп подростка он ночью, хладнокровно расчленив, скормил акулам, поведав потом аборигенам удивительную, чудесную историю, что его верный слуга улетел на Луну!

А что же череп любимой? — спросит читатель. Её мёртвая голова хранит тайну Маклая. Украинский шотландец сделал из него... лампу. Череп, осеняемый колпаком-абажуром, источал свет... Этот череп-лампу Миклухо-Маклай возил с собой по всему белу свету; необычный, зловецкий светильник подкреплял человека, упразднившего для

* Здесь необходимо сделать уточнение: «Маклаем» Миклуха стал из любви к прекрасному — он решил облагородить своё имя, так сказать, подручными средствами. Будучи студентом вышеупомянутого учебного заведения, он просто прибавил к украинско-польской, довольно заурядно (и даже несколько плебейски) звучащей фамилии Миклуха по-английски красивое «Маклай». Так в его генеалогическом древе появилась «шотландская» ветвь.

себя границу между добром и злом, в его «великом делании». Сияние черепа, свет Люцифера... Не удивлюсь, если когда-нибудь станет известно, что абажур был зелёной ткани... Слишком уж близок (и совсем не только по времени) Николай Миклуха к друзьям «Общества зелёной лампы», которое в записках о своём детстве упоминает Лев Толстой.

К чему этот краткий рассказ? Он о том, к чему приводит идущих до конца *путём курения* (назовём этот путь сейчас так).

Впрочем, чтобы поставить точку в истории с Миклухо-Маклаем, следует сделать уточнение. В России второй половины XIX века тема черепов, которую так экстравагантно развил «лунный человек» — Маклай, уже существовала; не то чтобы она была популярна, сказать так означало бы погрешить против истины. «Тема черепов» в России того времени являлась неотъемлемым атрибутом ритуала определённой религиозно-философской системы, где помимо черепа и костей фигурировали треугольник, молоток мастера, угольник... Здесь достаточно упомянуть об известнейшем российском меценате и покровителе театра А. А. Бахрушине, который коллекционировал не только предметы театрального реквизита и костюмы знаменитых артистов, но и... черепа. В его собрании, по отзывам близко знавших этого человека людей, было сорок такого рода экспона-

тов, среди которых упоминали черепа блиставшего в своё время актёра Щепкина и гениального писателя — Гоголя.

* * *

Однако вернёмся к собственно теме курения. Здесь непременно нужно упомянуть об одном очень характерном произведении, самым непосредственным образом имеющем отношение к предмету нашего исследования, — «Исповеди курильщика опиума» Томаса Де Квинси. Сей почитатель «божественного опиума» пошёл гораздо дальше Миклухо-Маклая, сделав употребление этого вещества смыслом своей жизни. В своей «Исповеди» (кстати, экспериментатор озаглавил вторую часть рукописи весьма и весьма характерно: *Suspiria de profundis*, — что с латинского означает «Воздыхания из преисподней») он писал:

«...Казалось, я сходил и сходил в подземелья и тёмные бездны — и сие не метафора, — лежащие глубже известных нам бездн, едва ли надеясь возвратиться... Я не чувствовал себя на земле... Состояние уныния сопровождало эти восхитительные зрелища, завершавшиеся в конце концов полным мраком. Чувство пространства, равно как и чувство времени, сильнейшим образом исказилось. Пространство разрасталось до невыразимой бесконечности... Пугало неимоверное растяжение времени:

порою мне казалось, что в единую ночь проживал я до 70, а то и до 100 лет. Более того, подчас видения длились тысячелетие или иной срок, запредельный человеческому опыту...»

В данном случае восприятие Де Квинси воздействия курительного вещества принципиально ничем не отличается от восприятия южноамериканскими шаманами воздействия табака, аяуски, мескалиновых грибов. Де Квинси не случайно называет опиум «божественным». Он почти молится на вещество, изменившее его ум, душу, жизнь: «О справедливый, нежный и могущественный опиум! Один лишь ты можешь одарить человека столь щедро, воистину владеешь ты ключами от Рая, о справедливый, нежный и могущественный опиум!..»

Армия современных «курильщиков опиума», и не только опиума, идейным вождём которых в XX веке стал Олдос Хаксли, совершенно единомысленна Томасу Де Квинси. Приписывание «божественных» свойств веществу, употребление которого, по утверждению Де Квинси и иже с ним, возводит человека к «божественному» состоянию, весьма характерно: оно со всей определённой демонстрирует факт религиозной сути такого ритуала, каковым является курение (табака, опиума и т. д.). Де Квинси откровенно сообщает читателю: «Таково учение истинной церкви об опиуме, той

церкви, коей (единственным) исповедником являюсь Я — будучи в ней и Альфой и Омегой».

Совершенно ясно, к какой «церкви» причисляет себя Томас Де Квинси, исповедуя культ курения опиума как путь к «обожению». В общем-то, если называть вещи своими именами, это мечта антихриста — провозгласить себя «Альфой и Омегой», в бунте богоборчества восхитить достоинство Божества, стать Богом. Как видим, над этой задачей веками трудятся адепты падшего архангела — Денницы. Как свидетельствуют научные данные, люциферианские религии используют различные ритуалы, целью которых является открыть «врата восприятия» и войти ими в мир духов, падших духов, демонов — тех, кого в житийной литературе именуют бесами. И курение среди этих средств — один их древнейших и самых действенных ритуалов.

Миклухо-Маклай в своих записях опыта курения опиума, как помним, многозначительно упомянул о Байроне: экспериментатор цитирует стихотворение Дж. Г. Байрона *Buthanasia* (1812 г.). Название стихотворения есть не что иное, как греческое слово «эвтаназия», буквально: «благая смерть», «смерть как благо». Идея небытия пронизывает творчество английского поэта. Устремления курильщика Де Квинси определяет то же искание небытия. Та же идеология знаменует и метания Миклухо-Маклая — он тяготился жизнью. Для

тех, кому известна настоящая история человека, 10 апреля 1873 года выкурившего 27 трубок опиума, а не популярная версия Советской Энциклопедии, данное утверждение не покажется преувеличением... Стремление к небытию есть мечта богоборцев всех времён и народов.

Следующий пример достаточно выразительно иллюстрирует методику таких практик, в которых галлюциногены, равно как и курение особых трав, играют важную, однако же всё-таки не основную роль. В 1956 году антрополог Майкл Харнер отправился в Южную Америку с целью изучения культуры индейцев племени хибаро, живших на восточных склонах эквадорских Анд. Исследователь, собиравший сведения о жизни и верованиях хибаро, решил на научный эксперимент, который, по уверению индейцев, помог бы ему постичь самую суть культуры их племени. Главным действием обряда должно было стать вкушение «аяуаски» — магического напитка, дарующего вход в дотоле сокровенную для белого человека вселенную, где царствуют духи.

После того как Харнер выпил аяуаски, над ним в полной тьме (ритуал совершался ночью) стали появляться полосы света. Вдруг они вспыхнули яркими цветами. Откуда-то издали послышался звук, похожий на шум водопада, он усиливался и скоро превратился в громopodobный рёв низвергающейся массы воды. Эта вода наполнила всё вокруг и сде-

лалась морем, над которым сияли голубые небеса. Харнер увидел старинный галеон, шедший к нему на всех парусах. На палубах корабля были люди с головами птиц, чем-то напоминавших изображения птицеголовых богов Древнего Египта. Этот сонм людей пел завораживающий гимн, от звуков которого — так описывает свои ощущения учёный — его тело каменило, он был уверен, что песнь странного хора вот-вот исторгнет его душу, которую унесёт корабль. Потом Харнер увидел землю... Он знал, что зрит начало времён: пустая суша и бескрайнее море.

Вдруг появились чёрные точки — множество чёрных точек; они стремительно приближались. То были чёрные, лоснящиеся антрацитовым блеском существа с кожистыми крыльями птеродактилей; их тела походили на тела пресмыкающихся. Падая наземь, они на языке мыслей говорили Харнеру, что спасаются от опасности из космоса. Эти существа сообщили созерцавшему видение, что именно они создали жизнь — сотворили животных и людей, чтобы скрываться от опасностей внутри своих творений. Существа поведали, что они истинные хозяева человечества и что люди суть их слуги. «Древние» — так они называли себя — хотели завладеть и его душой.

Тут экспериментатора объял жуткий страх, он хотел сказать, что ему нужна помощь, но язык не повиновался. В конце концов Харнер всё-таки смог

выговорить слово «лекарство», и ему влили в рот какую-то жидкость... Придя в себя, антрополог понял, что лежит на полу хижины в окружении индейцев. Рядом стоял шаман.

Этот мистический опыт общения с потусторонней реальностью не прошёл без последствий. Харнер не смог освободиться от воздействия того, что обрело для него достоинство «истины», «настоящей реальности». Он прошёл обучение и инициацию, став шаманом, о чём и рассказал в своей книге «Путь шамана»*. Такой опыт не является чем-то исключительным. Мы имеем дело с «научно» обоснованной сознательной инициацией в демоническую реальность, о чём свидетельствуют Джереми Нарби, испивший аяуаски вместе с индейцами Перу, и Грэм Хэнкок — с помощью африканского растения ибоба начавший жить «настоящей» (то есть шаманской) жизнью, проникнув в мир падших духов — демонов.

Нетрудно понять, что настой травы-галлюциногена применён шаманом для того, чтобы процесс осуществился, причём быстро и качественно. Можно без галлюциногенов и грибов. Можно, но процесс пройдёт с меньшей скоростью. Это всё равно, что добраться из Петербурга в Москву: на «Сапсане» гораздо быстрее, чем на заурядном авто. А так, с табаком и с мескалиновыми грибами, — как на

* *Harner M. The way of Shaman. // N. Y., 1975.*

экспрессе, причём в бизнес-классе — и обслужива-
ние по высшей бесовской категории — с картинка-
ми в 3D.

В натурфилософии магического восприятия
мира растения всегда занимали особое место. Языч-
ники, оккультисты, приверженцы каббалы ассоци-
ировали их с проявлением неиссякаемой жизнен-
ной силы, разлитой в материи. Растениям, которым
в языческих верованиях приписывается быть связу-
ющим звеном между всеми мирами, отводится важ-
ная роль и в мифах, и в ритуалах. Логика понятна:
корни деревьев и трав, уходящие в глубины земли, тем
самым как бы тянущиеся к истокам тварного бытия,
ведут к удолиям преисподней, а стебель устремлён
вверх, к свету и солнцу. Растения осознаются как не-
кое связующее звено между Землёй и Небом. В отно-
шениях между духами поднебесного мира и людьми
в языческих и оккультных религиозных воззрениях
растениям отводится очень важная роль — как, на-
пример, в ритуале курения трубки мира.

Ещё одно обстоятельство имеет в этом ритуале
весьма существенное значение: его участники об-
разуют круг, магический круг. В своей религии ин-
дейцы североамериканского континента являются
наследниками некогда процветавшей в этих землях
цивилизации Кахокии, государства, верховным бо-
жеством которого был Змей, олицетворявший вла-
стителя мироздания, «князя мира сего» (Ин. 12,31).

Кто мог подумать, что память о встрече с племянником Эрнеста Хемингуэя сейчас уже в далёком прошлом, его книга о цивилизации Кахокии, через почти двадцать лет пригодится мне сейчас, в работе над эссе — размышлении о курении? Тогда наша встреча завершилась вручением пишущему эти строки памятного подарка — книги с дарственной надписью, исследований о культуре, вере и жизни обитателей Кахокии*. Прошло без малого двадцать лет, исследование о древней цивилизации Америки — в собрании моей библиотеки. Теперь отдаю долг — с благодарностью автору труда о Кахокии, но более и прежде всего Промыслителю всяческих, всё устрояющему ко благу.

Однако вернёмся к главному божеству древней цивилизации Северной Америки. Змей изображался держащим в пасти кончик собственного хвоста. Для индейцев, фигурирующих в фильме «Чингачгук — Большой Змей», почитание их верховного божества было фактически продолжением религиозной традиции обитателей Кахокии. Участник церемонии делал всего лишь одну затяжку и передавал трубку мира сидящему рядом; когда круг таким образом замыкался, мистерия достигала кульминации — Чингачгук, то бишь Большой Змей, входил

* *Hemingway, D. W., Hemingway, W. D. Ancient America Rediscovered. 2000. Bonneville Books.*

в души призывавших его. Наитие Большого Змея совершалось, и каждый из участников ритуала ощущал движение Змея внутри себя, в собственной душе, в сердце. Переживаемый опыт был абсолютно реальным и настолько действенным, что адепт религии Большого Змея не задумываясь жертвовал жизнью, защищая и отстаивая эту веру с ножом, луком, копьём, а потом и с ружьём в руках, воюя с бледнолицыми — врагами их божеств и идолов.

Антрополог Джереми Нарби оправился в 1985 году в район перуанской Амазонки, в долину Пичне, чтобы изучать культуру индейцев ашанинка. Результатом экспедиции явилась книга «Власть змеи», в которой есть описание того, как шаман этого племени лечил больного мальчика. Окуриив ребёнка табачным дымом, он пососал пятнышко на его животе и сплюнул. На вопрос Нарби шаман ответил, что табак — это мать аяуаски и что мать табака — змея. Он также сообщил учёному, что духи (манинкари) любят табак. Спросив, что такое эти духи, Нарби узнал: они невидимы и летают по воздуху наподобие радиоволн, но их можно увидеть при помощи табака или аяуаски.

Американский этномузыковед Дейл Э. Ольсен в середине семидесятых изучал индейское племя вара, обитавшее в дельте Ориноко в Венесуэле. Шаман вара согласился спеть для него, но объяснил при этом, что песня уничтожит оба магнитофона

учёного. В конце длинной песни шаман упомянул «огромные ножницы мира духов», которые уничтожат приборы чужеземца. Потом он объяснил, что магнитофоны будут повреждены не сразу: если бы шаман желал уничтожить их мгновенно, то курил бы не короткую, а длинную сигару. Прошло три недели, и слова шамана исполнились: в одном магнитофоне кислота, просочившаяся из батареек, уничтожила записи, другой зажевал плёнки, а потом и совсем сломался.

Можно по-разному оценивать эти да и многие другие свидетельства о духовных реалиях, которые буквально пронизывают нашу жизнь. И оттого, что многие их не замечают (предпочитают не замечать), ничего не меняется.

Эти этнографические заметки, в которых присутствуют курение и табак, конечно же, не случайны. Немного терпения, и приведённые факты станут понятны.

Знание – сила!

Прежде чем продолжить рассуждение о происхождении курения, с каких бы позиций мы не расценивали этот феномен – как ритуал или чрезвычайно упрощённо, считая всего лишь вредной и непонятно как и откуда взявшейся привычкой, должно сделать одно очень существенное замечание. История с «божественным» серпентарием племён Северной Америки представляет собой реминисценцию хорошо известных библейских событий. Священное Писание говорит нам о том, как дьявол явился Адаму и Еве – в образе змия – и соблазнил первых людей, вложив в их сердца вожделение стать «как боги» (Быт. 3,4). За то, что сатана прельстил прародителей, он проклят Богом – и низвержен с высоты Небес пресмыкаться в воздушной стихии (поэтому апостол Павел называет его «князем воздушным»).

Миф о Чингачкуке – Большом Змее фактически говорит о том же. Змей выступает в роли ве-

личайшего благодетеля людей — он якобы научил их всему: ремёслам, искусству; создал человеческую цивилизацию, наделив человека своей, змеиной, мудростью. Что мы видим в индейских мифах? В истоках — то же самое, о чём рассказывает Книга Бытия, но только под другим углом зрения. Большой Змей сходит к людям с Небес, и след нисхождения Змея остаётся для земнородных вечным напоминанием — это трубка мира, связующая людей с преисподней, областью обитания и власти Большого Змея. Прочие пункты индейского мифа об истории взаимоотношений людей и Змея соотносимы с библейским повествованием — за одним очень существенным отличием: в мифах индейцев Северной Америки сатана предстает в качестве Бога в пантеоне идиолов-божеств.

Священное Писание содержит вполне определённое изъяснение того, что однажды произошло в мире духовном. Верховный архангел, Денница, возгордившись, восстал против Творца, явившись богоборцем. Не лишним будет привести здесь строки из пророка Иезкииля: «Так говорит Господь Бог: за то, что вознеслось сердце твое и ты говоришь: "Я Бог, восседаю на седалище Божиим". Так говорит Господь Бог: ты находился в Едеме, в саду Божиим. Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Я поставил тебя на то. Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения тво-

его, доколе не нашлось в тебе беззакония. И ты согрешил; и Я низвергнул тебя как нечистого с горы Божией, изгнал тебя, херувим осеняющий. От тщеславия твоего ты погубил мудрость твою; за то Я низвергну тебя на землю. Я извлеку из среды тебя огонь, который и пожрет тебя; ты сделаешься ужасом» (Ис. 28,2-19). Так говорит Библия о первом богоборце.

Отметим особый стих этой главы книги пророка Иезекииля, относящийся к верховному светоносному херувиму, ставшему сатаной: «...извлеку из среды тебя огонь, который и пожрет тебя», — это поможет найти объяснение многому в дальнейшем рассказе о курении как духовном феномене.

Религиозным воззрениям североамериканских индейцев соответствуют верования коренных народов Южной Америки, живших там, где дыхание Антарктики достигает отрогов Анд и где горные вершины покрыты вечными снегами. Что послужило причиной названия местности их обитания? Почему их земля была названа Огненной? Когда Магеллан шёл проливом, соединяющим два океана, он был поражён странным зрелищем: на берегах пылали огромные костры. Именно это обстоятельство послужило причиной появления на карте такого названия: Огненная Земля. Костры разводили аборигены — индейцы. На Огненной Земле нет действующих вулканов. Её не согревает огонь клокочущих

раскалённой лавой недр, но эта земля — Огненная. Индейцы, обитавшие на пространствах суровой и холодной Огненной Земли, разжигали костры не для того, чтобы согреться, хотя климат данного региона Южноамериканского континента формируется близостью к Антарктике и холодным течением Гумбольдта.

Здесь, как и в Северной Америке, обычаи, которые полностью отвечали люциферианскому культу, определяла религия шаманизма. Костры по берегам Огненной Земли возжигали исключительно с ритуальными целями. Всё дело в том, что стихия огня осознавалась обитателями Огненной Земли тождественной сущности верховного божества, которым, как нетрудно догадаться, был уже знакомый нам персонаж — огнедышащий Большой Змей. Как видим, и здесь присутствует идея, соотносящая стихию огня и природу огнедышащего Змея; более того, и в данной религиозной системе эти два понятия тождественны. Ритуал призывания небесного, исполненного огнём Змея индейцами Огненной Земли совершался в иной форме, чем у индейцев Северной Америки, однако центр, вокруг которого разворачивалось мистическое действие ритуала, и у тех, и у других один и тот же — это огонь, среда обитания испускающего пламени Небесного Змея и одновременно его природа, его сущность.

Посмотрим, что сообщает об этом Святое Писание. В Евангелии не однажды со всей определённою говорится, что участь сатаны, он же диавол, и слугителей его, то есть падших демонов и людей, творящих волю дьявола, — «огонь вечный» (Мф. 18,8-9); «печь огненная», «плачь и скрежет зубов» (Мф. 13,42); «геенна огненная». «Геенна огненная» — это место вечного осуждения и вечных мук (Мф. 23,33). Огонь вечный уготован нераскаянным грешникам как проклятие, потому что этому вечному огню осуждены диавол и ангелы его (Мф. 25,41). Огонь вечный — область безмерных бесконечных мучений (Мф. 25,46); в геенне огненной грешники будут мучиться невыразимо, ибо «червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9,48). Евангелисты Лука и Иоанн тоже передают слова Христа о таковой участи нераскаянных грешников.

Особенно же выразительно говорится об этом в Апокалипсисе — Откровении Иоанна Богослова: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (12,79). Место мучения описывается с исчерпы-

вающей полнотой — это огонь: «озеро огненное, горящее серою» (19,20; 20,14-15); «нераскаившийся грешник будет мучим в огне и сере», «и дым мучения... будет восходить во веки веков» (14,10-11). Всё предельно ясно.

Как в глубокой древности, так и сейчас люциферианские культы имеют типологически общую особенность — особое отношение к огню, которое раскрывается в ритуалах, где огню придается не просто сакральное значение — он сущностно отождествляется со «змием, именуемым дьяволом и сатаной». Обратимся к представлениям о том, кого язычники именуют богом, существующим в других религиозных системах люциферианства. Речь в первую очередь пойдёт о даосизме, где дьявол предстаёт в своём собственном виде. Великая страна, наименовав себя Поднебесной Империей, на протяжении тысячелетий служила тому существу, которое названо в Священном Писании очень определённо и предельно точно: великий дракон, древний змий, именуемый дьяволом и сатаной.

Изображения «великого дракона», он же древний змий, он же дьявол, он же сатана, есть визитная карточка всей китайской культуры и цивилизации. На одеждах императора, на крышах дворцов, на вазах, предметах обихода и культа, словом, везде присутствует изображение огнедышащего небес-

ного дракона, власти которого в Поднебесной принадлежало всё и вся. Этот дракон изрыгает огонь; огонь является его природой. Как видим, картина всё та же; изменения есть, но они имеют второстепенное значение — придают, так сказать, лишь местный колорит и этнографическую окраску, но основа сюжета одна и та же. Неизменно и главное действующее лицо — это огнедышащий небесный змей — дракон.

Справедливости ради — и ради научной точности тоже — следует сказать, что пантеон божеств многих восточных культов возглавляет Дракон — Змей. Древние кхмеры, как и синтоисты, принявшие огнедышащего крылатого дракона от Китая, поклонялись дьяволу в образе того, кто пресмыкается в воздушной стихии, нисходит в воды мирового океана — и взбивает их (в философской системе Гегеля, духовного отца марксизма, это «взбивание» есть не что иное, как «божественный» Синтез).

Что на Ближнем Востоке? Обратимся к колыбели современной цивилизации — Древнему Вавилону. И там мы увидим тот же самый персонаж в достоинстве верховного божества, которому поклонялись обитатели Междуречья. Это, как читатель, верно, уже догадался, огнедышащий небесный дракон, почитаемый в качестве Бога, которого вавилоняне благоговейно именовали Мардуком, то

есть «Спасителем». Однако и в наши просвещённые времена религиозное отождествление тварной огненной стихии с Божеством существует в чистом виде – зороастризм.

Что касается другой древней восточной религии – индуизма, весь смысл религиозного праксиса сей веры заключается в том, чтобы, как гласит её главный сакральный текст – Бхагавадгита, огонь наполнил всё существо человека; чтобы каждая клеточка, каждый волосок были проникнуты огнём. Мантры, йога, аскетические упражнения тела и души служат одной-единственной цели: человек должен полностью, всецело, даже не приобщиться, не достичь, а исполниться, обрести отождествление с огненной стихией. Именно тогда придёт нирвана, то есть именно тогда человек станет богом. Индуистские «святые» – супераскеты, пожиратели человеческих трупов – садху совсем не случайно втирают в свои тела пепел погребальных кострищ; они переходят границы, простираются «за грань», чтобы стать «как боги»...

Не правда ли, это мы уже где-то слышали? Древний Змий обещал людям, что, исполнив его совет, они станут «как боги», станут богами. Индуизм объясняет, каким образом это происходит. Согласно древнему учению ариев, носителем божественного огня является Кундалини – энергия вечного божественного Змия. В естестве каждо-

го человека этот змий якобы есть изначально — в виде малого Кундалини. Его и должно разбудить, для чего и служит система индуистских молитвенных практик, — и тогда, при их исполнении, змий начнёт расти внутри человека, постепенно овладевая всем его существом. Когда, пройдя через сердце, Кундалини наполнит собою разум, тогда адепт обретёт нирвану, станет богом и живой иллюстрацией того, каким образом древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщает Вселенную (От. 12,9). Так религия богоборчества низводит во ад: «нирвана» с санскрита буквально означает «угасание», то есть нисхождение в область вечной смерти, возделенное для поклонников диавола *небытие*. Такова суть — в методах и целях — аскезы индуизма.

Между прочим, индуистские «святые» практикуют ритуальное употребление психотропных препаратов конопли: курят конопляные «косяки» через ритуальную трубку — чилом. Курение конопли — растения Шивы — помогает садху погрузиться в мир истинной «святости». В конце XIX века британские колониальные власти вознамерились запретить гашиш и бханг, но этого не произошло, так как приведённый довод: «запрет разгневает огромные банды молящихся аскетов» — возобладал. В этой религиозной концепции курению (гашиш, чарас, ганджа, бханг, анаша, марихуана) при-

даётся очень важная роль: без курева не достичь святости и не соединиться с Шивой (индуистское божество разрушения и смерти).

Курение в данной религиозно-философской системе считается верным способом обретения высшей мудрости, а дым — этой субстанцией питаются духи. Выкурив порцию гашиша агхори-садху, практикующие крайнюю форму аскезы, хотя точнее было бы определить суть их практик как крайнюю решимость в отождествлении Добра и Зла, оставшийся пепел мажут на лоб или съедают, демонстрируя абсолютную преданность Шиве, который курит чарас, он постоянно опьянён им, Шива — господь чараса. Прежде чем сделать первую затяжку, садху призывает Шиву, проговаривая чилом-мантру. Курящий садху выдыхает дым как подношение Шиве. Трубка-чилом символизирует тело Шивы (божества зла и смерти), а гашиш в трубке — сознание Шивы. Совершая затяжку, аскет верит, что так он приобщается божественной сути Шивы.

В буддизме ситуация сходная, и, хотя техника религиозного праксиса — обольщения человека отличается от индуистской, результат запрограммирован тот же самый. Не случайно буддистские монахи имеют одеяния ярко-оранжевого цвета, символика которого — огонь, который не просто освятит последователя Будды, но исполнит всё его су-

щество. Опять живая иллюстрация на тему участи, которой обрекают себя служители и поклонники огнедышащего Змия.

Когда европейцы с восторгом наблюдали в цирках фокусы индийских факиров, клавших раскалённые уголья на язык, ходивших босыми ногами по пламенеющим углям, изрыгавших огонь, им и в голову не приходило, что так называемые фокусы есть не что иное, как результат стремления людей определённых религиозных верований сделать огненную стихию — природу Кундалини, небесного дракона даосизма, Мардука древних строителей Вавилонской башни, Большого Змея североамериканских индейцев и так далее, и так далее — естественной средой своего бытия уже здесь, на земле, а потом и в вечности, навсегда. Современный безрелигиозный человек смотрит на подобную цирковую деятельность, совершенно не понимая, что увиденное им вовсе не ловкие трюки и не демонстрация бесконечных возможностей, обрётённых в занятиях йогой. Он даже не способен уразуметь, зрителем какого рода упражнений является. Он выходит из цирка после представления, достаёт сигарету и... делает практически то же самое, что и факир на арене. Всё это прежде всего касается людей, исповедующих религии, в которых главное место занимает люциферианский культ, в различных формах совершаемый теми, кто со всем усердием и знанием

дела (жреческая каста) или по закону принятых обычаев (рядовые верующие, соблюдающие традиции, усвоенные от колыбели, в семейном воспитании) поклоняется сатане.

Но как курительный табак появился в Европе и со временем стал всеобщим достоянием, показателем респектабельности, неизменным атрибутом клубной жизни и завидного положения в обществе? Как табак, вернее, курение попало в наш Старый Свет, живший уже полторы тысячи лет идеалами Христианства, — и завоевало Европу? Всё это имеет самое непосредственное отношение к настоящей теме. Всем нам хорошо известно: первыми европейцами, познакомившимися с курительным табаком и на деле познавшими, что это такое — курить табак, были открыватели Нового Света, благословенной Америки.

Испанцы, искавшие пути в манившую сказочными богатствами Индию, пристали к другим берегам. К их удивлению, прибытие мореплавателей не было неожиданностью: белых людей ждали. «Индийцы» (как думали стремившиеся обрести выгоднейшую стезю к сказочным богатствам Востока) знали о скором появлении гостей в Южной Америке; аборигенам это поведали их жрецы, подтверждавшие тем самым древние предсказания о том, что в последние времена восстановится гармония мира: Пернатый Змей Кецалькоатль-

Виракоча в образе белого бородатого человека вновь придёт к людям и Золотой век возвратится — уже навсегда. Языческие предания ясно указывали: Кецалькоатль явится со стороны моря. И что же? Индейцы встретили белых бородатых людей и предложили им не золото, не драгоценные минералы и даже не столь почитаемый обитателями Америки божественный камень нефрит; они предложили испанцам... сигары. Хроники конкистадоров — покорителей Нового Света, содержащие множество рисунков, показывают, как это происходило.

Почему индейцы совершили столь странное приношение? Какова была мотивация и происхождение обычая? На самом деле индейцы не угощали европейцев сигарами; они предложили белым бородатым людям совершить ритуал, имевший в их религиозной жизни очень важный смысл. И от того, как поступят испанцы, зависело гораздо больше, чем жизнь мореплавателей, открывших неизвестный континент. Если белый бородатый человек, пришедший со стороны моря, совершит ритуал Кецалькоатля, это будет означать ни больше ни меньше как исполнение древних пророчеств, а именно: Пернатый Змей действительно пришёл. Испанцы были католиками — и ничтоже сумняшеся сделали то, что от них ожидали. Это решило всё. Индейцы уверились, что времена возвращения Кецалькоат-

ля наступили. В образе белого бородатого человека Виракоча наконец пришёл.

Здесь должно сделать некоторые пояснения. Почему католики решились исполнить странный обычай и курили с аборигенами? Просто потому, чтобы удовлетворить желанию (или требованию) краснокожих и так получить возможность ступить на землю Америки? Может быть, здесь вообще не имеет смысла говорить о вере мореплавателей, странствовавших под началом Колумба, Писарро, Магеллана — как известно, никогда особенно не отличавшихся добродетелью религиозного благочестия? На самом деле, всё обстоит гораздо серьёзней. Мы знаем, что открытие Америки имело место в 1492 году. За полвека до того, как белый человек появился у берегов Нового Света, христианский мир пережил величайшее потрясение: 9 апреля 1438 года начал свои деяния печально знаменитый Ферраро-Флорентийский Собор.

Первым вопросом, который стал предметом дискуссий, был, как это ни покажется странным, вопрос об огне, «очистительном огне». Не правда ли, вызывает удивление, что не абсолютизация папской власти, а именно огонь, огонь чистилища, явился принципиальным и важнейшим пунктом в предлагаемом католиками вероучении, и именно это стало началом соборных изысканий и споров между православными, отстаивавшими апо-

стольскую веру, и латинянами, введенными новые догматы?

На самом деле, ничего странного в такой, говоря современным языком, расстановке приоритетов нет — ведь в данном католическом догмате речь идёт о Божестве, а это всё же важнее, чем даже авторитет римского первосвященника — он всё же лишь наместник католического Бога. Что лежит в основе догмата, вернее, заблуждения о существовании очистительного огня, то есть чистилища? И почему именно в Католицизме такое исключительное значение имеет огонь? Чтобы понять это, следует разобраться с тем, что представляет собой собственно Католицизм, его учение в самых существенных сторонах западной «христианской» веры. И тогда мы поймём содержание догмата о «католическом» вечном огне, который есть тот же самый огонь, что у язычников, отождествлявших огненную стихию с Божеством.

Самым важным пунктом католической доктрины является *Filioque* (буквально: «и от Сына»), добавленный в Символ веры. *Filioque* выражает убеждение, будто Дух Святой исходит не только от Отца, но и от Сына. Это означает следующее: в природу Божества вводятся два начала. То есть если Отец есть абсолютное Благо, Жизнь, Истина, Свет, то второй источник Божественной сущности (Святого Духа) будет — безальтернативно — про-

тивоположен первому, потому что не тождественен ему, ипостасно и сущностно отличен от него. Иными словами, если Отец, из сущности Которого исходит Дух, есть Свет, то Сын, из сущности Которого по католическому вероучению якобы тоже исходит Дух, будет Тьма (потому что Он, как не тождественный Отцу ипостасно, лично, не тождествен Отцу и природно, ибо сущностно даёт бытие Духу). Итак? Итак, католический Христос, как о том писал Достоевский в «Братьях Карамазовых», — это Антихрист, дуалистическое соединение «добра» и «зла» в человеке, сосуде сатаны, который объявит себя Богом. Между прочим, здесь кроется настоящая причина отсутствия в католической мессе призывания Святого Духа.

Католическое богословие говорит о тождестве Божественной сущности и энергии Божией, тем самым открывается путь к тому, как человеку стать... богом. Опять совет искуителя: вкусите запретный плод, станьте как боги (Быт. 3,5). Православие, сохраняющее чистоту апостольской веры, учит, что обожение — это преображение нашей природы нетварной энергией Божества, а не сущностное превращение человека в Божество. В учении, изложенном Католической Церковью на Ферраро-Флорентийском Соборе, говорится о «временном очистительном огне, очищающем человека и приводящем его к причастию сущности Божества». Для католиков

огонь чистилища — это некая тварная действительность, но возводящая прошедшего огненное очищение фактически к состоянию Божественного достоинства.

Идея католического богословия об огненном очищении и даже более того — огненном обожении через прохождение чистилища является глубочайшим заблуждением. Но вот что характерно: все ереси неизбежно так или иначе приходили к исповеданию этой идеи в качестве краеугольного догмата своих религиозно-философских систем. Катары, альбигойцы, нестинары, наконец, русские старообрядцы — все они почему-то испытывали неодолимое влечение к огненной стихии, огню. Хождение по углям нестинар, костры на Купалу русских язычников, факелы альбигойцев, наконец, самосожжения старообрядцев — всё это суть звенья одной зловещей цепи. Кстати, типология огня отражается и в старообрядческом ритуале крещения: вода, приготовленная для крещения адепта раскола, «освящается» погружением в неё горящих свечей. Такое буквальное «обожествление» тварного огня сближает старообрядцев и с католиками (парадоксально, но факт!), «очищающими» феериями тварного огня, и с фарисеями, предельно буквально, материалистически, понимавшими Писание. Так Никодим, услышав слова Христа «подобает вам родиться свыше», искренне недоу-

мевал: как это «родиться свыше» (Ин.3,4)? Как это физически возможно?

Католическая ересь отождествляет Божественную сущность и Божественную энергию. Следствием является выдумка об огненном чистилище как пути обожения. Эту идею, доведённую до логического завершения, мы видим в индуизме: очищающий огонь возгорается уже здесь, на земле; чистилище начинается погребальным костром на берегах Ганга: зрелище не для слабонервных. В наше время многое стало доступным человеку: при желании едва ли не каждый может побывать в Индии и в Испании; увидеть воочию, как провожают в вечность правоверных индусов и какими праздниками живут благочестивые католики Пиренейского полуострова.

Если с индусами всё ясно, то католические празднества шокируют любого нормального человека. Дело в том, что внешняя христианская атрибутика имеет в них второстепенное значение. Главное в другом. Поясним сказанное. Многие европейцы отправляются в добропорядочную Испанию, чтобы посмотреть католический праздник Богородицы Милосердия. Процессия торжественно, с оркестром, пронесёт по улицам города куклы Христа, Богородицы, святых. Но это официальная часть церемонии, главное произойдёт позже. Главное действие будет удивительной огненной мисте-

рией, в которой основными фигурантами станут... бесы. Простите, оговорился, «добрые католики», ряженные в бесов. Между прочим, должность беса в феерическом празднестве не так-то просто получить — требуется нечто вроде сверхдолжных заслуг. Какая роль отведена людям-бесам? Очень важная. Они будут очищать всех других добрых католиков огнём. Как? Очень просто: факелами, петардами, огненной люминесценцией.

В католической Испании праздники в честь Антония Великого являются всенародными. И они тоже оканчиваются огненной мистерией. Но Антоний Великий учил совсем об ином огне: «Я молился о вас, — пишет он своим ученикам, — да сподобитесь и вы получить того великого огненного Духа, Которого получил я. Если хотите получить Его, так, чтобы он пребыл в вас, принесите прежде труды телесные и смирение сердца, и восторгая помышления свои на небо, день и ночь взыщите с правотою сердца Духа сего огненного, — и Он дастся Вам. Сим образом получил Его Илия Фесвитянин и Елисей с прочими пророками. Кто возделывает себя этим возделыванием, тому дастся Дух сей навсегда и навеки. Пребудьте в молитвах с преболезненным исканием сердец ваших, — и дастся вам. Ибо Дух тот обитает в правых сердцах. И Он, когда принят будет, откроет вам высшие тайны; отгонит от вас страх людей и зве-

рей, — и будет у вас небесная радость день и ночь; и будете в этом теле, как те, кои уже находятся в Царствии Небесном»*.

Святые отцы Православия очень определённо изложили опыт распознавания действий бесовских. Откроем Добротолюбие — «Наставление для безмолвствующих» иноков Каллиста и Игнатия. Читаем: «В некоторых из своих писаний славные отцы наши указывают признаки непрелестного и прелестного ("прелесть" в переводе с церковнославянского на русский означает высшую степень лжи, то есть самообман. — *Изд.*) просвещения, как сделал и преблаженный Павел Латрский, когда вопросившему о сем ученику своему сказал: "Свет силы вражеской огневиден, дымоват и подобен чувственному огню; и когда душа, обуздавшая страсти, и очистившаяся от них, увидит его, с неприятностью относится к нему и гнушается им. Свет же Духа благаго благ, радостотворен и чист, и приближаясь освящает светом, радостью и тишостью исполняет душу, и делает её кроткою и человеколюбивою. То же говорят и другие святые отцы"»**.

* *Антоний Великий*. О жизни во Христе. // Добротолюбие в 5 т. — Т. 1. — М., 1895. — С. 35.

** *Каллист и Игнатий*. Наставления для безмолвствующих. // Добротолюбие в 5 т. — Т. 5. — М., 1900. — С. 382.

Кто хоть раз видел огненные «христианские» празднества католического мира, понимают, что их «священный огонь» — «дымоват»... Их огонь — это огонь, которому поклонялся Юлиан Отступник, принуждавший мучеников Мануила, Савела и Исмаила воздать божеские почести «всесветлейшей огненной силе» (Житие мучеников. 17 июня церк. стиля). Этот взгляд на стихию огня присущ язычеству. В Житии святых мучеников Михаила, князя Черниговского и боярина его Феодора, от нечестивого Батыя пострадавших, есть ценное историко-религиозное упоминание: «Всех приходящих к хану татарские жрецы проводили между огнями: по их убеждению чрез это уничтожалось всякое злое намерение у лиц, шедших к их повелителю. Огонь, по их верованию, был чистилищем для всяких злых умыслов и даже отнимал силу у скрываемого яда».

Католическая Церковь ко времени открытия Нового Света уже проделала большой путь, и для конкистадоров, достигших побережий Америки, не составило больших затруднений совершить ритуал: образно говоря, приобщиться огню, вдохнуть дым сигар, предложенных индейцами для курения. В конце концов, это по сути своей так отвечало идее огненного чистилища, столь важной для католиков.

Первым европейским курильщиком стал Родриго де Херес — моряк с корабля Колумба

«Санта-Мария». Вернувшись в Испанию, он так впечатлил «добрых испанских католиков», что угодил в тюрьму. Инквизиция расценила курение Хереса как явную связь с дьяволом. Что ещё могло означать «пускание изо рта и ноздрей дыма»? Семь лет провёл в застенках Родриго де Херес, пока табакокурение не было легализовано в Испании. Отцы иезуиты наконец сообразили, что курение табака не так уж и несообразно католической доктрине и к тому же может приносить отличный доход. Тем более, родина табака была вотчиной иезуитов.

Между прочим, до сих пор ни один из историков открытия Нового Света не назвал истинную причину парадоксально быстрого завоевания малочисленными отрядами испанцев огромных территорий Южной Америки. Дело, конечно же, не в том, что у испанцев были лошади и мушкеты. Неспособность к сопротивлению обуславливалась религиозными причинами и никакими другими. Если пришёл Виракоча, а в том уже не оставалось сомнений — белые бородатые пришельцы, явившиеся с востока, со стороны моря, исполнили ритуал Пернатого Змея, — то сопротивление Божеству бесполезно и бессмысленно.

Однако ещё одно обстоятельство никак и никем не учитывается в событиях, связанных с именами Писарро и Колумба, и оно-то как раз имеет

чрезвычайную важность. Вера языческих народов доколумбовой Америки была религией дуализма: Пернатый Змей соединял в себе добро и зло. Это означало, что развернувшаяся бойня, когда индейцы зачастую даже не сопротивлялись испанцам, согласно представлениям самих поработаемых народов Мезоамерики, была не только естественным образом правления такого божества, но и единственной парадигмой его властительства. До того, как европейцы высадились на американских берегах, здесь происходило, в принципе, то же самое: текли реки крови и десятки тысяч пленников умерщвлялись в жертву Кецалькоатлю. Разница заключалась в одном: теперь Пернатый Змей требовал крови своих слуг. Всё закономерно, потому что верховное божество, соединявшее в себе добро и зло, иным по определению и не могло быть. Кровавый бог жаждал крови: всё вполне естественно.

Экскурс, хотя и предельно краткий, в историю люциферианских религий необходим для того, чтобы реалии, не известные для абсолютного большинства людей, могли сложиться в целостную картину, способствующую пониманию того, чем был феномен курения в религиозных практиках древности. Теперь мы уже можем сделать некоторые выводы, что в свою очередь позволит продолжить изыскания на заданную самой жизнью тему.

Археология и История дают колоссальный фактический материал для осмысления. Проблема заключается в том, что люди разучились думать. Большинство легкомысленно ищет «хлеба и зрелищ». Мы слишком безответственны, слишком доверчивы, слишком некритичны в усвоении информации, которую нам не столько услужливо, сколько безальтернативно настойчиво предлагают учебники и программы, главная концепция которых такова: Бога нет...

Что касается нашей темы — к счастью, в настоящее время благодаря усердию археологов есть вполне объективные данные, сообщающие нам достоверные сведения как о содержании ритуала курения, так и о его предназначении в качестве неотъемлемой и очень важной составляющей культа Пернатого Змея — Кецалькоатля, огнедышащего дракона.

Ключ тайны

Успехи исследователей прошлого — французов, англичан, немцев, совершивших открытия огромной важности в области истории Древней Греции и Вавилона, египетские находки, приоткрывшие завесу над тайной фараонов, — сподвигли их американских коллег на поиски наследия древних цивилизаций Нового Света. Интересу к древним культурам американского континента особенно много способствовали усилия Хайрама Бингема, легендарного археолога, отыскавшего затерянный город империи инков, город в облаках — Мачу-Пикчу. Не менее масштабные находки были сделаны в Мезоамерике: города майя сохранили свои сокровища до наших времён. Однако до того времени, когда исследователи получили ключ к расшифровке письменности майя, представления учёных о религиозной жизни и практиках этой цивилизации были довольно наивны. Эрик Томпсон, считавшийся до времени признания идей Юрия Кнорозова абсолютным авторитетом в области зна-

ний о культуре майя, полагал, что майя были цивилизацией мирных племён Мезоамерики, настолько мирных, что их смыслом жизни было смотреть на небеса. Странная романтическая картинка, не имеющая ничего общего с действительностью...

Благодаря Ю. Кнорозову, Л. Шеле, Д. Стюарту были получены объективные данные о смысле жизни майя. Но до сих пор этот смысл не понят по очень простой, но очень существенной причине. Исследователи были далеки от религии, хотя формально они только этим и должны были заниматься (а уж при изучении майя это вообще есть неперемное условие). В каком-то смысле научный подвиг Кнорозова закономерен и даже логичен: будучи студентом МГУ, он изучал древние восточные цивилизации — и шаманистские культуры. И ещё Кнорозов курил, безостановочно; правда, только с научным рвением, а не в религиозном экстазе, как майя. Кнорозов был выпускником МГУ, в конце концов, настоящим и самоотверженным учёным. Справедливости ради необходимо заметить, что Юрий Кнорозов все свои изыскания (в том числе и в области письменности и культуры майя) подчинил разработке системы, позволившей бы управлять социумом, то есть людьми, обществом. Именно по этой причине его так интересовали шаманские практики. И именно поэтому власти Страны Советов относились к нему с настороженностью: в СССР могли

быть только три шамана: Маркс, Энгельс и Ленин (как известно, последний удостоился от тибетских единомышленников титула Великого Махатмы). Правда, был ещё один шаман: тов. Сталин, которого Гурджиев именовал великим магом, но его власть окончилась в 1953 году выносом мумии из зиккурата на Красной площади и захоронением у Кремлёвской стены.

Партийные органы и 1-й отдел Института этнографии, конечно же, были осведомлены о специфическом направлении трудов учёного, поэтому Кнорозов до перестройки был невыездным, несмотря на регулярные приглашения, приходившие из-за границы, принять участие в международных симпозиумах по культуре майя. Несколько лет полного затворничества — сначала в забитой книгами комнатке под лестницей Института этнографии, потом в аскетичной однокомнатной ленинградской квартире: никого, только кодексы майя, сиамский кот и папиросы — днём и ночью. Кнорозов курил даже во время церемонии вручения ему Большой золотой медали Гватемалы. Юрий Кнорозов нашёл ключ к разгадке письменности майя, а значит, и их культуре.

Как уже было упомянуто, главным божеством племён и народов, населявших Мезоамерику, был Кецалькоатль, требовавший человеческие жертвы. Регулярные войны между городами-государства-

ми велись не для того, чтобы получать рабов и использовать их труд на тяжёлых работах. Цель была совершенно иной: нужны были пленники, чтобы на алтари Пернатого Змея возлагать исторгнутые из живой плоти ещё бьющиеся человеческие сердца; чтобы возливать человеческую кровь к подножию капищ — пирамид, служивших храмами Небесного Змея. В угоду этому жестокому божеству проливались реки крови: хроники царств ацтеков и майя бесстрастно фиксируют, сколько человеческих жизней было принесено в жертву Кецалькоатлю. Счёт шёл на десятки тысяч. Во время одного из сакральных празднеств, после удачной войны, на алтарях, посвящённых Змею, было заклано восемьдесят тысяч пленников: апокалипсис языческого мира.

Вы спросите: какое отношение эти факты имеют к теме нашего сегодняшнего исследования, то есть курению? Немного терпения, и ответ будет дан. Станет понятна связь между ужасными тайнами кровавых мифов, ритуалами ольмекков, тольтеков, ацтеков, майя... именно с курением. Всё, что было сказано до этого, имеет характер аналитического исследования, где определение взаимосвязей между религиозными явлениями, идеями и ритуалами постепенно проясняет картину, всё более и более приближая нас к пониманию этого загадочного феномена.

Однако без наличия главных и неоспоримых доказательств никакой приговор не может быть произнесён. Есть ли таковые доказательства в нашей истории о курении? Такие, которые бы внесли полную ясность, после чего исчезли бы всякие сомнения? Безусловно, есть. Забытые города майя дали главную улику и неопровержимые доказательства. Увы, археологи не заметили их, сделав, как и во всех прочих случаях, подробные описания артефактов, но так и не поняв смысла ни этого ритуала религиозной жизни древних обитателей Америки, ни их мрачной веры в древнего искусителя — змия и дракона, прельщающего народы (От. 12,9).

Прежде чем продолжить осмысление ритуала курения, существовавшего в религиозных практиках культур древней Мезоамерики, сделаем некоторое отступление, упомянем о курении обитателей Гавайских островов. Путешественники часто отмечали в своих дневниках важные стороны жизни дикарей, но, как правило, дальше описаний дело не шло. Характерным примером могут служить записки капитана Отто фон Коцебу, находившегося на русской службе и побывавшего на Гавайях. Итак, путевой дневник российского мореплавателя.

«Повсюду местные жители курят. Вельможи носили трубки на завязках вокруг пояса, и чем выше было их положение в политической иерархии, тем крупнее и многочисленнее были у них трубки. Жен-

щины вовсю дымили трубками. Младенцы, ещё ходить-то не выучившиеся, вполне по-взрослому пыхали трубками размерами с их голову». Коцебу, позаимствовав одну из таких трубок, заметил, что чубук изнутри выложен медью. Когда он сделал затяжку, то едва не задохнулся. После этого его уже не удивляли рассказы о курильщиках, падавших от таких трубок в обморок.

Не правда ли, выразительная картина? Какова была религия гавайцев? Об этом свидетельствует дальнейшее описание.

«По пути капитану попалась искусственная коралловая заводь, где лениво плавала громадная акула. Как пояснили гостю, в воду порой бросают людей, и лучшим жертвоприношением считаются дети. Множество островитян собираются на такие церемонии, от которых ждут больших чудес. Акула — их Великий Бог. Заводь никогда не используется для наказания воров или убийц: слишком велика честь жертвенной смерти, чтобы даровать её недостойным...»* — К сожалению, ни сам Коцебу, ни кто-либо из путешественников, побывавших вместе с ним на Гавайях, не смогли понять связь, существовавшую в жизни аборигенов между упомянутым обычаем курить и жутким культом по-

* Цит. по: *Тарсаудзе А.* Цари и президенты. История забытой дружбы. // М., 2010 — С. 92.

клонения акуле как воплощению смерти и зла, то есть дьяволу. Записки Коцебу так и остались только записками.

Вернёмся в Америку: Речь пойдёт о городах майя, храмовых комплексах, которые устроились в окружении священных площадок; их возводили для сакрального действия — «игры» в каучуковый мяч. Игра заканчивалась человеческими жертвоприношениями — проигравших закалали*, их кровь и их сердца питали Пернатого Змея. Для нас ценнейшим свидетельством, раскрывающим и метод, и суть кровавых человеческих жертвоприношений, служат каменные горельефы, обрамляющие площадки для игры в мяч, — это гигантские каменные плиты, буквально иллюстрирующие и поэтапно объясняющие порядок и смысл заклания людей. Пиктоглифы зловещего ритуала с абсолютной наглядностью и куда более выразительнее, чем буквенное письмо, рассказывают о том, что происходило здесь в древности. Мы видим последовательные изображения сцен ритуального убийства. И вот что характерно:

* Первоначально в жертву приносился «капитан» выигравшей «команды». Это и понятно: Кецалькоатлю посылали лучшего. Только со времени правления царя майя, носившего довольно странное для уха современного человека имя Восемнадцать кроликов, «правила» были изменены: закалать стали начальствовавшего среди проигравших.

жертвоприношение не могло быть совершено без очень важного, принципиально важного действия. Жрец должен был совершить нечто, сообщавшее ему силу быть способным исполнить приношение Кецалькоатлю.

Прежде чем приступить к совершению сакрального действия — закланию человека на алтаре Змея, облачившись в ритуальные «одежды», а ими служила кожа, содранная с человека, некогда закланного для Пернатого Змея, жрец курил. Изображение на каменной плите воспроизводит эту сцену — здесь и находится разгадка ребуса о курении. Дым сигары, вдыхаемый и выдыхаемый жрецом, изображён в виде маленьких кецалькоатлей. Ритуал устанавливал мистическую сущностную связь, в определённом смысле делая самого жреца сродным Кецалькоатлю, который через змеек — струи дыма — входил в плоть и кровь, в сердце и душу жреца и соделывал его могущим совершить жертвоприношение. Только тогда жрец, облачённый в кожу умерщвлённого для Кецалькоатля человека — ритуальное облачение, украшенное связками перьев, символизирующее оперение Небесного Змея, — приступал к жертве, чтобы ударом острого как бритва обсидианового ножа вспороть грудь уготованного умереть для Кецалькоатля, своей рукой вырвать трепещущее сердце и возложить его на алтарь божества.

Вот какой смысл имел ритуал курения: когда жрец вдыхал дым, малые кецалькоатли в струях дыма входили в жреца и в клубах выдыхаемого табачного дыма — кецалькоатлей, напивавшихся силой, забравших силу души жреца, они восходили к Великому Пернатому Змею — Кецалькоатлю. Мистическая связь устанавливалась в соединении человека с требующим крови божеством. В веровании адептов религии майя совершаемый ритуал означал следующее: Кецалькоатль входил в жреца и изменял его духовную природу, творя единосущным себе, князю мира сего, Змею, пресмыкающемуся в воздушной стихии.

Что происходит, когда курильщик затягивается табачным дымом? С медицинской точки зрения всё очень понятно, посему не будем останавливаться на этой многожды изъяснённой стороне вопроса. Что происходит с душой человека? — Вот главный вопрос. Чтобы ответить на него, следует сначала произвести нечто вроде кратчайшего экскурса в область одновременно и медицины, и богословия.

В уже упоминавшейся брошюре Афонского Пантелеимонового монастыря о вреде курения есть интересное рассуждение, которое в случае более полных и более глубоких изысканий неизменно привело бы её автора к разрешению вопроса о пагубности курения. Составитель пишет: «В теле человека постоянно движется кровь по особенным

трубочкам, которых чрезвычайно много, потому что во всех частях его постоянно должен быть приток свежей крови: без этого невозможна жизнь. Где же, спросите вы, кровь берёт свою свежесть, когда то и дело выходит из сердца по трубочкам, обходит все уголки нашего тела и потом опять возвращается в сердце, так что, по-видимому, и освежиться ей негде. Но, говоря так, вы забываете лёгкие. Ведь человек дышит беспрестанно то есть то втягивает в свои лёгкие воздух, то выпускает его обратно и делает он это именно для того, чтобы ни на одну минуту не оставлять свою кровь без освежения, хотя часто не подозревает этого. Кровь же, делая своё обращение, непременно заходит в лёгкие и набирается здесь воздухом, причём ей всегда нужен воздух чистый, свежий. Потом она разносится всюду, поддерживая жизнь. Не давайте ей освежаться, например перестаньте дышать или дышите совершенно испорченным воздухом, — смерть не заставит себя долго ждать. Вот почему воздух — самая необходимая стихия для нас. Но мало сказать: воздух; надо прибавить: воздух, — чистый, неиспорченный, такой, например, как бывает в лесу или в чистом поле. Только питаясь таким воздухом, кровь может быть вполне здорова, а, следовательно, и здоров её хозяин».

В связи с этим довольно интересно следующее замечание благочестивого составителя брошюры

о вреде курения: «Весьма важно обратить внимание на следующее: по новейшим и прежним исследованиям учёных оказывается, что, главным образом, табаком поражается сердце, почему никотин и причислен к числу сердечных ядов, как белладонна, бромистый калий и другие».

Автор брошюры, изданной Русским Пантелеимоновым Афонским монастырём, полагал, что полно и верно ответил на поставленный самой жизнью вопрос о курении. В завершение своих рассуждений о том, «какой вред приносит человеку табак», он писал: «Считаем себя обязанными ответить на тот вопрос, который должен явиться у всякого, мало-мальски внимательно прочитавшего предыдущие строки и надлежащим образом оценившего всё сказанное в них. Вопрос этот следующий: каким образом миллионы людей, в том числе и мы, Православная Русь, могли впасть в такое страшное заблуждение; весьма вредное сделать любимым своим развлечением? Почему употребление табака так долго держится и с течением времени всё более и более усиливается?»

К сожалению, удовлетворительным, действительно удовлетворительным его ответ признать нельзя. Однако ответ есть.

Что есть жизнь? На этот вопрос не ответит ни один сколь угодно авторитетный врач. Ни один доктор медицинских наук не в силах дать точный,

чёткий, краткий, исчерпывающий ответ. Да, многие пытаются это сделать, понуждаемые к тому своими научными регалиями и степенями. Многие будут пытаться отвечать авторитетно и с достоинством мужей всемогущей Науки, которая, естественно, якобы всё знает и даже якобы всё может. Некоторые, свято веря в своё научное всеведение и научную непогрешимость, вольно или невольно подменяя самый предмет, будут говорить о признаках жизни, как то: пульсе, реакциях на раздражение, о движении крови, дыхании... Стоп! Дыхание. Что делает врач скорой помощи, прибыв к пациенту, не подающему признаков жизни? Правильно: первым делом он постарается определить, есть ли пульс. Если нет пульса, подымет веки, чтобы увидеть зрачки: не сужаются — реакция на свет отсутствует. Тогда он подносит к ноздрям умирающего зеркальце — и если оно запотевает, значит, человек жив, его можно спасти.

Итак, дыхание есть главный признак жизни. Именно признак, но не самоё жизнь. Мы ещё вернёмся к теме сущности жизни, но чуть позже, когда станут более ясны обстоятельства и цель возникновения феномена курения. Пока отметим, что курение есть нечто, связанное с дыханием.

В православной монашеской традиции есть понятие умной молитвы: низводя ум в сердце, подвижник стремится соединить молитву Иисусову

с дыханием. Что происходит, когда мы молимся? Наш дух устремлен к Богу, Источнику жизни и Истинной Жизни. Так поддерживается жизнь души человека. Монашество — путь к совершенству; и метод умной молитвы был выработан именно монашеством как подвиг христианской жизни и обретения некогда утерянной гармонии, цельности и единства души и тела. В этом подвиге освящается и биологическая жизнь, само тело приемлет освящение, становится храминой, домом Божиим — каковым человек и был создан Творцом. «Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом», — эта классическая богословская формула выражает сущность Христианства. Ещё раз повторим: источник жизни есть Бог — «Аз есмь Путь, Истина и Жизнь» (Ин. 14:6).

Великий подвижник христианской древности преподобный Никифор Уединенник (XIV в.) оставил назидательнейшее руководство и изъяснение к стяжанию умной молитвы. В своём «Слове о трезвении и хранении сердца» он пишет: «Ведомо тебе, что дыхание наше, коим дышим, есть втягивание и выпускание из себя воздуха. Орган, служащий сему, суть лёгкие, которые облагают сердце и, проводя через себя воздух, обдают им сердце. Таким образом дыхание есть естественный путь к сердцу. Итак, собрав ум свой к себе, введи его в путь дыхания, коим воздух доходит до сердца, и вместе с сим вдыханием воздухом понудь его сойти в серд-

це и там остаться... Ум, когда соединится с сердцем, исполняется неизречённой радости и веселия...»*.

Святитель Григорий Палама, архиепископ Солунский, так учит взыскующих совершенства: «Душа наша одарена многими силами и пользуется как орудием телом, ею оживляемым. Каким же органом, как орудием, пользуется в своей деятельности та сила её, которую мы называем умом? Никто никогда не думал, что ум обитал в ногтях или ресницах, в ноздрях или ланитах. Но все согласны, что он внутри нас есть — расходятся только в том, каким внутренним органом, как орудием, пользуется он. Ибо одни водворяют его в мозгу, как в некоем акрополе (кремле); другие дают ему седалище в сердцевине сердца»**.

Не лишним будет привести здесь и свидетельства святых иноков Каллиста и Игнатия, которые они приводят в своём «Наставлении для безмолвствующих»: «Известно тебе, брате, как мы дышим: втягиваем в себя воздух и выпускаем его. На сем жизнь телесная держится и от сего зависит теплота тела. Итак, седши в безмолвной келье своей, собери ум свой, введи его в путь дыхания, коим воздух

* *Никифор Уединенник*. Слово о трезвении и хранении сердца. // *Добролюбие* в 5 т. — Т. 5. — М., 1900 — С. 128.

** *Григорий Палама*. О священнобезмолвствующих. // *Добролюбие* в 5 т. — Т. 5. — С. 292.

входит внутрь, и принудь его вместе с вдыхаемым воздухом сойти в сердце, и держи его там; держи, но не оставляй его молчащим и праздным, а дай ему следующую молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*. И пусть он имеет её непрестанным своим делом и никогда не оставляет его. Ибо оно, содержа его немечтательным, делает недосызаемым для прилогов вражеских и возводит в божественное желание и любовь...

Другой же некто из богомудрых, как бы в объяснение сказанного, как навывкший опытом сему священному деланию, вот какое делает замечание: "Желающему научиться сему деланию надлежит ведать, что, когда приучим мы ум свой вместе с входом воздуха входить внутрь, тогда опытно познаем, что ум, приступая к схождению внутрь, лишь только начнёт сие, как отвергает всякий помысел, и делается единичным и голым, и никакою другою памятью, как призыванием Господа нашего Иисуса Христа; напротив же, оттуда исходя и на внешнее обращаясь, тотчас развлекается многообразными памятьми"»*.

И великий Златоуст говорит: «Умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте правила молитвы сей — да имя Господа Иисуса, сходя вглубь

* *Каллист и Игнатий*. Наставление для безмолствующих. // Добротолюбие в 5 т. — Т. 5. — С. 335—336.

сердца, смирит держащего тамошние пажити змея, душу же спасет и оживотворит»*.

Говорит так же и Лествичник: «Память Иисуса да срастворится с дыханием твоим; и тогда познаешь ты пользу безмолвия». То же и св. Исихий: «Если истинно желаешь покрыть стыдом помыслы, благодушно безмолвствовать и без труда трезвенствовать сердцем, да прильнёт к дыханию твоему молитва Иисусова — и в немного дней увидишь это на деле»**.

Духовный опыт аскетов открывает перед нами те истины устройства человеческой природы, которые в современном материалистическом мире давно забыты, но именно этот опыт имеет непреходящую цену. В начале XX века московский журналист Валентин Свенцицкий в поисках веры отправился к отшельникам Кавказа. В уединённой келлии одного из пустынников он услышал нечто, свидетельствующее об опыте молитвенного подвига.

«...Вижу я, будто бы передо мной область тьмы. И сам я стою в этой тьме, а область света за большою высокою стеною, и я знаю, что там область света. Часто виделось мне это, и каждый раз хочу и не

* *Каллист и Игнатий*. Наставление для безмолствующих. // *Добротолوبие* в 5 т. — Т. 5. — С. 337.

** Там же.

могу перейти через стену. Потом открыл Господь: бес мешает! После того, как победил я его и перестал он на левое ухо шептать, я всё-таки не поверил, что вовсе он оставил меня. Не может, думаю, быть. И правда, стал замечать: начнешь молиться, а он вон где шепчет и отсюда на ум действует! Отец Никифор показал рукой, откуда шепчет бес: область ниже сердца.

— Стал внутрь умом обращаться, чтобы посмотреть, что есть в сердце, — не пускает! Как напрыгусь — боль в этом месте нестерпимая (опять показал на прежнее место), опять ум назад возвращаю. Своих сил бороться не хватает. Молюсь: Господи, пощади создание Своё!.. И вот открылось таинство.

Что бы вы думали? Точно покрывало с сердца спало, и обратились у меня глаза внутрь, и увидел я сердце таким, какое оно есть: маленькое-маленькое, а посреди него вижу меня, тоже маленького. Пока страсти спокойны, стоишь на молитве, и змей спокойно лежит, будто бы неживой, не шелохнется; как страсти просыпаются, так и он шевелится.

Господи, помози! Стал молиться.

Долгое время так всё шло. Только однажды смотрю — нет в сердце змея! Неужто, думаю, совсем ушёл? Да нет! Чувствую, что во мне, а в сердце не вижу. Молюсь Господу. И было мне откровение этого таинства: ...вижу его ниже сердца! Только не

маленький он, как раньше, а громадный... Из сердца вышел и ниже стал жить. Смотрю, ужасаюсь! И вот вижу, просовывает он голову, открывает пасть и берёт из моего сердца нечто. И тут же разом почувствовал я, что стал пустой. Что же бы вы думали? Силу души это он взял!.. Господи, пощади создание Своё!.. Долгое время опять прошло. И вот опять вижу — нет его. И всё-таки по-прежнему чувствую в себе. Увидел новое таинство: спустился он ещё ниже и стал ещё больше! Душа человеческая беспредельна, а силы змея спускаться ниже имеют предел, потому его можно из себя изгнать. Помог Господь! И когда снова не видно его стало, ушёл из души совсем!

Увидал я тогда новое таинство: будто бы в сердце растёт дерево... Вижу ясно, очима, не то что в рассуждении, а образно, вот так, как будто бы тут, перед нами дерево растёт. Только дерево это в сердце. И много у этого дерева ветвей. Вижу, сходит в сердце огонь Божества и пополяет ветви, и чем больше сжигает их, тем мне свободнее и легче. Догорели ветви до корня, и огонь прекратился, а корни остались. И думаю: почему Господь не поपालил корни?.. Господи, пощади создание Своё!.. Попали и корни!.. И слышу: за них ещё надо поработать. И всё это в разуме, и всё живое! И понял я, что если корней не будет, успокоишься и погибнешь. Понял я это, милый братец, и такую благо-

дать ощутил в сердце что и передать не могу. В это время такое испытываешь блаженство, что кости точно тают. И человек отдельно ощущает душу и тело. Тело аки одежда делается... И на душе тоже одежда есть, но тонкая, сказать, как бы папиросная бумага... Всё сие по милости Божией открывается, по благодати...»

Поле битвы — сердце человеческое. Когда Достоевский произнёс эту фразу, он лишь повторил известную истину религиозной жизни Христианства.

Писатель обрёл это знание дорогой ценой исканий, заблуждений, трагических ошибок, но не потерял надежды и веры. И Бог даровал ему стезю покаяния как путь познания безмерности Христовой любви. В конце концов, это и есть тот самый ключ тайны жизни во Христе, которую мы обретаем, отвергнув порок — и ввергая себя в руке Божии.

Каждому из нас говорит Господь: «"И дам тебе ключи Царствия Небесного", ключи Неба... — Из всего этого познай власть Христа»*.

*Толкование Иоанна Златоуста на Мф. 16,19.

Паноптикум или Катарсис

А *S YOU LIKE IT*» — такое название дал одной из своих пьес Шекспир. На русский это «обычно переводят: «Как вам это понравится?» Но краткую фразу, которой начата эта глава, можно перевести несколько иначе, а именно: «Как вам угодно». Полагаю, что такой — и филологически вполне правомочный — перевод гораздо более отвечает замыслу гениального английского поэта и драматурга, гораздо более соответствует и сути его произведения, и тому, что он хотел сказать, — и говорит каждый раз тому, кто читает шекспировские строки.

«*As you like it*» — это значимая часть содержания настоящей главы, название которой вполне может быть прочитано интонационно и по смыслу различно. Вполне оправданным будет: «Паноптикум или Катарсис?», равно как «Паноптикум, или Катарсис», и «Паноптикум, или Катарсис?» — И во всех случаях самым точным, а значит, и лучшим от-

ветом-объяснением тому, что вместят последующие страницы главы (да и всей книги), будет: «*As you like it*», то есть: «Как вам будет угодно»...

Итак, ближе к делу, то есть «курению как явлению мировой истории» и очень важной цивилизационной составляющей Нового времени. Как уже было сказано, речь в книжице, которую читатель держит в своих руках, не только о курении как таковом. Конечно, разобраться в сути предмета является важнейшей и первостепенной задачей. Однако её решение ведёт к пониманию гораздо более важных реалий нашей жизни. Эта глава — своего рода мостик к ещё одной теме, которую так деятельно разрабатывали в своём творчестве Шекспир — «наше всё» для обитателей Туманного Альбиона, и Пушкин, которого Аполлон Григорьев торжественно не столько наименовал, сколько провозгласил «нашим всем». Читатель, наверное, уже догадался: курение поможет нам разобраться в кажущейся такой сложной теме «гениальности и злодейства». Не трудно понять, что «злодейством» здесь предстанет не что иное, как курение. О том, что есть «гениальность» в означенной дихотомии, станет ясно чуть позже.

Современному человеку, воспитанному на теории Дарвина и концепции Прогресса, предстоит труд, чтобы освободиться от слепо и доверчиво усвоенных представлений, кажущихся незыблемыми постулатами и представляющих собой нечто

вроде сетки координат, которыми задаётся такое идеологическое жизненное пространство, в котором Творцу отведено минимально возможное место. Оно, это ментальное пространство современного человека, устроено так, что присутствие в нём Господа Бога — номинально и фактически сводится к нулю. Конечно же, такая концепция по сути своей является не только необъективной и не только ошибочной. Дело гораздо серьёзней — она является ложью, системной, спланированной и функциональной. То есть она создана с определённой целью. И тот факт, что данная модель принята на сегодняшний день огромным большинством, нисколько не делает её истиной. Иными словами, применительно к нашей теме: если число курильщиков велико и даже очень велико, это отнюдь не может быть свидетельством того, что курение как таковое не является «злодейством», то есть грехом, или якобы «просто вредной привычкой».

Число выдающихся персонажей курительного паноптикума весьма велико. Для иллюстрации того, как курение овладевает человеком, вероятно, будет полезно упомянуть о наиболее заметных фигурах — единственно для того, чтобы разобраться в антиномии «гениальность» и «злодейство» применительно к проблеме курения.

Сделаем некоторое отступление, дабы рассказать, на наш взгляд, довольно поучительную исто-

рию, связанную с открытием Юлла Брауна и — как читатель уже догадался — курением. В книге Колина Уилсона «Боги Атлантиды» (М., 2009), в главе «Древние технологии» автор рассказывает интересную историю изобретения Юлла Брауна — австралийского учёного болгарского происхождения, настоящее имя которого Илия Велбов. Довольно часто можно слышать от людей творческих, что они не могут, не способны творить без сигареты. И дело здесь совсем не только и не столько в зависимости, которую выработала привычка. Илия Велбов, ставший в Америке Юллом Брауном, — именно такой случай. Многие считают его изобретение гениальным, а газ Брауна («топливо из воды») — частью технологий, которой пользовались некоторые древние цивилизации. Предоставим слово рассказчику.

«Браун в конце концов получил предложение, которого ждал так долго, от огромной американской корпорации. Компания предоставила ему те же условия, что и китайцы, то есть снабдила лабораторией и ресурсами для производства газа. В день, когда Браун стал главой исследовательского отдела, компания устроила ему торжественную встречу, после чего все работники отправились в лабораторию. Когда они шли к лаборатории, каждый заметил клубящийся дым от сигары великого изобретателя. Никто не решался сказать Брауну, что у компании есть строгие правила, запрещающие курить

в лабораториях и тому подобных местах, и что это требуют и страховые фирмы, и противопожарная инспекция. Когда Браун загасил сигару и раздавил её подошвой ботинка, все облегчённо вздохнули.

Они вошли в лабораторию. Все ждали, что скажет Браун. Лаборатория являла собой, образно говоря, рай для изобретателя. Но как только Браун оказался внутри, он достал ещё одну сигарету и принялся её раскуривать. Наконец, кто-то смущённо сказал ему, что курить здесь запрещено.

Браун одарил людей недоверчивым взглядом. Босс не разрешает ему курить в собственной лаборатории? Ему нескладно объяснили, что дело тут не в фирме, что таковы законы в этом государстве. Однако, сказал Браун, он не может не курить. Он не может без сигар! Отчаявшись, коллеги предложили ему выходить в курилку. Браун ответил, что у него перекуров не бывает, поскольку он курит непрерывно всегда, когда не спит. Когда он не курит, его мысли путаются, поэтому без сигар или сигарет он абсолютно бесполезен.

Положение было безвыходным. Никто и предположить не мог, что в одном шаге от цели, к которой Браун шёл долгие годы, он откажется от компромисса. Они не знали Юлла Брауна. Он развернулся и ушёл...»*

* *Коллин Уилсон. Боги Атлантиды. // М., 2009. — С. 71—72.*

Его жизнь окончилась трагично: учёный был убит. Но это уже касается исключительно изобретения гениального инженера и его взаимоотношений с нефтегазовыми корпорациями.

Это краткое отступление — иллюстрация того, как курение становится гораздо большим, чем сильной и непреодолимой привычкой, когда человек курит «беспрерывно — когда не спит», как Юрий Кнорозов или Юлл Браун. В случае упомянутых учёных курение каким-то непостижимым, но очевидным образом связано с направленностью их изысканий. И ритуал курения в культуре майя, и лабораторные исследования изобретателя генератора газа Брауна, по свидетельству очевидцев, более напоминавшие манипуляции алхимика, нежели работу инженера, имеют некую общность с той банальной обыденностью, которую современный человек называет «просто курением» сигары, сигареты или трубки.

Приведём ещё один пример — поэтическое признание в том, чем является «просто курение». Это строки, которые сложил Иосиф Бродский; он начал курить в юности и довольно скоро стал заядлым курильщиком. Для того, чтобы жить и писать стихи, ему требовалось от трёх до пяти пачек сигарет в день. В каком-то смысле символично, что поэта, хронического курильщика Иосифа Бродского в западные литературные круги ввёл хронический

алкоголик английский поэт Уистен Оден, который утверждал, что без ежедневных полутора-двух бутылок виски он просто не может, не способен сочинять стихи. Ему очень сочувствовал ленинградский поэт: тот, в свою очередь, нередко говорил, что без сигарет ему не сложить и трёх строчек за целый день. Родственные души понимали друг друга: именно поэтому тридцатидвухлетний поэт, отправляясь в изгнание (или совершая свой исход из СССР), вёз в чемодане две бутылки водки — как сокровенный дар для соратника по ремеслу. Наверное, самый драгоценный подарок одного поэта другому, пусть в мизерной мере, но всё же ускорил алкогольный марафон Уистена Одена: ровно через год он умер (понятно от чего).

В этом отношении весьма характерно признание ещё одного известного литератора того времени — Сергея Довлатова; впрочем, он принадлежал к тому же кругу творческой интеллигенции, что и Иосиф Бродский. Довлатов так изъяснял свой метод работы: «Я закуриваю, когда только выпью. А выпиваю я беспрерывно. Поэтому многие думают, что я курю».

Бродский совершенно не мог обходиться без сигареты, он курил даже во время телеинтервью. В конце концов, сигареты и свели его в могилу.

Вот, что однажды написал поэт в расцвете своих творческих сил о необоримой для него страсти:

*...курить — подталкивает бес.
Не знаю, кто там Гончарова, но сигарета —
мой Дантес.*

Пленение пороком (в данном случае курением) приводит к унынию; и в своём стихотворении «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...» Бродский пишет:

Зачем тебе Солнце, если ты куришь «шипку»?*

Бродский, перебравшись в Америку, преподавал в Мичиганском университете. В отличие от Юлла Брауна, он курил даже во время своих лекций — ему как нобелевскому лауреату разрешали то, что прочим было строго запрещено. На своих занятиях он позволял курить и студентам. Бродский считал сигарету настоящим источником вдохновения и нередко повторял собравшимся в лекционном зале университета фразу, которую в своё время от него услышал литовский поэт Томас Венцлова: «Обезьяна взяла палку — и стала человеком, человек взял сигарету — и стал поэтом».

В данном случае совершенно неважна ошибочность высказывания Бродского как в отношении

* «Шипка» — самый распространённый дешёвый сорт сигарет в СССР 60—70-х гг.

происхождения человека, так и версии появления в мире первого поэта. Самое главное: абсолютная, объективная достоверность его признания: «курить — подталкивает бес». И это касается не только упомянутого поэта (в данном случае не обсуждается достоинство и поэтическая ценность его стихов) и не только древних курильщиков цивилизации майя.

Знаменитый Марк Твен довольно характерно — не только в отношении себя — обрисовал позицию курильщика. Этому американскому писателю принадлежат следующие выражения:

«Если я не могу курить сигары в раю, тогда мне не надо рая».

«Чрезмерное увлечение сигарами — это когда вы курите две сигареты одновременно».

«Я приучил себя никогда не курить сигары во сне и никогда не прерывать курение в бодрствующем состоянии».

Уже упоминавшийся гений психоанализа Зигмунд Фрейд пытался уверить людей, что для каждого человека причина курения кроется в неискоренимом сосательном рефлексе и сигарета якобы компенсирует отсутствие материнской груди.

Фаина Раневская начала курить в молодости, как только увлеклась театром. Курила она много — и сигареты, и папиросы. Однажды, став уже известной артисткой, на вопрос журналистки о том,

сколько сигарет/папирос она выкуривает за день, Фаина Георгиевна (она же Фанни Гиршевна Фельдман) ответила: «Деточка, не знаю, сколько штук, но когда я чищу зубы, я сигарету с одной стороны перекладываю на другую сторону». Справедливости ради должно сказать, что Раневская всё-таки бросила курить, когда умерла её подруга Павла Вульф, соблазнившая Фанни стать актрисой. Следует признать: память смерти всё же единственное сильное средство, которое может лишить курильщика удовольствия и побудить сделать правильный выбор. Когда врачи вынесли приговор: курение или смерть, бросили курить и Раневская, и Сталин.

Но иногда курение совершенно пленяет человека. Так, Ван Гог, будучи в глубочайшей депрессии, усугубив своё состояние абсентом, бритвой отрезал себе ухо — и закурил. Он просто не мог жить без табачной трубки...

Баронесса Дюдеван, известная как Жорж Санд, эпатировавшая тогда ещё относительно добропорядочную Европу своей свободной любовью — как в отношении мужчин, так и в отношении женщин, любила покурить трубочку.

Особый персонаж — английский король Эдуард VII, сын королевы Виктории и, как называли его британцы, «непутёвый сын великих родителей». 17-летнего юношу отправили в Оксфорд, где юный принц быстро научился курить сигары, проматы-

вать деньги на скачках и за карточным столом и, конечно же, неудержимому разврату. Любимым времяпрепровождением английского принца стало купание с женщинами лёгкого поведения в ванне с шампанским в парижском борделе *Le Chabanais*. Понятно, что в подобных шалостях наследника британской короны неизменно фигурировали возлияния и сигары: Эдуард VII был страстным курильщиком. В историю Британии Эдуард VII вошёл не как «наперсник разврата» — в конце концов, это было лишь его посильным вкладом в традицию английского королевского двора, которой неуклонно и последовательно придерживаются в том числе и нынешние представители династии Виндзоров. Став королём Британской Империи, Эдуард VII первым делом провозгласил в Парламенте: «Джентльмены, вы можете курить!» Так англичанам было высочайше разрешено курить где угодно и когда угодно.

Творческие личности особо неудержимы в своих страстях — «просто вредных привычках». Современный известный шведский дирижёр Герберт Блумстедт вспоминает о Леонарде Бернстайне: «Он был уникален. Я не встречал второго столь же образованного музыканта. У него была глубокая, всеобъемлющая, всесторонняя образованность. А его музыкальная одарённость была просто невероятна... Мне не забыть нашу последнюю встречу за пару лет

до его смерти. Я приехал в Сан-Франциско, он был там с венским филармоническим оркестром. Вечером я пошёл слушать его. Он играл Седьмую симфонию Бетховена. Я стоял за кулисами и видел, как в паузах он выбегал за кулисы, и ассистент встречал его с зажжённой сигаретой. Бернштейн делал пару затяжек — и возвращался на поклон публике. Снова врывался за кулисы, ему протягивали стакан виски, он опрокидывал его залпом и нёсся обратно. И так каждый раз!.. Он был рабом своей зависимости; чудо, что он вообще был жив... В 22 года у него выявили предрасположенность к раку лёгких; болезнь уже начиналась, но отступила... Его это не испугало. Он курил по сто сигарет в день. Он мог управлять чем угодно, только не своими пристрастиями. Разумеется, мы встретились, и встреча была, как всегда, очень трогательной. Потом после концерта мы сидели у меня. Он безостановочно курил...»

В паноптикуме курильщиков великое множество прелюбопытных «экспонатов», и это собрание уникальных персонажей всё время умножается. Историкам советского кино очень хорошо известно, что именно табакокурение объединяло миниатюрную и бесконечно трогательную, любимую всеми поколениями советских детей легендарную Золушку образца 1947 года — Янину Жеймо, беспредельно циничную мужланистую Фаину Раневскую и «бабушку всех советских детей» Татьяну Пельт-

цер. Последняя из упомянутых героинь советского экрана — Пельтцер не только была неисправимой курильщицей, но и настоящей пиковой дамой артистического сообщества СССР. Пельтцер, завзятая картёжница, держала у себя на квартире — чисто из любви к искусству (картёжному) — пристанище поклонников преферанса и покера из среды артистов, собиравшихся по ночам у «бабушки».

Справедливости ради стоит заметить, что, вообще-то, коллеги по ремеслу именовали её несколько иначе, а именно: «Баба-яга». И, надо сказать, ей это очень шло. Дело даже не в том, что Пельтцер сыграла известный персонаж русских сказок в фильме «Там, на неведомых дорожках...». Просто этой бабушке, почти непрестанно дымившей крепкими папиросами, любившей принять горячительного, знавшей бесчисленное множество смачных анекдотов и совсем не лезшей в карман за матерным словом, просиживавшей ночи напролёт за карточным столом, имя обитательницы избышки на курьих ножках действительно очень подходило. Стоит только представить такую картину: ночь, московская квартира, в покер режутся очень известные в СССР люди, в свободное от карточной игры время показывающие с киноэкранов и театральных сцен населению огромной страны, строившей светлое будущее, как это самое светлое будущее надо строить... Картёжная баталия в раз-

гаре. Дым в буквальном (да и во всех прочих смыслах) коромыслом.

За карточным столом верховодит... Как-то язык не поворачивается сказать «известная советская артистка кино Т. Пельтцер». И «бабушка» тоже не подходит — по жанру, что ли. А вот сказать «верховодит Баба-яга» — как ни крути, будет в самый раз и по форме, и по содержанию. Наша «всесоюзная бабушка» солирует, сопровождая картёжные ходы крепким матерным словом — и непрерывно курит... Говоря на языке киносценария, после такой эффектной мизансцены возможны только два варианта: либо кульминация сюжета (убийство за карточным столом), либо ремарка сценариста (решение режиссера): «Занавес!»

Мы упомянули Янину Жеймо и Раневскую, которых судьба свела в фильме «Золушка». Обе завязтые курильщицы. Сохранилась фотография: хрупкая, юная, беззащитная, девственно-нежная (главное правильно поставить свет) Золушка (Я. Жеймо) в знакомых всем нам с детских времён декорациях фильма-сказки профессионально тянет (курит) беломорину. Янина Жеймо приобрела эту пагубную привычку в блокадном Ленинграде. Что касается творческого перекура на съёмках «Золушки», остаётся лишь пожалеть, что фотограф не запечатлел общего перекура злой мачехи (Раневская) и Золушки (Жеймо). Получилась бы

отличная иллюстрация главного догмата всей гегелевской философии: тезис (Жеймо) + антитезис (Раневская) = синтез (папироса).

Относительно пристрастия Жеймо к табакокурению известна такая история — скорее всего, это театральная байка. На съёмках «Золушки» ассистент видит героиню, дымящую папиросой, и с неподдельным изумлением вопрошает артиста, стоящего рядом:

- Она что, курит?
- Курит. Когда выпьет.
- Так она ещё и пьёт?!
- Пьёт, когда проиграется в карты.

Конечно, это анекдот, но полностью подходящий к уже упомянутой Т. Пельтцер. В этом случае байка перестаёт быть анекдотом и даже имеет продолжение, потому что карты на театрально-жизненном пути «всесоюзной бабушки» всё-таки были не самой эффектной этологической чертой. Известен — и даже очень хорошо — в артистической среде эпизод жизни «бабушки всех советских детей». Ольга Аросева («Кабачок 13 стульев»), Галина Волчек (Театр «Современник») и Татьяна Пельтцер, которой уже стукнуло 70 лет, отдыхали в тогда ещё социалистических Карловых Варах. К Пельтцер приехал её бывший немецкий муж Ганс Тейблер, с которым Пельтцер познакомилась в Москве во время его учёбы в Школе Коминтерна, вышла за

него замуж и уехала с ним в Германию: помогать делать Всемирную Революцию. Там Пельтцер вступила в Компартию и стала машинисткой в советском торгпредстве. Потом пришёл Гитлер и бросил Ганса Тейблера в концлагерь, а Пельтцер, в свою очередь, бросила Ганса и вернулась в СССР.

Через десятилетия, встретившись на чешском курорте, Пельтцер и Тейблер неразлучно проводили время, ходили по дорожкам парков, держась за руку... В один из дней вся компания: Волчек, Аросева, Пельтцер и Тейблер — сидели в летнем кафе. Ладонь Пельтцер, как всегда, была в ладони Тейблера... Глядя на эту волшебную картину «вечной любви», Волчек с чувством произнесла: «Какая же гадина этот Гитлер! Такую любовь разрушил!..» На что член Коминтерна, узник немецкого концлагеря, жертва нацизма и бывший муж Т. Пельтцер меланхолично заметил: «Да, конечно, Гитлер был очень нехороший человек; на нём много грехов, но в нашей разлуке он не виноват. Я у Танечки нечаянно обнаружил в кармане фартука любовное письмо от моего лучшего друга...»

Пауза. Аросева, в неподдельном чувстве удивления и неожиданного открытия: «Танька, я думала, ты жертва фашизма. А ты, выходит, обыкновенная б-дь?!»

Как говорится, из песни слов не выкинешь... как бы этого ни хотелось.

Флагманом социалистического табакокурения, по крайней мере в советском театральном-киношном сообществе, была Фаина Раневская. Однажды Раневская в своей гримёрке во время переодевания, будучи совершенно голой, курила — а курила она всегда — и смотрела на себя, великую актрису, в зеркало. Видимо, совмещение этих занятий доставляло артистке особое удовольствие. Вдруг дверь гримёрки распахнулась: к Раневской без стука вошёл директор-распорядитель театра Валентин Маркович Школьников. Немая сцена... Раневская, не оборачиваясь, через длинную паузу перевела взгляд с одного предмета (лицевой стороны себя) на другой (ошарашенного директора) и произнесла, доверительно, как соратнику по цеху: «Валентин Маркович, Вас смущает, что я курю?..» Законченность сцены заключалась и в том, что в эти тянувшиеся бесконечно секунды Школьников обозревал Раневскую, так сказать, всю: непосредственно полный вид сзади и полный вид спереди — в ростовое зеркало...

Эта сцена заставляет вспомнить другую — уже всемирно известную актрису: Катрин Денёв, зная толк в элитных сигаретах, была и остаётся неисправимой курильщицей. В отличие от Раневской, её сценическое амплуа в основном похоже на содержание только что упомянутой нечаянной встречи советской артистки и театрального директора в гримёрке. Иными словами, Денёв на экране професси-

онально занималась соединением несоединимого: красоты и порока, и курение в этих экзерсисах соблазна занимало своё неотъемлемое место. Катрин Денёв принадлежит сентенция: «Курение — это прекрасно!»

Продолжать можно бесконечно. Полагаю, более полезным будет познакомиться с записками некой курильщицы, датированными 19 декабря 2011 года. Наверное, это можно назвать исповедью...

«Господи Боже, с чего же начать... Третий день набираю эти магические слова: "бросить курить навсегда", — как заклинание.

Меня зовут Анна, 28 лет. Курю 11 лет. Курила без перерыва на обед (читай: беременность, кормление, бронхиты, эрозия желудка...). Если у меня поднимаются руки и ходят ноги — значит, я курю. От родных не пряталась с самого начала. Я так теперь полагаю, это было своеобразной бравадой. Позже не пряталась по другой причине — не хотела, чтобы моя дочь думала обо мне лучше, чем я есть. Поэтому, когда на выходе с балкона однажды меня встретил в лоб вопрос четырёхлетнего ребёнка: "Мама, ты что, куришь?" Я с наслаждением мазохиста ответила "да" и разразилась самоуничижительной лекцией о том, как, в сущности, это ужасно. Бравурной кодой стало торжественное заявление, что однажды, когда ей хватит сил, мама раз и навсегда с этим гадким пристрастием покончит. Я не обманывала

и не обманывалась, поскольку отчётливо чувствовала стыд, не говоря о муках совести во время беременности и кормления, хотя там был пятимесячный перерыв, случившийся каким-то чудом. Но курить продолжала. Нижняя граница ежедневной нормы — около пачки, верхняя — это зависит, как говорится, от настроения.

Муж, как и родители, крайне переживали на сей счёт, но я и себя утешала, и парировала им: такой уж характер, любить — так любить, курить — так курить. И "презирала", а в глубине души завидовала тем, кто "может копать, а может и не копать", то есть курит от случая к случаю. Чтобы сделать приятно мужу, даже честно пыталась бросить по его методу, уменьшая количество выкуриваемого изо дня в день. Моё "честно" длилось до тех пор, пока количество "легальных" сигарет не переставало совпадать с моими потребностями. Прочувствовав все прелести накатов, я сообщила мужу, что гениальный план провалился, а я такая безвольная личность, но ты же женился на мне зная, что я курю. Вместе с курением продолжились многочисленные ссоры-скандалы с ультиматумами и требованиями. Но тогда я впервые поняла, что бросить ради кого-то, кроме себя, практически невозможно. Во всяком случае, я не могла. А на тот момент и не хотела. Мне важно было, чтобы любимые принимали меня такой, какая есть, даже с этим гадким довеском.

И принимали... И травила я их пассивно, хоть непосредственно при ребёнке сроду не курила. Потом на последних курсах института пыталась бросить. Отдавала едва распечатанную пачку первому встречному-поперечному. И что? Потом бегала в поисках: у кого бы стрельнуть».

На минуту отвлечёмся. Прочитав исповедь Анны, откликнулся, ответил другой человек, правда, по понятным психологическим мотивам, женщина скрыла своё настоящее имя. И так, ответ — не менее искренний, чем сама исповедь.

«Как же мне стыдно. Правда, очень стыдно — до красных щёк и ушей... И вот решение не курить приходит именно тогда, когда становится стыдно, и ты говоришь себе:

"Слушай, мать, да ты наркоманка... Ты же не можешь без сигареты нормально общаться... Отними от тебя сигарету в момент разговора — дискомфорт и лазанье по карманам... Бегающие глазёнки, сбивчивость речи и неудовлетворённость жизнью...

А ещё, мать, ты лгунья... прячешься от родителей, а когда приходишь домой, тебе неловко, ты проскальзываешь по стенке и думаешь, что они не понимают, не догадываются... а ты воняешь... И твоя мама слышит этот проклятый запах, почти плачет... и молчит. А ты лжёшь — делаешь вид, что ты невинная овечка. А ещё ты отстраняешься от своего единственного ребёнка, ког-

да он хочет поцеловать маму, а ты... только что покурила — и воняешь..."».

В своём ответе Анне, она говорит: «Если что — спрашивай. Не геройствуй, пиши. Только не кури! — И мозги подрихтуй — ты всё правильно пишешь. Ты так надолго бросала. Дело в голове!»

Вернёмся к дневнику Анны. «Четыре года назад, подойдя к очередной черте, всё же случилось — бросила. Благодаря Аллену Карру и коллеге (впоследствии близкой подруге), обладающей талантом уговорить кого угодно на что угодно. Так сложилось, что обеим край настал в отношениях с сигаретой. Вместе на работе с искажёнными от напряжения лицами слушали аудиокнигу и шли на очередной перекур (пока слушаешь, курить-то можно!). Бросать было тяжело, не дошла "гипнотерапия" до глубины, видимо. Однако кисло-сладко-солёная, совершенно непредсказуемая и несочетаемая мелочь, скупаемая в магазине по соседству с работой, какие-то отнюдь не дешёвые травяные сигареты (дрянь несусветная) и коллективное сознательное (бросали на пару с подругой) сделали своё дело: я стала некурящей! И последнюю свою сигарету, как сейчас помню, даже докурить не смогла — до того противно было. Пришла домой и, как бы между прочим, сообщила мужу: я больше не курю. Он, конечно, сразу не поверил своему счастью. Хочу оговориться, я старалась изо всех сил, что само по себе

неправильно, по мнению Карра, но мне было уже не до разборов, правильно-неправильно, надо было держаться! Потом и ломало, и накатывало жестоко, и поубивать всех человекoв хотелось... Длился этот ужас 21 день, а там... уже просто накатывало.

Но я бросила! И я была безмерно счастливая. И хотелось сеять разумное-доброе-вечное, даже папе своему диск записала. Он у меня курил, похоже, с рождения. Папа, разумеется, отмахнулся, но мама как-то раз застала его за прослушиванием, которое он в тот же миг и прекратил. Вот ещё, поверит он ерунде! Но поверил — не поверил, а не курит до сих пор. Подруга, к слову, тоже.

А я, забегаая вперёд, признаюсь — свинья. Некурение принесло массу положительного: от хорошего самочувствия до долгожданного самоуважения. Два (!) года длилось счастье, которое к тому времени я перестала замечать. Появился второй ребёнок. На сей раз можно было собой гордиться — стерильно чистая от никотина беременность и целый год кормления. А потом случился кризис в семейной жизни. В первый же вечер я купила пачку "Мальборо". Одна затяжка — пачка отдана курящей сестре (тоже молодец я — травись, родная). Второй день — ещё одна пачка. Половина сигареты. Ощущения — не передать. Удушье, смрад, головокружение, позывы к рвоте. Примечательно, что, начиная курить на первом курсе института, я ничего подобного не

испытывала. Видимо, тогда мне очень надо было "повзрослеть" (а в таком деле не до тошноты). Я отдавала себе отчёт в своих действиях, я понимала, что в тот момент мне отчаянно была нужна волшебная помощь — сигареты.

Пишу, и кончики пальцев холодеют от воспоминаний. Я сама заставила себя начать курить вновь... Теперь уже без малого два года я снова заядлый курильщик. Но теперь я курильщик изошрённый: я вынуждена скрываться от старшей дочери, которая очень расстроится, если узнает. Скрываюсь от папы (благо, в разных городах живём). Мужу и подруге, конечно, призналась, хотя стыдно и больно было невероятно. Непонятно, кому больше — мне или им за меня. Маме тоже призналась. Но уже два месяца вру, что бросила. И мужу врала. Но снова призналась — не выдержала... Он расстроился...

С этого лета пытаюсь бросить практически без перерывов. Карр как-то не доходит до меня, или я от него подсознательно закрываюсь. Просто пытаюсь... Но выношу мусор чаще обычного, вечно забываю купить молоко или хлеб. Всем понятно, с какой целью, лишь бы выйти на улицу. Слаба. Рыдаю в душе, а то и всерьёз... Ну зачем ты это сделала, глупая?! И как поверить самой себе, что не сделаешь этого вновь?! Сколько клятв дано себе и близким — ровно столько же и нарушено. Каждый раз даю себе снова. Самое последнее, самое верное!..

Не жду манны небесной, в смысле, не жду решения моей проблемы по мановению волшебной палочки. Необходимо выговориться. Вдруг кто-то увидит себя в моём рассказе, и ему станет чуточку легче.

Пока писала всё это, выкурила пять сигарет. Уже шесть. Проветрила балкон, залила его освежителем и, как вор на месте преступления, жду появления домашних — муж с младшим с минуты на минуту вернутся с прогулки. Ну не психоз ли это?! Конечно, психоз. Как же горжусь всеми вами, кто бросил. И как же я боюсь. Боюсь бросить, видимо, раз до сих пор с этим живу. И боюсь не бросить. Второе для меня страшнее. В пачке осталось четыре сигареты. С завтрашнего дня, точнее, с сегодняшнего вечера — всё.

Ну, с Богом!»

Конечно, эта глава — как и вся жизнь — о нечто большем, чем о собственно курении. Хотя, как читатель, надеюсь, уже убедился, что, даже если ограничиться чисто научно-историческим аспектом данной темы, и тогда результат будет исключительно интересным и чрезвычайно важным.

Какое отношение «гениальность и злодейство» имеют к нашему предмету — курению? И для чего только что были приведены исповеди курильщиц? Резон во всём этом есть. Начнём по порядку. Что такое гениальность? Человек нашего времени,

взращённый на почве гуманизма, ответит незамедлительно и, как ему будет искренне казаться, абсолютно безошибочно. Для подавляющего большинства наших современников гениальность есть безусловная и высшая похвала. Гении — это Леонардо, Рафаэль, Микеланджело, Коперник, Чайковский, Циолковский, Толстой... и прочая, прочая, прочая — им же несть числа, вернее, имя им, этим гениям — «легион»: так бесконечно многочисленна священная когорта «гениальных» людей всех времён и народов. В зависимости от эпохи, государственного строя, культурных традиций этот ряд становится почти беспредельным: в нём проявятся Дарвин, Маркс (неизменно с Энгельсом), конечно же, Ленин, для кого-то гениями были (и остаются) вождь Сталин, дуче Муссолини, фюрер Гитлер, кормчий Мао и так далее и так далее. Но вот что чрезвычайно важно: среди таковых гениев отсутствуют счастливые люди. Среди них почему-то нет счастливых — ни одного! Что это? И почему так «получилось»? Что за загадка такой «гениальности»?

Слово «гений» — латинское, это религиозно-культурологическая константа Древнего, то есть языческого, Рима. Для римлянина-язычника понятие «гений» означало «дух», от «*genius*» — «дух». В римской мифологии (и жизни: религиозной, культурной, обыденной, семейной) гении — это духи-хранители людей, местностей, значимых мест.

Гении людей ведали и определяли даже появление на свет своих «подопечных», их характер, черты личности, жизненный путь.

Весьма символично — и на это стоит обратить внимание — что в римской традиции символом «гения» служила змея. Соответствующих памятников искусства Древнего Рима, в которых «гении» — змеи представлены в неоспоримой наглядности, сохранилось множество. Так что на этом моменте нет нужды останавливаться. Ещё одна выразительная особенность, которую тоже не стоит игнорировать: в Древней Греции те сущности, которых римляне именовали «гениями», назывались по-иному, и для слуха современного человека не менее выразительно, а именно: «демоны». Суть и функции «гениев» римлян и «гениев» (то бишь «демонов») греков были тождественны. В основе прочно установившейся (не только европейской) традиции, связывающей человеческую гениальность с воздействием на личность духов-гениев, лежат древние представления, что именно «духи» делают человека талантливым, «вдохновляют» его, сообщают ему чрезвычайные способности.

Объективности ради должно сказать, что такое осмысление мироздания и жизни людей не было чем-то особенным, исключительной чертой религиозных воззрений древних греков и римлян. Это являлось общей чертой всех без исключения языче-

ских культур. Так думали и обитатели Поднебесной Империи, и строители Персеполя и египетских пирамид, и подданные Инки, и заседавшие в Ареопаге, и жители Лациума... Они были язычниками.

Итак, в языческих культурах «гениальность» служила явным свидетельством покровительства духа-«гения», символом которого, как помним, служила змея. Этот дух-гений-демон и наделял человека талантами, делая его «гениальным» (что в данной концепции означало буквально: одержимый).

Что же, настоящей гениальности, гениальности, как говорится, от Бога не существует? Отнюдь, и даже более, гораздо более того. Неодарённых, бесталанных, негениальных людей нет. Почему? Потому что человек, каждый человек, создан по образу и подобию Божию. Каждый человек приходит в этот мир, чтобы приумножить добро. Делание добра бесконечно многогранно. Мы все и каждый из нас призваны делать добро, спешить делать добро, умножить богодарованный талант. И если даже человек удаляется от своего — и общего всем нам — жребия творить добро, Бог многожды и беспрестанно возвращает заблудшую или ожесточившуюся душу «на круги Своя», чтобы мы наконец-то исправили свою жизнь, захотели, научились творить добро. «Тайна сия велика есть» (Еф. 5,32): «Бог есть любовь» (Ин. 4,16). Иными словами: любовь и есть важнейший талант,

мета одарённой личности; и это чувство не может быть, оставаться бездеятельным. Оно направлено — через человека — к Источнику созидательной любви. То есть любовь может быть устремлена только к личности: её предметом может быть только человек, действием любви становящийся «ближним», — и только самосущная Личность, говоря с необходимой догматической точностью, Триипостасная Сущность — Господь Бог.

Для чего раздаются Творцом — прещедро — таланты? Для того, чтобы они были приумножены; для того, чтобы в мире не оскудевало то, что на обыденном языке мы называем Добром, то есть Благом. Талант означает и совершенную меру ценности. Чтобы понять эту простую истину, достаточно провести эксперимент. Он очень прост. Надо спросить самого себя: что для меня является высшей ценностью? Если мы будем откровенны перед самим собой, то скажем, что самым ценным для человека здравого душой и рассудком будет только и исключительно личность: мать, отец, супруг, супруга, ребёнок... Перед этой ценностью отступают, теряют всякий смысл должности, деньги, карьера, имения, звания, власть. Человек здрав душой и рассудком, когда не порабощён страстью, не одержим тем, что в Христианстве называется страстью. Страсти, как говорит Иоанн Лествичник, суть те же бесы, то есть злые духи.

В терминологии язычников-римлян и язычников-греков, это, собственно, те сущности, которых они именовали «гениями-демонами». Есть очень хороший и очень наглядный пример, отчётливо иллюстрирующий сказанное. Это знаменитый Лаокоон, скульптура борющихся со змеем. О ней много писали, однако эти многочисленные и пространные объяснения нимало не приближают к пониманию шедевра античного искусства. Между тем, всё предельно просто — и предельно глубоко: Лаокоон — это человек, люди античности, стремящиеся освободиться от змия. («Гений», ещё раз напомним, для древних римлян изображался в виде змеи.) Освобождение без Христа невозможно — онтологически, духовно, нравственно, в реальности. Лаокоон — это образ и современного человека, и человечества, живущего вне Христа.

Итак, сказанного должно быть довольно, чтобы понять, а значит, и поставить точку в теме «гениальности» и «злодейства». То есть всякий человек по своей природе и по дарованиям талантами очень, бесконечно, «гениально» (в христианском смысле) богат, то есть добр. Да, эти семена надо взрастить и взлелеять, чтобы пожать — и вновь, и вновь раздавать обрётённые «в поте лица своего» (то есть всегда самому и небеструдно) плоды добра.

Но есть другая «гениальность» — одержимость страстью; и эта гениальность, строго говоря,

имеет демоническую природу. И если предельно ясно и откровенно означать настоящую тему, то ясен и приговор: курение однозначно есть метод «демонической гениальности» (в терминах греко-римской античной культуры) и безусловно «злодейство».

Курение — раскрытая, решённая загадка, но только при одном условии: если человек освобождён от этого порока. Если же нет, то при всех самых глубокомысленных рассуждениях (и только) курильщика этот порок-привычка-феномен остаётся загадкой, тайной греха.

Посему и названа эта глава таким образом: «Паноптикум или Катарсис». Расставить знаки препинания, равно как прочесть и запечатлеть: с запятой, без неё, с точкой, вопросительным или восклицательным знаком — предоставляется читателю. Как кто сочтёт нужным... для себя.

AS YOU LIKE IT...

Очевидное-невероятное...

Однажды в дальнем перелёте я разговорился с человеком, чьё сценическое имя довольно хорошо известно в российской эстраде: Авраам Руссо. Авраам. Интересное имя. Между прочим, оно имеет отношение к нашему предмету. Мой попутчик оказался чрезвычайно интересным собеседником. Он прекрасно знает Восток и Запад: Сирия, Ливан, Израиль, Россия, Франция, Америка. Христианство, иудаизм, ислам. Свободное владение арабским, еврейским, французским, английским, конечно же, русским. Разговор был важен и для меня, и для него. Сейчас скажу лишь о тех мыслях, на которые в том перелёте навела лингвистическая восточная тема.

Библейская история содержит важные сведения. Сначала у того, кому Господь судил стать отцом многих народов, было другое имя: Аврам. Как Аврам стал Авраамом? И что это означает? В арабском и древнееврейском языках есть одна удивительная особенность: придыхание. Оно означило...

жизнь. Фонетическое изменение есть мета, свидетельствующая об изменении человека, который был Авраамом, но стал Авраамом. Наитие Жизни изменило оставившего землю нечестия и последовавшего воле Божественной (Быт. 17,5). Наитие Жизни не оставляет бесплодным: «И не будешь ты больше называться Авраамом, но будет имя тебе Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов». Это история изменения *Abram* в *Abraham*. Придыхание в древнееврейском и арабском означает слишком многое... — потому что ещё большее означает дыхание: жизнь. Впрочем, и в индоевропейских языках эта черта присутствует очевидным образом: само слово «дыхание» имеет эту фонетическую особенность — собственно «придыхание», звук [h]. Что самое ценное? — Жизнь. Что стремится похитить враг рода человеческого? — Жизнь. Лукавый ищет способ войти путём жизни, через дыхание: «*татъ не приходит разве украдет и убьет и погубит*» (Ин. 10,10). Всё это штрихи к теме курения, курения как антитезы жизни...

Собственно говоря, в сказанном нет ничего нового, никакого открытия: все культуры самых различных народов на всём протяжении исторического бытия рода человеческого хранят тому весьма и весьма определённые свидетельства. Это отчётливо прослеживается в религиозных представлениях, обычаях, наконец, в языке.

Приведём лишь несколько примеров (хотя научных данных такого рода великое множество). «В вавилонском восприятии кровь — настоящая жизненная материя людей»*. «Японское слово "жизнь" (человека) — *inochi* можно расшифровать как "*i-no-chi*", где "*i*" — это дыхание (*iri*), "*no*" — показатель родительного падежа, а "*chi*" означает некую природную жизненную силу»**.

Что происходит, когда мы дышим? Воздух наполняет лёгкие, где обогащённая кислородом кровь через систему артериальных сосудов поступает в тончайшие капилляры; идёт живительным потоком к каждой клетке человеческого организма. Так поддерживается биологическая жизнь. И это описано очень ценным источником познаний — Священным Писанием. Когда человек обрёл дар жизни? Что об этом говорит Библия? Человек приял жизнь, стал душою живою не тогда, когда Бог сотворил его из праха земного. Господь вложил в ноздри Адама дыхание жизни — это и описано в Книге Бытия как начало подлинной жизни человека. «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его

* *Ebeling E.* Reallexikon der Assiriologie, v. («blut»). Berlin — Leipzig. S. 57.

** *Кадзуаки С.* Японская письменность от истоков до наших дней. // М., АСТ. — Восток-Запад, 2006. — С. 96.

дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2,7).

Некоторые переводы Священного Писания на европейские языки следуют масоретскому тексту, который передаёт буквальное значение и в данном случае служит пояснением к русскому и церковнославянскому изводам, являющим высоту богословия Септуагинты (Греческая Библия). Так, в канонической для Англиканства Библии (*King James version*) читаем: «And the Lord God formed man of the dust of the ground, and *breathed into his nostrils the breath of life*» (Gen. 2,7). «И создал Господь Бог человека из праха земного, и *вдохнул в ноздри его дыхание жизни*». Смысл вполне понятен. Впрочем, это далеко не единственное указание Священного Писания на тайну богодарованной жизни. В пророчестве Иезекииля о том, как род человеческий предстанет на Страшном Суде, сказано:

Thus saith the Lord God unto these bones; Behold, I will cause ***breath*** to enter into you, and ye shall ***live***. And I will lay sinews upon you, and will bring up flesh upon you, and cover you with skin, and put *breath* in you, and ye shall *live*; and ye shall know that I am the Lord (37,5-6).

Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь (37,5-6).

Английский текст передаёт смысл с буквальной точностью.

Между прочим, известный обычай аборигенов Полинезии — известный, но не понятый знаменитым автором «Золотой ветви» Джеймсом Фрезером и до настоящего времени воспринимающийся как некий экстравагантный этнографический курьёз, — приветствие выражается соприкосновением носами, — вполне объясним и очень разумен. Его происхождение — в понимании природы человека. Если дыхание есть жизнь, то устанавливающие между собой общность в важнейшем, то есть жизни, не могут быть врагами друг другу. Как обретается (и подтверждается) общность жизни? — в ритуале приветствия. Суть не в том, чтобы произошло прикосновение телесное, но в том, что приветствующие друг друга дышат одним воздухом: общность дыхания, единение жизни. Часто бывает так, что мы проходим мимо очевидных подтверждений важнейших истин. Именно такова ситуация и с предметом настоящих размышлений.

В связи с этим упомянем о распространённом среди некоторых арабских племён Аравийского полуострова традиции приветствовать друг друга, совершая соприкосновение носами. Происхождение и смысл традиций должен быть совершенно понятен. Однако неспособность учёных, руководствующихся в своих исследованиях сугубо мате-

риалистической методологией, обнаружить правильный ответ, хотя он не является никакой тайной и, так сказать, находится на поверхности, просто поражает.

В русской классической литературе есть одно удивительное произведение, до сих пор представляющее неразрешимую загадку для абсолютного большинства литературоведов. Это знаменитая повесть Н. В. Гоголя «Нос». У известного русского филолога В. В. Виноградова есть исследование, в котором учёный пытается найти ключ к загадке, оставленной Гоголем*. Он идёт путём сравнительного анализа «носологических» сюжетов в мировой литературе. Это расширяет границы поиска, но не даёт ответа. Почему всё-таки «Нос»?

После сказанного ранее всё уже должно быть ясно. То есть: «И вложил Господь Бог человеку в лице его дыхание жизни»... В антропологии человека нос имеет огромный смысл именно потому, что «вложил Господь Бог **дыхание** жизни в **лице** его». Нос незаметен на лице, но с этим органом связано дыхание жизни, и нос, как бы мы ни судили, в этом смысле есть средоточие лица не менее, чем глаза, которые суть отражение души.

* *Виноградов В. В.* Натуралистический гротеск. (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос».) // Избранные труды. Поэтика русской литературы. — М., 1976.

В этом смысле характерно следующее наблюдение. Важнейшим идеологическим артефактом эпохи нулевой династии Египта является, как известно, палетка фараона Нармэра (IV тыс. до н. э.). На этой пластине алевролита вырезаны символические изображения, запечатлевшие завоевание царём Верхнего Египта территорий нижнего течения Нила. Нас интересует реверс: над фигурой царя Нармера бог Гор в виде сокола держит в лапе вервь, которая касается носа пленника, символизирующего Нижний Египет. Парадоксально, но факт: даже авторитетные, то есть научно-археологические комментарии, сообщают предельно конкретно — о «верёвке, продетой сквозь губы пленника». Хотя почти идеальная сохранность и состояние палетки совершенно отчётливо позволяет видеть, что вервь касается носа — и только. К сожалению, мы в очередной раз имеем дело с вопиющей некомпетентностью «учёных». Увы, это во все времена — а в наши и подавно — было (и остаётся) слишком частым явлением. Причиной тому служит элементарная необразованность в сфере религии и подлинной культурологии.

В данном случае в древнейшем памятнике культуры Египта мы имеем явную реминисценцию символики пленения, только ещё в большей, неизмеримо более глубокой смысловой семантике, нежели если бы речь шла о скоте. С глубокой древности

и до наших дней смиряющим орудием для крупного рогатого скота служило кольцо в носу. В изображении же на палетке Нармера ясно присутствует знак полного, окончательного пленения народа Нижнего Египта, подчинение всей его жизни. Приходится только сожалеть о слепоте специалистов, которые «видя не видят...» (Мф. 13,13).

Чуть лучше ситуация с анкхом — древнеегипетским сакральным символом жизни и божественности. Он часто изображается в руках богов, простирающих его к ноздрям человека (фараона и его супруги), прикосновением к носу, ноздрям сообщающих правителям божественную жизнь и достоинство. Впрочем, это отступление от темы. Вернёмся к главному носологическому сюжету в русской классической литературе.

Какова главная цель дьявола, который есть «человекоубийца искони» (Ин. 8,44)? Украсть, похитить самое главное. А это самое главное не деньги, имущество, власть, положение в обществе, не красота и даже не здоровье. Самое главное — жизнь. Анализ сюжета гоголевской повести «Нос» даёт удивительные результаты: в этом произведении есть три сюжетные линии: две явные — и одна скрытая, которую можно обнаружить только путём тщательного анализа двух очевидных. Скрытая, тайная, третья — и главная сюжетная линия проявляется в переплетении событийной канвы

жизни коллежского ассессора и перипетий бытия его *alter ego*, души, то бишь «носа». Эта третья тайная сюжетная линия, тщательно продуманная Гоголем и искусно вплетённая в ткань произведения, — линия дьявола. А всё почему? Потому что в то время Гоголь весьма почитал немецких романтиков: Гофмана, Шамиссо & Со, — те трудились без усталости, профессионально и с полным пониманием сути дела, то есть взаимоотношений людей и дьявола, служением которому усердно и опять же со знанием сего особого предмета в истории мира и человечества занимались пресловутые немецкие романтики.

Главный персонаж самой знаменитой гоголевской повести продолжает водить за нос искушённых в человеческих страстях и перипетиях блужданий сынов человеческих. А между тем «премудрость — проста», и открывается эта, настоящая, не историко-филологическая, философская и прочая, прочая премудрость только ищущим главного, то есть «единого на потребу» (Лк. 10,42). В Житии св. мученицы Еликониды (Май, день 28) читаем слова святой, обращённые к идолопоклонникам: «...Кто сотворил человека из земли и вдунул в лицо его дыхание жизни?» Как известно, св. Еликонида пострадала за Христа в Коринфе, IV век. Прошло семнадцать столетий, и что же? Люди нашего просвещённого времени,

чуждые этой Премудрости (которая проста), так и не могут разобраться в простых вещах и с удовольствием предпочитают блуждать, как говорится, в трёх соснах. Впрочем, размышления о загадочной для многих гоголевской повести, хотя и имеют отношение к теме нашего исследования, являются всё же отступлением. Вернёмся к курению как религиозному феномену в жизни и истории цивилизаций.

Что происходило в ритуале курения в древних люциферианских культах и что происходит с человеком нашего времени, конечно же, свободного от «всяких предрассудков» вроде веры? Относительно первого, всё, вероятно, уже ясно. С курильщиком, неважно, каких взглядов он придерживается, — с агностиком, атеистом и даже с человеком, называющим себя верующим, — происходит практически тоже самое, что и со жрецом Кецалькоатля: вольно или невольно, сознательно или не ведая того (вся разница только в этом), человек открывает своё естество — и тело и душу — той демонической силе, которой поклонялись служители Небесного Дракона в Древнем Китае, Пернатого Змея — в дебрях Юкатана, Большого Змея — в лесах и прериях Северной Америки. К слову сказать, для того, чтобы сделать процесс совершенным, мусульманами был придуман кальян. Весь смысл конструкции этого прибора — получение холод-

ного дыма: горячий не заполняет нижние части легких.

Справедливости ради должно сказать, что «просвещённая Европа» пошла куда дальше любителей кальяна. В Европе XVIII века была довольно распространена весьма оригинальная медицинская практика: страдающих кишечными коликами, приступами рвоты, грыжами и даже ревматизмом «пользовали» вдвуханием табачного дыма в анальное отверстие — применяли так называемую «табачную клизму» как средство от всех болезней и самых различных хворей. Европейских врачей в этом чудодейственном способе врачевания весьма успешно убеждал в то время авторитетный английский доктор Томас Сайденхем. В иных медицинских учреждениях до сих пор можно увидеть (в качестве музейных экспонатов) «табачные клизмы»: в деревянном ящике-футляре хранятся: набор трубок, конусы, раскуриватель табака для получения собственно дыма и мех для закачивания табачного дыма в прямую кишку. Процедура, которой пользовались недужных европейские эскулапы в век Просвещения, была общепотребительной: для того, чтобы излечить от банального расстройства желудка, всего-то и требовалось пустить немного табачного дыма в задницу.

В английском языке до сих пор существует непонятное современному человеку выражение:

«*To blow smoke up in your ass*». Кстати, сим средством «лечили» также и породистых лошадей. Считалось, что после такого врачевания норов лошади смягчается и животное становится более послушным. Однако данный способ считался исключительно действенным при возвращении к жизни утопленников, вернее, захлебнувшихся в воде, но которых ещё можно было попытаться спасти. В 1745 году известный английский врач Ричард Мид начал практиковать «табачные клизмы» в качестве весьма эффективного средства реанимации утопающих. Новшество было усвоено коллегами и обрело широкое применение. Спустя два десятилетия «Королевское гуманное общество» (бывшее до того «Институтом по спасению утопающих»), созданное лондонскими успешными врачами Уильямом Хоузом и Томасом Коганом, уже вовсю применяло на берегах Туманного Альбиона «новейший и величайший способ оживления утопающих при помощи табачной клизмы».

В следующем 1746 году факт спасения «табачной клизмой» был впервые научно документирован. Предоставим слово исследователю сего феномена — роли и значения «табачной клизмы» в английской медицине. Гарри Терн сообщает, как это произошло: «Мужчина вытащил на берег свою тонущую жену, которая была без сознания, и, не зная, что делать дальше, он в растерянности

взял свою курительную трубку с табаком, поджёг ее и засунул в задний проход своей жены, после чего охватил зубами другой конец и дунул. Как ни странно, но это сработало: жена пришла в себя, когда в её прямой кишке оказался табачный дым. Это произвело сенсацию». Лондон показал прочим европейским столицам, расположенным на реках, удивительно действенный пример врачевания — возвращения утопленников к жизни. Усердием членов «Королевского гуманного общества» в местах отдыха лондонцев на берегах Темзы появились стенды с оборудованием для применения «табачных клизм». И эти приспособления действительно активно применялись! Более того, регулярно с помощью отважных лондонских полицейских проводились «мастер-классы»: жители прибрежных кварталов должны были точно знать, где располагаются стенды с «табачными клизмами» и как ими пользоваться.

Терн пишет: «Человечеству хотелось прогресса. Новых невероятных прорывов и свершений. Поэтому всем показалась очень интересной идея выловить труп в Темзе и покурить ему в анус. Дым вдували в задний проход при помощи специальной трубки, которая соединялась с фумигатором и сифоном, который, в свою очередь, при сжатии выпускал дым в прямую кишку. Иногда вдували в нос и рот пациента, однако большинство врачей

находили ректальный способ более изящным и эффективным. Они полагали, что никотин, содержащийся в табаке, заставляет сердце биться сильнее и быстрее, тем самым стимулируя дыхание. Также врачи думали, что дым согревает пострадавшего и "сушит" — удаляет излишки влаги из внутренних органов».

Чтобы люди могли легко запомнить, как нужно «оживлять» утопленников, Хоулстон сочинил полезный стишок — своего рода инструкцию к применению и одновременно поэтическое побуждение на медицинский подвиг недостаточно отважных.

*Tobacco clister enema breathe and blood
Keep warm and rub till you succeed
And spare no pains for what you do;
May one day be repaid to you.*

*Табачный клистир: вдох-выдох в кровь,
Согреет растиранье тело. — Не ослабевай!
В сем деле не жалея сил трудись;
Надейся: воздаянье исцелением придёт!*

Жаль, что сия краткая повесть об английской «табачной клизме» есть плод научных трудов Генри Терна. Если бы автор «Сентиментального путешествия...» — Лоренс Стерн занялся этой темой, то,

несомненно, рассказ обрёл бы настоящую глубину беспристрастности, соединенной с изящностью слога английского писателя и проникновенностью английской мысли...

И всё-таки: почему столь дикий метод врачевания появился в Англии и обрёл повсеместное распространение? Понятно, что принцип пришёл из благословенной Америки: от североамериканских индейцев бледнолицые узнали, сколь целебен табачный дым, соединяющий людей с Большим Змеем. Но чтобы столь экстравагантно?.. На самом деле, ничего загадочного здесь нет. Всё тот же принцип: взаимодействие с кровью как вместилищем души. Есть два пути поддержания жизни: дыхание и питание. Кислород поступает через лёгкие; необходимые для жизнедеятельности вещества, которые мы получаем с пищей, всасываются в кровь через кишечник. Американские индейцы почитали Пернатого Змея верховным божеством, владыкой всего сущего, во власти которого была жизнь и смерть. Естественно, что они лечили «от всего» пособием Змея. Курение, окуривание больных частей тела — это понятно. «Табачная клизма»? С медицинской точки зрения всё очень просто: «лечение» внутренних органов, но самое главное — завершенность и всеобъемлемость процесса (что в случае с кальяном всё-таки имело лишь относительную полноту). Однако

главное применение табака было религиозным: так осуществлялось соединение человека с Пернатым Змеем. Употребление индейцами Мезоамерики табачных клизм имело прежде всего оккультный характер. В культуре майя существует множество артефактов (статуэтки, рисунки на камне), иллюстрирующих ректальное курение, применение табачных клистеров.

Что же касается старой доброй Англии — к XVIII веку страна в лице своих знаменитых и выдающихся умов давно руководствовалась универсальной философско-религиозной парадигмой: «что вверху, то и внизу», так что подобные медицинские экзерсисы с прокуриванием пациентов и сверху и снизу служили просто наглядной иллюстрацией доминантных устремлений торгово-колониально-морской нации.

Причина такого отступления, в котором тема собственно курения есть только фрагмент рассказа, заключается в цели написания книжки, которую читающий эти строки держит в своих руках. Суть не только в курении как таковом. Суть в природе греха, что так очевидно обнаруживается в самом феномене курения табака.

Для вящей пользы читающего эту книгу приведём здесь рассказ странника по святым обителям Афона. Итак, вкратце история схимника Михаила, до своего пленения турками не расстававшегося

с табачной трубкой. О перепитиях жизни обретшего на Святой Горе покой своей многомятежной душе поведал в одном из своих писем Святогорец*.

«Макарий, а в мире Михаил, родился в Елисаветграде в 1772 году. Начальное образование получил в кадетском корпусе. Впоследствии сделался отличным гренадером: участвовал в военных действиях в Голландии при Алькмаре и Гельдерне, оттуда переехал в Шотландию, где, случайно разбогатеv, не захотел служить, а потому достал себе немецкое свидетельство. Хорошо зная языки французский и немецкий, он прибыл в Петербург, а оттуда в Екатеринославль, где и был уличён в самозванстве одним из прежних своих товарищей-кадетов. На все допросы начальства, коверкая русский язык и перемешивая с немецким, он отзывался о себе как о природном немце, впрочем, российском подданном. Но вследствие улик Михаил был сослан в отдалённые Линейные полки на службу без выслуги (на Кубань). Промысл не судил заглазить ему вину свою верностью службы, а указал страдальческий путь взамен проступков прежней вольной жизни. Раз в числе пяти человек он сторожил передовую цепь и кружился в лёгких разъездах, как вдруг несколько вооружённых с ног до головы черкесов налетели и схватили их:

* Письмо от 22 июля 1844 г.

отбиться, по превосходству противников, не было никакой возможности. Михаил достался в плен князю Морадину (около Анапы) и был им увлечён в горные его улусы, где вскоре потом выкупил его у князя зажиточный черкес Айтик Сумайский (Сумай — название поселения) и навсегда усвоил его себе в виде раба.

Михаила убеждали отречься от Христианства, но он с твёрдостью вынес пытки и имел случай скрыться оттуда в дикие горы Анатолии, где вскоре был схвачен турками и вместе с малороссиянином перепродан на трапезундском базаре чурумскому паше. Малороссиянин скоро отрёкся от Христа и признал Магомета за великого пророка, но Михаил оставался твёрд как камень.

Постоянное усилие принудить его к принятию исламизма выводило из терпения, так что новая попытка бежать закралась в страдальческую голову. Эта мысль ещё более утвердилась, когда наперсник пашы, мальчик, измученный содомским удовлетворением сладострастного магометанина, объявил о готовности бежать с Михаилом. Они условились скрыться при первой возможности, и, оставляя пашу, украли у него пистолеты, ружья и кобуры, присланные ему из Мекки, от гроба Магомета. Дорога увлекла их к далёким берегам Чёрного моря. День и ночь бежали они, и только вторая ночь усыпила их усталые чувства глубоким

сном; они спали долго и сладко, и каково же было их изумление, когда при первом взгляде на рассвет белого дня увидели они, что со всех сторон окружены розыщниками паши!..

Старуха-мать паши, упражнявшаяся в колдовстве, открыла сыну своему побег невольников и указала даже на самое место их пребывания. Взбешённый паша немедленно отправил сорок человек в погоню, они нагнали беглецов, началось сражение: семеро турок пали от руки Михаила, но в конце концов беглецы были схвачены. Сердце замирает от ужаса, когда слушаешь его рассказ о разных родах мучительства, но Промысел Божий, по тайным судьбам своим, отсрочивал конец его жизни, предоставляя ему возможность загладить искренним и долгим покаянием все его заблуждения и проступки.

Так уходило время. Михаил был спокоен, но сердце его трепетало при каждой предположительной мысли новых страданий. Силы его слабели, однако дух не изменялся в крепости: он решился выдерживать при помощи Божией все пытки и до последнего вздоха быть верным Господу своему... Но демон расставлял блазнительные сети на его погибель. В эту самую пору паше привезли пленную грузинку, при первых же пытках она приняла исламизм. Жизнь её потекла спокойно под напевами сладострастных обетований Корана и с жаждою

наслаждений. Паша придумал сочетать её с Михаилом, рассчитывая, что супружеское ложе заставит его забыть о небесном блаженстве, христианам обещанном, и неприметно увлечёт в ислам. Пленник-христианин видел всю опасность своего положения, а потому все предложения паши им были отринуты.

Михаил был растянут на воловьем ярме и около суток оставался в мучительном распятии. Его члены онемели, всё тело совершенно распадалось по составам, и, наконец, будучи не в силах далее выносить мук, он отчаянно крикнул:

— Снимите меня и сделайте, что хотите: я отдаюсь на нашу волю!

Турки не отлучались от него ни на шаг: они выучили его турецкой грамоте и решили в наступающий праздник Курбан-Байрам обрезать и сопричислить к своему обществу.

Михаил грустно и одиноко бродил иногда по городу, придумывая средства к новому побегу и рассуждая о гнусности наступающего торжества неверных над ним. Дивный сон ещё более утвердил его в мысли бежать: ему приснился Святитель Христов Николай, который, показывая способ избавиться от верной гибели, говорил Михаилу: "Не бойся! Вера наша чище воды и краше солнца. Веруй во Христа, и не погибнешь во веки! Не бойся, беги. Я тайно буду с тобою и не оставлю тебя!"

Однажды, вскоре после этого сна, Михаил бродил по базару и наткнулся на старого знакомого-лавочника.

— Что, сынку! — с участием спросил старый крымец: — Отрёкся от веры своей?.. Страшно это!

— Что же мне делать! — возразил со вздохом отчаяния Михаил. — Не могу перенести мучений!

— Что делать? Бежать!

Тут добрый старик стал объяснять Михаилу пути к Чёрному морю, где есть русские и где мог бы он безбоязненно и по своей воле жить. Старик начертил ему путевую карту и, секретно передавая её, прибавил: "Смотри, береги этот лист. Если попадётся, прежде всего разорви его на мелкие частички и не давай его в руки неверных, иначе я погиб!"

В ту же ночь, пробив стенку в своей комнате, выходящей на улицу, Михаил убежал от грозного учителя. Тайно, и более всего по ночам, пробрался он до городка Баферы и здесь случайно попал на двоих русских, которые увели его с собой в свои черноморские поселения, где уже тихо и спокойно начал вести жизнь свою бедный страдалец.

Впрочем, и здесь враг не оставил Михаила без преследований. Михаил был гренадер, трубка была его спутницей в горьких странствиях по аулам черкесов и по басурманским селениям Анатолии. Турки, как известно, поставляют трубку

в числе высших наслаждений чувственного рая, Магометом им обещанного. У турок есть поверье: всеми силами обращать в магометанство христиан, потому что в раю не будет огня для раскурки трубок и его придется доставлять туда из геенны, значит, большой труд ходить назад и вперёд бедным курильщикам. Если же кто успеет обратить христианина в ислам, изменник Христовой вере превратится в огненный столб и будет пылать вечно. От него-то, не спускаясь в геенну, и будут турки раскуривать свои трубки. А между тем наши раскольники, к которым попал Михаил, были так предубеждены против табака, удушающим своею едкою горечью, что считали его первым, непростибельным и смертным грехом, низводящим на землю все кары небесного гнева. Впрочем, Михаил, как мог, таил свою трубку, но однажды его застали врасплох...

Это взбесило раскольников. Собрался целый сонм против трубки и Михаила, никого не было в защиту его, и общее мнение состояло в том, чтобы табашника бросить в Чёрное море и тем очистить землю от беззаконника, из-за которого может погибнуть всё их раскольниковье общество. Погиб бы, наверное, Михаил, если бы не вступились за него добрые болгары, прибывшие в ту самую пору за икрой и рыбой. С ними Михаил отплыл в Константинополь и вслед за тем обрёл

себя на вольную странническую жизнь по разбитым странам жалкого Востока. Хорошо владея турецким языком, он сделался драгоманом запорожского кошевого.

Как бы глубоко ни спала совесть, но бывают в ней сильные потрясения, когда мы совершенно разочаровываемся в лучших и в самых скромных и невинных наслаждениях. Так было и с нашим страдальцем. Пролитая им вольно или невольно кровь человеческая тревожила бедного Михаила, так что на раздольях страннической жизни он оставался в жалком положении. Сердце его трепетало при мысли о грядущем, не довольствовалося настоящим, и с невольным вздохом приводило на память давно минувшее. Он решился уйти на Святую Гору Афонскую, там оплакивать жизнь свою и схимой покрыть и преступные движения сердца, и дела, достойные или многих слёз кающейся души, или грозной кары небесного правосудия.

Михаил достиг Святой Горы и с 1826 года посвятил себя всей строгости покаяния. Схима преобразила его: из прежнего разгульного бродяги с неизменной трубкой он превратился в скромного инока. Он был уже хил и очень стар, но при всём том благообразен. Следствия пыток и страданий отзываются во всём его существе: он иногда едва бродит на ногах, а по временам плачет и с грустью рассказывает о заблуждениях улетевшей молодости.

Года четыре по приходе своём сюда он нёс чрезвычайно строгую эпитимию, по заповеди духовника, за прежние свои проступки. Ему воспрещено было не только виноградное вино или водка, но даже сыр, масло, яйца, маслины и всё, что только услаждает наш вкус...

Михаил назван в схиме Макарием. Если вам Господь даст возможность посетить Русский монастырь, то вы легко отыщете старца Макария: на площади монастырского двора вы подступите к первой лестнице, поднимающейся на возвышенность, где расположен корпус русской братии. Справа при самой этой лестнице заметите сидящего на скамье старца с закинутыми на лоб очками, работающего то рукоятки для секир, то прочую мелочь. Поклонитесь этому старцу — это отец Макарий!.. Спросите, если угодно, и он сам расскажет про жизнь свою со всеми подробностями, которые не вошли в состав моего рассказа... Отец Макарий очень добр и благочестив».

* * *

Мы так часто произносим слово «душа», однако что это? Где её обиталище? Древние греки думали, что душа находится в области мозга, но современная медицина отрицает такое суждение: мозг есть инструмент души и сознания, однако он не является местом пребывания души. Многочис-

ленные случаи, когда физическое поражение мозга в результате ранения или травмы не отражалось на сознательной деятельности личности, служат убедительным и достаточным доводом для такого утверждения.

В данном случае прекрасной иллюстрацией как проблемы, так и научных методов её разрешения служат исследования американского нейрофизиолога Карла Прибрама. Пытаясь определить локацию памяти, учёный последовательно удалял фрагменты мозга у подопытных крыс, весьма умных животных. И что же? Парадоксально, но память и ментальные способности кардинально не пострадали. Наблюдения послужили толчком созданию новой теории, причём не только в области нейрофизиологии. Медицинская практика и наблюдения, проводимые в клиниках, дали потрясающие результаты. Все пациенты, у которых мозг был частично удалён вследствие полученных травм или по причине болезни, никогда не жаловались на потерю конкретной памяти. Удаление значительной части мозга может привести к тому, что память пациента станет расплывчатой; но никогда не происходило потери избирательной, то есть селективной, памяти. Прибрам пришёл к вполне закономерному выводу: память распределена во всей ткани мозга; она не локализуется ни в каком участке мозга.

Дэвид Бом — ученик Эйнштейна и аспирант Оппенгеймера* (что само по себе говорит о многом), один из выдающихся специалистов в области квантовой физики, решил, что именно он (почти как «гениальный» Эйнштейн) наконец-то выведет Науку из тупика. Бом придумал — естественно, опираясь на эксперименты, — что всё: камни, деревья, скалы, облака, реки и океаны, воздух и пространства, космос — всё разумно, одушевлено и имеет память. Новизна подхода заключалась в том, что память, а значит, и душа — голографичны. Следовательно... и т. д. Гипотеза выглядела интересно и даже почти гениально.

Судя по всему, Дэвид Бом не был знаком ни с анимистическими культурами, ни с синтоизмом, иначе его работа, приведшая к наивно-научной (не-

* Один прославился изобретением «теории относительности», став Пилатом от Физики, провозгласившим, что Истины-то, по сути дела, не было, нет — и не может быть. Так сказать, «всё относительно, господа!». Второй гениальный учёный (Оппенгеймера правильнее было бы назвать научным куратором американского ядерного проекта) прославился, произнеся по факту создания атомной бомбы в Лос-Аламосе: «Я — смерть, великий разрушитель миров, несущий гибель всему живому!» Кстати, Оппенгеймер, разъяснивший свою деятельность цитатой из Бхагавадгиты, на программной фотографии запечатлён стоящим на фоне чёрной доски, испещрённой формулами, с трубкой в руке. Да и сам проект, как известно, имел кодовое название *Tube* — «Трубка».

смотря на всю сложность) концепции «одушевлённости Вселенной» или мировой души, не получила бы такого резонанса в научных кругах, сейчас как никогда открытых для идей, близких одновременно и оккультизму, и псевдонаучным религиозным течениям.

Наука в современной атеистической трактовке — чрезвычайно опасная вещь, столь же опасная, как и в трактовке гностической. Прибрам и Бом понимали, что они создают «физику Веры». Учёные пришли к тому, что объективный мир: горные пейзажи, реки, деревья, моря, звёзды и галактики — вовсе не существует, или, по крайней мере, не существует в том виде и сути, как мы это наблюдаем и осознаём. То есть древние мистики-оккультисты и их современные последователи, раскуривающие чилом с марихуаной, правы, утверждая, что реальность — это «майя», иллюзия... Если перевести на бесстрастный язык физики, получим следующее: внешний мир является на самом деле бесконечной симфонией волновых форм, «частотной областью», транспонируемой (кем? — *Изд.*) в мир и познаваемой нами как реальность в прохождении через наши чувства и души голограммами субъективного бытия... (Как тут не вспомнить Шопенгауэра — автора философского трактата «Мир как воля и представление», оставившего всё своё наследство собакам...)

Суть подобных поисков, открытий и научных прозрений, почему-то нимало не приближающих ко Христу ни самих учёных, ни аудиторию их почитателей, — есть устремление ко временам апостасии... веры, в которой не будет места Сыну Божию, две тысячи лет тому назад родившемуся от Девы...

* * *

Согласно церковному учению, вместилищем души человека служит кровь. Откроем Библию — в Книге Второзакония читаем: «...кровь есть душа...» (Вт. 12,23). Всё сказано предельно ясно. Ярким и очевидным тому свидетельством является этимология. «Кровь», «покров», «кров» — однокоренные слова, и это говорит о многом.

Религиозные предписания строго запрещают употребление крови животных в пищу. Дело в том, что животные имеют души; они, как это определяет вероучение Христианства, бессловесны и не наделены бессмертием — в отличие от людей. Человек не должен нарушать границ, которыми мы отделены от бессловесных. Употребляя кровь животных в пищу, нарушая запрет, человек изменяет своей природе и в каком-то смысле уподобляется скотам, ниспровергая порядок бытия собственной природы.

В языке любого народа есть множество присловий, отражающих представление самых раз-

ных культур и племён о том, что не рассудок, то есть мозг, служитместилищем души, а кровь и более конкретно — сердце как главный орган кровеносной системы. «Сердце вещает»... Сердце, а не мозг, хотя разум подвергает эти известия суду и осознанно выносит окончательное решение, диктуя, как поступить, так что, во всяком случае, мы и только мы в конечном итоге ответственны за свои поступки.

Душа человеческая бессмертна — в отличие от душ животных; и самое ценное, что у нас есть, — это душа. Мы не возьмем с собой в вечность ничего из вещественного: ни построенные на века дома, ни имения, ни золото, то есть деньги. Мы не властны взять с собой ближних, пусть и связанных с нами узами нерасторжимого на земле кровного родства. Мы оставим здесь — как долг брению и персти — даже собственное тело: ему некогда было сказано Творцом: «земля еси и в землю отыдеши» (Быт. 3,19). Но наши нетленные — по благодати Создателя — души вечны: это наше настоящее достояние, на котором неизгладимо отпечатлён образ Божий; это наше величайшее богатство, которого не стоит весь дольний мир. Души — вот что требовал себе в жертву древний змий, искусивший первых людей, — дракон, противник Христа (От. 12,4); диавол и сатана, доселе непрестанно соблазняющий народы.

Всё это в прошлом? Кто-то именно так и думает. Однако, если беспристрастно посмотреть на происходящее, мы увидим лишь изменение формы при сохранении сути. Зловещий ритуал древней цивилизации сведён к повсеместно распространённой зависимости. И только?

Смысл человеческих жертвоприношений, которые в различных ритуалах присутствуют во всех языческих верованиях прошлого и настоящего, заключается в том, что дьяволу отдаются во власть бесценные человеческие души — бесценные драхмы, на которых лежит неизгладимая царская печать — образ Божества. Реки крови, пролитой на языческих алтарях; сердца, исторгнутые и отданные Кецалькоатлю, суть человеческих жертвоприношений, смыслом которых было утверждение власти дьявола над людьми...

Взаимосвязи

Кровавые мистерии как будто уже в прошлом, но означает ли это, что жатва, которую собирал князь мира сего, прекратилась? Отнюдь нет. Множество людей поработаются соблазнами и служат страстям, оканчивая свои дни пленниками грехов. Множество людей открывают дом своей души тому, кто изобрёл метод пленения человеческого естества и, проникая через врата жизни — дыхание, входит в плоть, кровь, душу, принося смерть. Как? Очень просто: закуривая сигарету человек тем самым отдаёт всего себя до последней клеточки своего телесного естества, и даже более того — свою душу, тому, кто в Евангелии называется «убийцей искони, татем, вором» (Ин.10,10); тому, кого древние в прельщении своём именовали божеством, — Небесному Дракону, Великому Пернатому Змею. Апокалипсис называет сатану «красным драконом» (От. 12,3), потому что он исполнен крови человеческих жертв и потому также, что дыхание его — воспаление гееннского огня.

Конечно, абсолютное большинство курильщиков, живущих в наш просвещённый век, не являются сатанистами, не исповедуют никакой люциферрианской религии и даже не исповедуют никакой религии вообще, однако означает ли это, что они чужды власти нечистой силы? В юриспруденции есть непреложное правило: незнание закона не освобождает от ответственности. То же самое представляет и данный случай, хотя каждый курильщик, положив руку на сердце, прекрасно знает, что, закуривая сигарету или трубку, грешит, — об этом ему давным-давно, ещё со времён первой затяжки, сказала совесть. Конечно, есть люди, которые вполне искренне скажут, что они не ощущают никаких угрызений совести по этому поводу и что сигара доставляет им наслаждение. Но их слова означают лишь только то, что по пути духовной деградации человек идёт уже довольно давно и навык — вторая натура уже выработан; душа пленена и совесть устала напоминать, предостерегая порабощённого грехом от недолжного.

Заметьте, где процветает этот порок — курение: в тех местах, которые выразительно именуются «злочными», то есть там, где живет нечестие. До недавнего времени курение было, что называется, визитной карточкой женщин лёгкого поведения, то бишь проституток. По мере падения нравов порок этот распространялся всё больше и больше.

В определённом смысле курение есть не что иное, как знамение эпохи апостасии — отступления людей от Бога, и основной отличительной чертой тому служит безверие, утеря веры в Истинного Бога. И в этом смысле курение, практикуемое адептами нехристианских религий, вовсе не этологическая черта быта того или иного народа и отнюдь не только обычай. Это ритуал, связанный с верой, которую исповедуют люди вполне определённых религиозных убеждений.

В этологии курение — безусловный признак нравственной нечистоты; не случайно запах табачного дыма присущ местам, которые можно определить словосочетанием «проходной двор» или вообще одним словом «подворотня». Как существует порядок добродетелей, так есть и последовательность грехов. Нетрудно заметить, что обычно происходит и как развиваются события в злочных местах. Схема, как правило, неизменна: сигарета, затем алкоголь, затем блуд и финал — убийство, то есть смерть. Способ проверки очень прост. Включите телевизор на канале, где идёт фильм про «хороших» или «плохих» парней, в принципе, даже неважно, какой вариант будет в эфире. «Хорошим» парням для развития сюжета обязательно нужны парни «плохие»; значит, схема «сигарета — алкоголь — блуд — убийство» обязательно будет присутствовать в сюжетной линии «плохих» парней, кото-

рые нужны сценаристам как воздух — иначе с кем же будут сражаться «хорошие» парни? Кинематограф сделал причинно-следственную связь страстей и грехов очень наглядной, но ничего нового не изобрёл, просто со времён братьев Люмьер всё приобрело предельную наглядность — и соблазнительность.

В качестве иллюстрации, так сказать, обыденной греховности курения приведём пример из XIX столетия, который по сравнению с нынешним растленным веком может показаться эпохой наивности. Дж. Г. Бертран в своей книге «История розги» приводит весьма выразительный случай; он пересказывает описание танца, имеющего отношение к теме курения, — танца папиросниц. «Передавая этот случай, — пишет исследователь истории телесных наказаний, — я постараюсь по возможности сохранить местный колорит языка историка Жуанеса, у которого я его беру...»

«Это был трактирчик, где по вечерам собирались шуло, пикадоры и вообще тёмные личности. Слышались звуки гитары, какой-то сдавленный голос напевал популярный романс, шумел баскский барабан, раздавался весёлый смех женщин и площадная брань во всех четырёх концах низкой и полной табачного дыма зале. Среди комнаты стоял чрезвычайно длинный стол, за которым каждый из собутыльников мог свободно расположиться и поглощать вино, подаваемое кабатчиком.

Вошёл высокий, сухой и мускулистый молодой парень, неся в руках свёрнутую шаль. Он сел к столу и, взяв гитару, стал играть какую-то хабанеру с довольно страстными звуками. Женщины повысыпали из всех углов; опрокинув корпус назад, выпятив сильно круп и высунув руки вперёд, они стали танцевать.

— Анда! Анда! Олле! Олле!

Мужчины хлопали в ладоши в такт.

Высокая молодая девушка, стройная, с матовым цветом лица, блестящими глазами от страсти, вскочила на стол ловким кошачьим прыжком. — Олле! Олле! Заиграли три гитары, раздался звук кастаньет. Под резкие звуки гитар, под весёлый припев "олле!" девушки, продолжая танцевать, начали медленно раздеваться, и тут одна из них стала со спокойным бесстыдством мимировать танец папиросниц. Многие писатели говорили о грубой сладострастности этого танца. Женщина берёт в рот сигару, зажигает её. Держа руки в боки она кончает танец, вынимает изо рта сигару и вставляет её в... другое место.

Раздался гром аплодисментов, женщины прыгали от радости, мужчины чокались стаканами с вином, проливая его на стол. Попойка продолжалась до самой зари...» — Эффектная иллюстрация порочной жизни «благочестивой» Испании XIX века...

В своё время Фрейд уверял своих последователей, что сигарета есть не что иное, как фаллический

символ. Может быть, и даже скорее всего, для Зигмунда Фрейда, провозгласившего в человеческой природе примат зла, реализуемого в похоти, так оно и было, но, что касается и Фрейда, связь между «предметами», конечно же, есть — как и всегда есть связь между страстями. Не стоит забывать, что отец психоанализа, черпавший свои откровения в системе кровосмесительного треугольника (Фрейд — жена — родная сестра жены), созданного им, был настолько заядлым курильщиком, что никогда не расставался с сигарой, сопутствующей ему всегда. И сексуальные экзерсисы Зигмунда с родными сёстрами не являлись в данном случае исключением.

Если применить столь любимый Фрейдом принцип психоанализа к жизненному праксису этого человека, получим весьма символическую картину, в которой важнейшими символами будут кровосмешение, сигара и собака (с которой Фрейд, как и сигарой, был неразлучен). В Библии пёс — это нечистое животное (одна из причин такого определения — похотливость животного). В религии Шумера жертва ритуальной храмовой мужской проституции имела терминологическое название: «цена пса», на это вполне определённо указывает и Ветхозаветное Писание (Вт. 23,18). Кстати, смерть Зигмунда Фрейда весьма назидательна, в том числе и для курильщиков. Он умирал мучительно, диа-

гноз служил приговором: рак языка. С точки зрения верующего человека — всё закономерно...

Может быть, это документальное свидетельство давно минувших дней на тему «о времена! о нравах!» покажется чрезмерно грубым и вульгарным, но взаимосвязь греховных дел универсальна. Макарий Великий так определил суть греховных вождений: «Есть нечистый огонь, который воспламеняет сердце... и побуждает людей к непотребству и тысячам злых дел»*.

В современной Колумбии есть легендарная Серебряная гора, у подножия которой расположен городок шахтёров Потоси. Серебряная гора (её ещё называют Богатой горой — Сьерро Рико) — уникальные залежи драгоценного металла сделали её знаменитой: там и сейчас добывают серебро. В недра горы ведут шахты, они опускаются всё ниже, всё ближе к глубинам преисподней. В языческих цивилизациях пещеры всегда служили спелеологическими путепроводами в ад. Серебряная гора, изрытая тоннелями, в которых шахтёры рубят сереброносную руду, давно стала достопримечательностью, а значит, и объектом туристических программ.

Что же увидит искатель чудес света, войдя в «приёмную залу» горы, откуда берут начало мно-

* *Макарий Великий.* Наставления о христианской жизни. // Добротолюбие в 5 т. — Т. 1. — М., 1895 — С. 217.

гочисленные ответвления ходов-тоннелей? Он увидит глиняное изваяние хозяина горы... и преисподней: это восседающий на троне дьявол. Образ создан со знанием дела: крутые рога, свиное рыло, копыта, горящие красными стеклянными бусинами глаза, эрегированный фаллос — и сигарета в пасти. У подножия трона — листья коки, бутылка дешёвого виски и, конечно же, монеты. Без денег тоже нельзя: как никак сребролюбие всё-таки «корень всех зол» (1 Тим. 6,10). Кто лицезрел сию скульптуру героя нашего времени, подтвердит: впечатляющая картина. Партии шахтёров-католиков, отправляющихся на смену в недра горы, с молитвенным благоговением поднесут бесу листья священной коки, спрыснут дешёвым виски восседающего на троне «князя мира сего» — козла и, раскурив потухшую сигарету, вставят её в пасть местного бафомета: он обязательно должен курить. Всё очень наглядно. Совершив ритуал, шахтёры отправляются в недра горы, в преисподнюю — за серебром, которое и поныне служит самым точным мерилom ценностей преходящих.

Впрочем, не нужно думать, что раскуренная сигарета в пасти идола горы Сьерро Рико есть нечто эксклюзивное, совершенно неповторимое. Этот люциферианский символ — демонический огонь в том или ином виде, так или иначе присутствует абсолютно во всех языческих культурах, религиозных системах и практиках. И язычество славян-

ских племён отнюдь не исключение. Все мы знаем о погребальных кострах языческой Руси. Но сейчас упомянем лишь то, что непосредственно связано с курением. Издетства нам известно о злом персонаже народных сказок — Бабе-яге. Что было обиталищем этой фольклорной ведьмы? Правильно, избушка на курьих ножках. Иллюстраторы сказок всегда и ничтоже сумняшеся изображали и изображают обитель зла, жилище Бабы-яги в виде ветхого сруба, стоящего на куриных ногах. И совершенно напрасно, потому что это ошибка, свидетельство очевидного непонимания, о чем идёт речь.

В славянском фольклоре и мифологии зло обитало в избушке именно на курьих, не куриных, а курьих, то есть окуренных ногах. Этимологические словари однозначно и со всей определённой указывают семантический ряд и происхождение слова «курить»: общеславянское от «kury», — «дым»; болг. «курна», — «зажигаю»; сербохорв. «курити»; чешск. «kouriti», — «дымить». Этому родственны лит. «kuriu» — «разжигать»; гот. «haugi» — «уголь»; др.-исл. «huggr» — «огонь». Здесь не совсем уместно пересказывать результаты исследовательских трудов русских и российских археологов и этнографов. Ограничимся самым существенным.

Избушка на курьих ножках — жилище Бабы-яги есть не что иное, как «дом мёртвых», «дом смерти». Обычай устройства бревенчатых над-

могильных сооружений не является чем-то уникальным. Он широко известен археологам и историкам. Соответствующий языческий погребальный обряд совершался следующим образом: тело умершего сжигалось и кремированные останки помещались в «дом мёртвых». Древний погребальный ковчег, «дом мёртвых» — это и есть «избушка на курьих ножках», жилище Бабы-яги. Языческий погребальный обряд включал в себя ритуал окуривания столбов, на которых помещался погребальный сруб «дома мёртвых», «избушки без окон, без дверей» (из царства смерти выхода нет, туда уходят безвозвратно). Окуривание пней или столбов — «ножек», на которых сооружался такой «дом», имело магический характер. Тем более следует помнить в связи с этим, что «дыма без огня не бывает».

Самый известный и авторитетный исследователь русской сказки как жанра В. Я. Пропп очень убедительно показал неразрывную связь обитательницы «избушки на курьих ножках», самой «избушки» и её «курьих» — курных ножек не только с языческими представлениями о загробном мире (этот языческий загробный мир есть не что иное, как ад), но и с обрядом инициации, путешествия в мир мёртвых. В связи с предметом наших размышлений (общем — курении как таковом и частном — курьих ножках избы Бабы-яги) позволим себе привести

несколько цитат из главного труда В. Я. Проппа «Морфология сказки» (М., 1928).

«Сказка сохранила следы некоего широко распространённого обряда. Этот обряд связан с представлениями о смерти... Во время инициации из посвящаемого вынималась душа...»

«Избушка — вход в иное царство. Жилище смерти имеет вход со стороны смерти... При обряде инициации посвящаемый как бы спускался в область смерти через эту хижину...»

Итак?

Итак: из всего в этой книжице сказанного понятно, что курение есть религиозный ритуал, позаимствованная из языческой древности и ставшая столь современной реминисценция вхождения в область смерти, а это есть ад в самом конкретном смысле слова. Курение — инициация, превращающая человека в прокуренную с ног до головы «избушку Бабы-яги», буквально «избушку на курьих (ножки тоже, как и всё остальное, прокурены) ножках», в «дом мёртвых», «обитель смерти». Этим и занимается курильщик, и что это, если не прокуривание самого себя буквально «с ног до головы»? В древности каждый совершитель такого ритуала, то бишь курения, прекрасно знал, что он делает и для чего этот ритуал установлен и совершается. Смысл такового действия заключался в том, чтобы приготовить человека (самого себя)

к «жизни» в аду, то есть, строго говоря, к участи смерти вечной...

Курение, кроме всего прочего, признак нечистоты. Некурящий человек, особенно ребёнок, ощущает дым сигареты как отвратительный смрад, мучительный и невыносимый, какой-то скверной, отравляющей душу вынужденного дышать этим поистине адским зловонием.

Однажды услышанная мною история, конечно, приточная, конечно же, литературный вымысел, однако, в общем-то, верно передаёт мысль о том, что ожидает курильщиков, которые не собираются расставаться с пагубным пристрастием, объясняя своё нежелание соображениями и доводами, которые сводятся к двум пунктам: во-первых: «я никому своим курением ничего плохого не делаю»; во-вторых: «я хороший человек, живу — никого не обижаю, не ворую...» и т. д. и т. п. Относительно первого пункта всё обстоит и с точки зрения медицины, и с точки зрения нравственности совсем не так: пассивное курение некурящих, вдыхающих сигаретный дым, даже более опасно; относительно второго — соблазн подрастающему поколению очевиден: так устроено, что дети копируют взрослых. Но ближе к теме, то бишь к нашей истории «невинного курильщика».

Жил-был один мужичок, непьющий, работающий, по-человечески добрый, независтливый.

Назовем его Иваном — так уж повелось на Руси: в приточных историях чаще всего фигурируют Иваны. Ходил наш Иван на работу, получал регулярно зарплату, приносил домой, жену не обижал, во вредных привычках соседями замечен не был, кроме, впрочем, одной — курил как паровоз. Да кто по нынешним временам не курит? Ну, жил, значит, мужичок, поживал да добро кое-какое, как говорится, наживал. Детишки, как водится, пошли, потом внуки. А поскольку не было у него плохих привычек, кроме курения, купил он кооператив, дело было в советские времена, потом квартиру дочке. Да всему когда-нибудь, а лучше сказать, в своё время, приходит конец. Помер наш мужичок, и на том свете душа его пошла по мытарствам. Повёл его ангел хранитель по райским обителям, уготованным праведникам. Показал потом удолия ада, где мучаются невыразимыми мучениями грешники. И говорит: «Ну, Иван, пришло время душеньке твоей услышать приговор от нелицемерного и праведного Судьи, Господа Бога».

Разные, понимаешь, любезный читатель, бывают приговоры: бывают быстрые, бывают пространные, но в основном быстрые — чего уж тянуть, и так всё при жизни было ясно: что сеял человек во дни живота своего, то и будет пожинать, если, конечно, покаяться и загладить грехи не успел, то есть не захотел. С Иваном, однако, маленько другой случай

вышел, сложный случай, непростой, значит, даже, можно сказать, в каком-то смысле диалектический.

Это самое и сказал ангел хранитель вострепетавшей бедной душе раба Божия Иоанна, только тогда вдруг уразумевшего, что самое важное — во время, то есть до приговора, понять, что перед Богом ты предстанешь не ударником труда или знаменитым сталеваром, или профессором с мировым именем и не членом ЦК, не губернатором, не министром и даже не славным малым — а просто рабом Божиим.

Короче: Иванов случай — трудный для нас, грешников, а для Праведного Судьи, у которого Премудрость, — случай обычный, человеческий, и вся-то трудность в том, что неготовым ушёл из мира сего и предстал пред Господом раб Божий Иван. Ещё короче: поскольку представившийся зланикому не творил, не завидовал, не осуждал, но оставил брэнную плоть, не оставив дурную привычку курить, не может, не способна душа Иванова сподобиться райского блаженства, ибо на все времена и для всех без исключения верна истина: «ничто скверное Царство Божие не наследует». Однако по причине незлобивости своей может душа Ивана выбрать любое для себя местопребывание — но вне рая, то есть сами понимаете, где. Таков оказался жребий Иванов, мудрый Божий приговор. А поскольку никакого чистилища-компромисса вроде

земного «и нашим и вашим» на том свете нет, такое послабление не очень-то и может утешить. Вострепетал наш Иван.

Вспомнил бедняга виденное в аду — и ужаснулся: нечего выбирать, одно, как говорится, хуже другого. И, цепляясь как за соломинку, почти без надежды, спросил ангела хранителя о тёмном мрачном тоннеле, который он видел при самом выходе из ада и который не рассмотрел хорошенько, думая только об одном: когда же закончится реальность преисподней, перед которой ничто не значат все фильмы ужасов, разом взятые. Тогда он лишь успел заглянуть под низкие закопчёные своды и услышал, что это место мучений курильщиков.

Одна мысль мелькнула в сознании Ивана — как лазейка, как уверенность, вынесенная из той, прожитой суетной грешно-безгрешной жизни, что безвыходных положений не бывает. И тут, словно ответ на ещё не высказанное желание, вновь открылся ему зев того тоннеля. Низкие своды, уходящие в бесконечность, и мутная смрадная дымка, медленно выползающая из подземелья. Пригнулся Иван, чтобы разглядеть: что же там? Из подземелья тянуло терпким, оглушающим духом отхожего места и тамбура забитой советской электрички, в котором табачный дым дешёвых сигарет сгущён до такой концентрации, что словосочетание «хоть топор вешай» не кажется преувеличением и метафорой.

Коллеблющийся флёр табачного дыма висел под закопчёным сводом, а под ним толпа людей по шейку, простите, в дерьме — и все курят... Мерцавшие в полумраке подземелья огоньки козых ножек, самокруток, папирос, сигар и сигарет будто сигналили Ивану: давай к нам, здесь не так уж и плохо! И бедный Иван, подстёгиваемый воспоминаниями прочих виденных им мучений ада, согласился.

Он едва успел вымолвить: «Здесь. Я согласен», — как тут же откуда ни возьмись явившийся бес — совсем не похожий на плутоватого пакостника из гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а грязный, вонючий, покрытый колючей жёсткой свиной щетиной, — хватъ грешного Ивана за шиворот и в самую гущу толпы наказуемых курильщиков забросил. Подскочил бесёнок — Ивану сигарету в зубы, бедняга успел заметить: сигареты «Прима», которые он всегда и курил, — и щёлк зажигалкой. Затянулся наш герой горьким дымком адского, простите за каламбур, зелья; затянулся второй и только успел подумать: «Пускай в дерьме и пованивает, а ведь ничего... По крайней мере, есть с кем словом перекинуться».

Только он вознамерился завязать знакомство с соседом, как вдруг влетает в подвал огромный, страшный, совершенно зверского вида бесина с гигантским кнутом в волосатой когтистой лапе, как щёлкнет — оглушительно, с оттяжкой, натуральный

палач, в совершенстве отточивший своё ремесло на грешниках, — как гаркнет нечистый: «Кончай перекур! Начинаем приседания!» Тут, будь то в других обстоятельствах, и рад бы наш осуждённый услышать, как в том анекдоте про Джо, так сказать, американского Ивана: «Вот и конец тебе пришёл, Иван», — да только мукам этим, увы, не будет конца...

Остальное, как принято писать в романах классической русской словесности добропорядочного XIX века, благочестивому читателю сей печальной истории подскажет воображение, а неблагочестивому — собственный опыт. Ибо, конечно, все мы знаем, что курение — порок.

«Нет порока без оправдания, начало всякого из них скромно и простительно, зато после он разливается широко. Позволь ему возникнуть — и ты не покончишь с ним никакими стараниями. Всякая страсть сначала немощь, а потом сама себя разжигает и набирает силы, разрастаясь: легче не пустить её, чем выгнать. Кто спорит с тем, что всякая страсть берётся из некоего естественного истока?» Так в одном из своих писем к Луцилию справедливо говорит Сенека. «Заботиться о себе велела нам природа, начни потакать этой заботе — и она превратится в порок. Наслажденье природа подмешала к вещам, необходимым не затем, чтобы мы его домогались, но чтобы благодаря этой прибавке стало

приятнее для нас то, без чего мы не можем жить; а появится samozаконное наслаждение — и начнётся сластолюбие».

Это написал языческий мудрец, не знавший Христа. И его суждение верно, потому что основано на бесчисленных примерах и опыте, обретенном путём искушений. Сенека строго заключает: «Ты сейчас выставишь против меня общий упрёк: "Слишком много вы обещаете, слишком суровы ваши наставления! Мы люди слабые и не можем себе отказать во всём!" Знаешь, почему мы этого не можем? Не верим, что можем. А на деле, клянусь, всё иначе. Мы защищаем наши пороки, потому что любим их, и предпочитаем принимать их, а не изгонять. На это природа дала человеку довольно сил — если мы соберём их и напряжём, и пустим в ход не против себя, а в защиту.

Не хотим — вот причина, не можем — только предлог. Будь здрав»*.

Для верующего, православного христианина, недугующего грехом курения, альтернативы нет: необходимо бросить курить — раз и навсегда. Всё предельно ясно: курение не только лишь вредная привычка — это тяжкий грех, всегда имеющий свои последствия, и они пагубны. Вставший на путь борьбы с пороком не должен смущаться тем, что,

* Сенека. Письма к Луцилию. Письмо CXVI.

скорее всего, будет тяжело. Ничего страшного: всё хорошее мы приобретаем с великим трудом. Василий Великий, Иоанн Златоуст, да и все святые отцы, оставившие назидательнейшее наследие церковного учения, единодушно свидетельствуют об этом законе духовной жизни. Златоуст, наставляя не только свою паству, но и нас, говорит: «Так как избавление от бедствий обыкновенно делает людей более беспечными, то Бог и при самом даровании благ попускал им подвергаться частым искушениям, чтобы искушения были для них постоянным упражнением в любомудрии. Бог не оставляет людей навсегда ни в несчастьи, чтобы они не изнемогли, ни в счастье, чтобы они не сделались беспечными; но различными способами устраивает их спасение.

...Дивные дела Божии тогда особенно и открываются, когда слабые побеждают сильных... Христос сказал ученикам: "Даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражию" (Лк. 10,19). Теперь уже не открытая борьба и не равный бой; но диавол лежит, повергнутый на землю, а ты стоишь прямо и поражаешь сверху; он обессилен, а ты крепок. Почему же он часто одерживает над нами победу? По нашему малодушию, по беспечности... Христос даровал тебе оружие — броню правды, препоясание истины; шлем спасения; щит веры, меч Духа; дал тебе залог — плотию Своею питает тебя, кровию Своею напояет тебя, вручил крест,

как копьё, копьё никогда несокрушимое... Итак, ты безответен, если бываешь побеждаем; не имеешь оправдания, если терпишь поражение, потому что имеешь бесчисленные средства к победе...

Не падай же духом, стой мужественно... чтобы, одержав светлую победу, с великою славою достигнуть нам Царствия Небесного!..» (Беседа на Пс. 123).

Действительно, так устроил Господь Бог для нашего же блага: только то, что мы приобретаем с великим трудом, остаётся нашим достоянием навсегда. Только обрётённому с великим трудом мы знаем цену; а всё, что с лёгкостью и беструдно получено, так же легко человек теряет. Поэтому не должно смущаться трудностями в борьбе с пагубнейшим для души и тела пороком — курением. С помощью Божией надо всеми силами стремиться победить: «Побеждающему дам сесть на престоле Моём, как и Я победил», (От. 3,21) — говорит Христос, победивший смерть и грех и освободивший нас от проклятия.

Как знаем, это сказано Лаодикийской Церкви тем, кто «ни холоден, ни горяч», говорящим: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды». (От. 3,17). Наказывает и обличает Господь тех, кого любит (От. 3,19). Только от самого человека, надёжного свободной волей и самовластием, зависит, кем он будет — рабом страстей или стяжателем чи-

стоты телесной и душевной. Апостол Павел чрез века простирает слово ко всем нам: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть» (2 Кор. 13,5).

Остаётся одно затруднение: в Священном Писании часто говорится об огне — определённо в положительном смысле — как, например, в уставе о жертве всежжения, предложении хлебном, жертве мирной, жертве за грех, жертве повинности. Этот огонь был некой священной принадлежностью ветхозаветной скинии, Соломонова храма, молитв Единому Истинному Богу Ветхозаветной Церкви. Как соотнести все свидетельства Библии об огне, на котором совершались священные жертвоприношения: «благоухание, приятное Господу»; огне жертвенника, который не должен был угасать ни днём ни ночью, — с огнём, в который будут ввержены грешники? Есть ли разница между тем огнём, о котором шла речь в рассуждениях о языческом, люциферианском ритуале курения, и тем огнём, который повелел Моисею возжечь Господь? И если есть, то в чём эти различия заключаются?

Разница, конечно, есть. Тот огонь, который в древности пылал у стен Соломонова храма, как и всякий другой огонь, возжигаемый людьми, имеет определённую физическую природу — будучи активным процессом окисления. Этим же огнём горит

и восковая свеча у святого образа, которую тыставишь в церкви, куда любишь придти в одиночестве, чтобы побыть наедине с собой и наедине с Богом. Если иметь в виду только физику процесса, химическую реакцию горения, то в терминах науки, описывающей определяемое нами в словах «горение» и «огонь», не будет различий вне зависимости от горючего вещества: пылают ли дрова в паровозной топке, сжигает ли дизельный двигатель солярку или воспламеняется керосин в авиационной турбине — всё это огонь, в принципе, такой же, каким мы возжигаем свечу в храме или в алтаре пономарь разжигает уголь для каждения. Это с точки зрения науки — точной и голой науки. А голая наука, несмотря на кажущееся беспристрастие, слепа — не видит собственной наготы, хоть и претендует на всезнайство и всеведение, взирая на всех и всё через толстые линзы очков умных учёных — мудрецов века сего.

В отношении тварного огня всё определяет намерение человека. Точно так же, как с вещественным огнём, дело обстоит и с нами. Одних мы называем добрыми, потому что их воля направлена к тому, чтобы творить добро; других называем злыми, потому что они сознательно грешат, действуя эгоистично, а потому и нечеловеколюбиво: завидуют, клеветают, лгут, похищают не принадлежащее им, обижают ближних... По природе каждый из нас

есть человек и добр, то есть физически мы тождественны, или, если употребить богословский термин, единосущны. Мы не тождественны лично: в этом каждый неповторим, он личность. И мы также отличаемся волей. Вот здесь-то и вся суть: в воле своей мы самовластны, и воля некоторых устремлена на злое.

Так и со свечой: одни свою свечу приносят Богу и возжигают её: живут так, что тепло и свет их свечи рассеивают тьму и холод отчуждения, они и другим указывают правый путь. Другие ставят свою свечу князю мира сего — и горит она тогда чадным пламенем страстей и похотей. Всё дело в направленности воли, то есть перед каким образом возжигает её человек: Христовым или сатаны. При этом огонь физически — один и тот же: природа наша не меняется и в том, и другом случае. Но если кто живёт страстями (увы, в наше время это стало почти правилом) или даже сознательно служит дьяволу и поклоняется сатане, такой огонь — всё равно ворованный, в Священном Писании он назван «чуждым» (Лев. 10,1-2), потому что огонь в сакральном смысле символизирует жизнь, а податель жизни и самоё Жизнь есть Бог.

Существует более глубокий аспект, сокрытый в понятиях огня и света. Есть нетварный, Божественный огонь и свет — тот огонь, который почил на апостолах в виде огненных языков, и тот свет,

что воссиял на горе Фаворской, — он ярче солнца. Искра этого Божественного огня и сияние этого света дарованы каждому из нас, потому что каждый из нас человек и несёт в себе отображение Бога. «И душа, пребывая в духовном огне и Божественном свете, не потерпит никакого зла от лукавых духов; а если и приблизится к ней что, то потребляется небесным огнём Духа... Невещественный и Божественный огонь освящает души и искушает их, как неподдельное золото в горниле, а порок попалает, как терния и солому, потому что "Бог наш огонь поядаяй есть" (Евр. 12,29). Действенности сего огня взыскупя, блаженный Давид сказал: "...искуси мя, Господи, и испытай мя, разжзи утробы моя, и сердце мое" (Пс. 25,2). Сей огонь согревал сердце Клеопы и спутника его, когда говорил с ними Спаситель по воскресении... Огонь сей прогоняет бесов и потребляет грех»*.

Человек для своего же блага нуждается в доброделии. Бог всем нам попускает убеждаться в собственном несовершенстве и греховности, «заключает в непослушание» (Рим. 11,32) не с какой иной целью, как чтобы помиловать. Мы сами ввергаем себя в страстное состояние, но Бог обращает нам

* *Макарий Великий. Добротолюбие.* // Т. 1. — М., 1895. — Изд. Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря пп. 173 — С. 175—176, 222—223.

это во благо, поставляя нас на поприще борьбы — и награждая за временные усилия вечной жизнью. Что труднее всего? — Смириться. Мы всегда ищем для себя лазейки самооправдания. Так и с курением. Иной скажет с лукавой ухмылкой: как же вы говорите, что курение грех, а вот Николай II курил...

Ответить на такие «каверзные вопросы» не составит никакого труда. Собственно говоря, вся история Христианской Церкви представляет бесчисленные ответы на подобного рода не столько вопросы, сколько попытки вопрошающих самооправдаться и уйти от ответственности. Да, очень многие святые люди, как о том беспристрастно повествуют их жития, до своего обращения ко Христу недоговали страстями, вели неблаговидный образ жизни и приносили жертвы идолам. Известны многочисленные случаи, когда язычники и даже палачи христиан, преданных на муки, обращались ко Христу, исповедовали себя христианами, и их кровь смешивалась с кровью тех, кто был приговорён умереть за Спасителя мира. Прочтите Житие мученика Вонифатия — и оно тоже будет ясным свидетельством истинности приговора Праведного Судии: «В чём застану, в том и сужу».

Представьте подвал Ипатьевского дома. Царская семья. Объявление богоборцами «приговора», предваряющего жестокое убийство, зверскую расправу. Какими были последние минуты и мгно-

венья земной жизни царя? Молитвой. Этим всё сказано. «В чём застану, в том и сужу...» Теперь вспомните советские и нынешние фильмы «про войну». Почти обязательный эпизод: трагические кадры — советские военнопленные (солдаты, партизаны или разведчики), их должны расстрелять. Или же минуты перед атакой идущих на верную смерть. Что мы видим в таких кино? Правильно, последний раз покурить. Как говорится, почувствуйте разницу. Разница, как полагаю, очевидна; как и очевиден ответ на «заметки инославных» по поводу последнего российского самодержца.

Когда мы говорим о святых, то какими бы немощами и грехами не была отмечена их жизнь до исповеднического подвига жертвы за Христа, всё зависит от того, в каком состоянии окончено поприще. Иначе и апостола Павла нынешние фарисеи (подобно фарисеям времён евангельских) лишат святости; таковые не останутся оклеветать и святого князя Владимира.

Итак, от нас самих зависит, какой огонь возжём в своих душах и жертвенником кому будет наше сердце. Те, кто предпочтут жить во грехах, если не уврачуют собственные души покаянием, услышат: «Горе тем, которые связаны грехами своими и покрыты беззакониями своими! Это — поле, которое заросло кустарником и через которое путь покрыт тёрном, так что человек проходить не может: оно

оставляется и обрекается огню на истребление» (III Ездр. 16,78).

В XXI веке «образованное» человечество вследствие титанических усилий тех, кто мнит себя властителями мира и действует через тотальную пропаганду, распространяя идеологию материализма, отвергающую бытие Бога, оказалось беззащитным. Оно не видит, не способно видеть опасности, происходящие от того, что на языке Церкви именуется грехом. Утеряно само понимание жизни как богодарованной высшей ценности.

Итак, что же делать? Быть! «Избери жизнь, чтобы жить!» (III Ездр. 7,59)

Дай Бог — и в этом Его святая воля, чтобы мы, христиане, пламенели огнём Божией любви, чистым огнём святости, опаляющим всё скверное, тем огнём, который принёс на землю человеческих сердец Христос! Тем огнём, о котором говорил Спаситель мира и каждой человеческой души: «Огонь пришёл Я низвести...» (Лк. 12,49)

Оглавление

<i>От издателя</i>	3
ГЛАВА I	
Знамение времён	5
ГЛАВА II	
Америка?	24
ГЛАВА III	
Пионеры преисподней.....	50
ГЛАВА IV	
Знание — сила!	76
ГЛАВА V	
Ключ тайны.....	100
ГЛАВА VI	
Паноптикум или Катарсис.....	119
ГЛАВА VII	
Очевидное-невероятное.....	149
ГЛАВА VIII	
Взаимосвязи	179

Курить или не курить?

Издательский Дом «Русская Арктика».
Нарьян-Мар. Соборная площадь, 7

Макет и вёрстка *Наталья Гриц*
Корректор *Мария Стимбирис*

Подписано в печать 26.09.2020. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Заказ № 05653. Тираж 3000 экз.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
промышленная зона Боровлёво-1, комплекс № 3А, www.pareto-print.ru